PG2105
.D4
1923
t.1

Uchebnik russkoĭ grammatiki

N.S. Derzhavin

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG2105
.D4
1923
t.1

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/uchebnikrusskogr01derz

Проф. Н. С. ДЕРЖАВИН

PG2105
.D4
1923
t.1

УЧЕБНИК
РУССКОЙ ГРАММАТИКИ

ОПЫТ НАУЧНО-ЭЛЕМЕНТАРНОГО КУРСА

Издание четвертое

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА - - 1923 - - ПЕТРОГРАД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.

СЕРИЯ УЧЕБНИКОВ И ПОСОБИЙ ДЛЯ ЕДИНОЙ ТРУДОВОЙ ШКОЛЫ.

РУССКИЙ ЯЗЫК И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Ананьин—„Утренние зори". Книга для первоначального чтения. Азбука глухонемых по пальцам.
Бродский, Мендельсон, Сидоров—Наш мир. Книга для чтения, ч. I—IV.
„ „ „ —Историко-литературная хрестоматия, ч. I, II, III.
Борзова—Букварь.
Вахтеров—Новый русский букварь.
„ —„Первый шаг". Букварь.
„ —Мир в рассказах для детей. Книга I и II.
Гиппиус—Синтаксис современного русского языка.
Горобец—„Из деревни". Букварь.
Гливенко—Чтения по истории всеобщей литературы.
Державин—Учебник русской грамматики.
„ —Маленькая грамматика.
Зельцер, Элькина—Книга для чтения и бесед в школе взрослых.
Озаровская—Бабушкины старины.
Петров, К.—Этимология.
„ —Синтаксис.
Поляков—Развитие речи.
Трофимова—Сборник статей для рассказов, ч. I и II.
„ —Страны, города, народы,—хрестоматия.
Тумим—„В помощь пишущим"—орфографический словарик.
Толстой—Книга для чтения.
Шапошников—Этимологический задачник.
„ —Задачи по правописанию.
„ —Картинки для сочинений.
Щепетова—Орфографические упражнения.
Элькина, Богуславская—„Долой неграмотность". Букварь для взрослых.

ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИЯ.

Богданов—Краткий курс экономической науки.
Вольфсон—Очерки обществоведения.
Виппер—Древняя Европа и Восток.
„ —Учебник новой истории.
„ —Учебник средней истории.
„ —Учебник древней истории.
Коваленский—Учебник русской истории, ч. I и II.
„ —Хрестоматия по русской истории, ч. II, III, IV.
Покровский—Русская история в самом сжатом очерке.
Рожков—Учебник всеобщей и русской истории. Вып. I. Древняя.
„ „ „ „ „ „ „ II. Средняя.
„ „ „ „ „ „ „ III. Новая.
„ „ „ „ „ „ „ IV. Новейшая.
Сергеев—История древнего Рима.

Проф. Н. С. ДЕРЖАВИН

УЧЕБНИК
РУССКОЙ ГРАММАТИКИ

ОПЫТ НАУЧНО-ЭЛЕМЕНТАРНОГО КУРСА

I. ОСНОВЫ ФОНЕТИКИ И МОРФОЛОГИИ

Для школ и самообразования

Издание четвертое

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА - - 1922 - - ПЕТРОГРАД

Гиз. 3283. 1922 г. 15.000 экз.

Типография Госиздата им. тов. Бухарина. ПТГ. Б. Болотная, 10.

Предисловие к 1-му изд.

Настоящий учебник представляет собою—„Опыт" научно-элементарного курса грамматики русского языка, т. е. курса грамматики, в частности—фонетики и морфологии, построенной на данных современного языкознания и по методу изложения и расположения материала приспособленной к целям преподавания в средней школе.

Я не могу, конечно, судить о том, в какой мере в моем учебнике мне удалось выполнить эту сложную задачу, и насколько он на самом деле окажется отвечающим своему назначению. Позволю себе только отметить, что за этим учебником стоит многолетняя преподавательская работа в школе его автора, и что некоторые отделы учебника представляют собою точное воспроизведение его уроков. Этим я хочу, сказать, что, работая над своим учебником, я отдавал себе совершенно ясный отчет, для кого я писал его, и как этот учебник, по моему крайнему разумению, должен быть изложен сообразно с тем, для кого и для чего он предназначается.

Я глубоко убежден в том, что при добром желании преподавателя, особенно теперь, когда его творческой инициативе в школе открыт самый широкий простор, когда никто и ничто не может стеснять его личной научной ориентировки, при условии наличности более или менее удовлетворяющего своему назначению учебника, мы могли бы постепенно общими силами внести элемент научности и в школьное преподавание грамматики, сообщить своему предмету высокое образовательное значение и оживить несколько наши школьные занятия родным языком...

В этом именно направлении уже давно работает и наша педагогическая мысль (см. мои „Основы методики", П. 1917, стр. 205—332). Вопросы методики преподавания сейчас отступили у нас несомненно на второй план пред основным вопросом о *содержании* самого курса школьной грамматики. Мы думаем сейчас не о том, *как* преподавать грамматику в школе, а прежде всего о том, *что* преподавать на уроках грамматики, чтобы наш предмет приобрел здесь такое же образовательное значение, какое в общей системе школьного курса имеют история, география, физика и др. пред-

меты, и какого сейчас лишено только преподавание грамматики родного языка, этого важнейшего в воспитательном и образовательном отношении предмета всего курса средней школы. Подобно другим предметам, и грамматика русского языка должна давать учащимся известную сумму положительного знания в области важнейших фактов жизни русского языка, воспитывать в них наблюдательность и самоанализ и будить их филологическую любознательность. В этом именно духе, как с точки зрения своего содержания, так и с точки зрения методов преподавания, и должен быть построен весь курс школьной грамматики. Само собою разумеется при этом, что научный курс школьной грамматики может быть только научно-элементарным курсом.

Школьное преподавание грамматики должно освободиться также и от другого предрассудка. Обыкновенно до сих пор с преподаванием грамматики школа связывала практические интересы злополучной орфографии и часто в чрезмерном увлечении орфографией доходила до того, что грамматика совершенно приносилась в жертву орфографии и становилась каким-то ненужным и неприятным привеском к школьным занятиям языком. На почве такого именно увлечения орфографией в последнее время у нас и родилось в школьной литературе и педагогической практике целое течение, ставившее школьному преподаванию грамматики самые узкие элементарно-практические задачи, задачи усвоения через грамматику основ орфографии и стилистики. Не интересуясь вовсе грамматикой языка по существу, как наукой, рассматривающей и исследующей факты языка и его жизни независимо от орфографии, это течение сознательно выбрасывало из школьного курса грамматики все, что не служило прямым целям орфографии, т. е. весь ее научно-образовательный элемент, и быть может этому именно течению мы больше всего обязаны тем, что и самая грамматика, как особый предмет школьного преподавания, оказалась в конце концов ненужною вовсе для школы, и ее взяли под сомнение.

Имея в виду, что преподавание грамматики в средней школе должно исходить из материала и заключаться главным образом в наблюдении фактов языка в целях воспитания в детях любви и интереса к родному слову, вдумчивого отношения к важнейшим его особенностям, характеризующим его жизнь и развитие, и сознательного пользования его формами, в своем учебнике я старался дать по возможности больше литературного материала для работы преподавателя в указанном выше направлении.

Что касается вообще метода преподавания грамматики, то самым важным мне представляется здесь требование: итти от наблюдения к обобщениям, изучать живой язык, исходя прежде всего из наблюдений над произносимым язы-

ком самих же учащихся, а не учебник; к учебнику же прибегать исключительно в целях практической работы над материалом и воспроизведения в систематическом порядке тех сведений, которые добыты в классе путем самостоятельной под руководством преподавателя разработки определенного материала.

Конечно, не все отделы науки о языке, как бы элементарно их ни излагать, могут быть одинаково доступны всем учащимся младшего возраста средней школы, где приходится иметь дело с крайним многоразличием детской индивидуальности. Но и независимо от этого, в грамматике, несомненно, всегда, при каком бы то ни было изложении, а при неудачном изложении—тем более, могут оказаться отделы более трудные или даже совсем трудные для всех учащихся данного класса или возраста, и отделы менее трудные. В этом случае преподавателю предоставляется возможность более трудные отделы сокращать, перефразировать, переносить в курс более старшего класса, а детали, с его точки зрения, в связи с общей обстановкой и условиями классной работы, излишние—и опускать вовсе. Во всяком случае, „Введение"—предназначается мною только для учащихся более старшего возраста, напр. для воспитанников учительских семинарий и институтов, а также для взрослых лиц, интересующихся вопросами самообразования. В младших же классах гимназий следует начинать курс прямо с учения о звуках, опустив—„Введение".

Наконец, хотелось бы сказать несколько слов и по поводу новой орфографии, принятой, между прочим, и в настоящем учебнике, но признаюсь, что ко всему, что до сих пор у нас по этому поводу было сказано, мне прибавить здесь положительно нечего: новая орфография есть огромный шаг вперед по пути урегулирования нашей крайне беспорядочной орфографической системы, и уже с этой одной точки зрения, не говоря о других мотивах, ее следует приветствовать, какие бы трудности на первых порах и ни стояли у нас на пути практического осуществления этой давно назревшей и существенно необходимой реформы.

Автор.

Основы новой орфографии.

1. Исключается буква *ъ*, с последовательною заменою *ее* через *е (колено, вера, семя, в избе, кроме)*.

2. Желательно, но не обязательно употребление буквы *ё (нёс, вёл, ещё)*.

3. Исключается буква *ъ* в конце слов и частей сложных слов *(хлеб, меч, пять куч, контр-адмирал)*; та же буква *ъ* сохраняется, однако, в середине слов в значении знака отделительного *(съемка, разъяснять, адъютант)*.

4. Исключается буква *ѳ*, с заменою *ее* буквою *ф (Фома, Афанасий, кафедра)*.

5. Исключается буква *і*, с заменою *ее* через *и (учение, Россия, Иоанн, высокий)*.

6. В формах род. п. ед. ч. прилагательных, причастий и местоимений пишется *-ого, -его*, вместо *-аго, -яго, (доброго, пятого, которого; синего, свежего, текущего)*.

7. В формах имен. и винит. пад. мн. ч. женск. и средн. рода прилагательных, причастий и местоимений пишется *-ые, -ие*, вместо *-ыя, -ія, (добрые сестры, старые окна, синие ленты, какие небеса, животные)*.

8. В форме род. п. ед. ч. местоимения личного женск. рода пишется *ее*, вместо *ея*.

9. Пишется *они* вместо *онъ* в именит. п. множест. ч. женского рода.

10. Пишется в женском роде: *одни, одних, одним, одними*, вместо *однѣ, однѣх, однѣми*.

11. Приставки *из—, воз—, вз—, раз—, роз—, низ—без—, чрез—, через—* перед гласными и перед звонкими согласными пишутся с *з*, а перед глухими согласными, в том числе и перед *с*, вместо *з*, пишутся с *с (исправить, воспитать, всхожие семена, расстаться, бесполезно, бесчестно, чересполосица* и т. п.)

12. Допускается слитное и раздельное написание в наречиях, составленных из сложения существительных, прилагательных и числительных с предлогами *(встороне* и *в стороне; втечение* и *в течение; сверху* и *с верху; вдвое в двое)*.

13. При переносе слов:

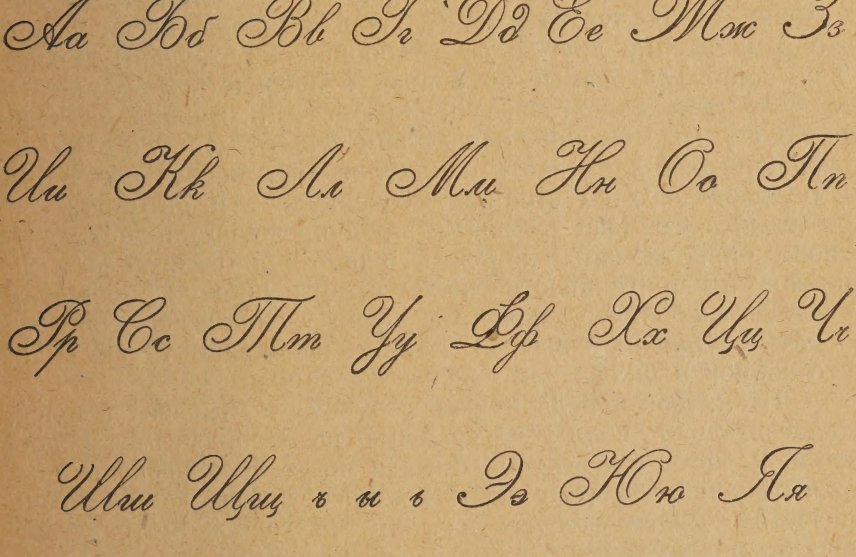
а) согласная (одна или последняя в группе согласных) непосредственно перед гласной не должна быть отделяема от этой гласной;

б) группа согласных в начале слова не отделяется от гласной;

в) буква *й* перед согласной не должна быть отделяема от предшествующей гласной;

г) при переносе слов, имеющих приставки, нельзя переносить в следующую строку согласную в конце приставки, если эта согласная находится перед согласной; напр., надлежит делить: „под-ходить“, а не „по-дходить“, „раз-вязать“, а не „ра-звязать“.

АЛФАВИТ.



Введение.

Общее понятие о „языке".

С древнейших времен своей жизни человек пользовался и продолжает пользоваться различными средствами для выявления своих чувств и мыслей и для сообщения их с различными целями друг другу и вообще окружающим людям. Так, напр., глухонемые объясняются посредством *жестов* и *мимики* (движения глаз, губ, лица и т. п.); моряки разговаривают на расстоянии посредством *флагов*; машинист *свистком* паровоза дает знать о приближении поезда к станции и о выходе его со станции. Велосипедист и автомобиль—*рожком*, а трамвай—*звонком* предупреждают пешехода о своем приближении и просят его посторониться; *колоколом* прихожане приглашаются на молитву в церковь; по *звонку* учитель заканчивает урок и отпускает учеников на перемену; *труба* и *барабан* в военной службе исполняют ту же роль, что звонок в школе или свисток на паровозе.

Итак, для передачи своих чувств и мыслей человек, действительно, пользуется самыми разнообразными средствами, которые в известном смысле могут быть названы *языком;* так, напр. систему разговора посредством жестов можно назвать *языком жестов*, систему разговора посредством флагов можно назвать *языком флагов* и т. п.

К числу тех средств, какими человек обыкновенно пользуется в своей повседневной жизни для выражения своих чувств и мыслей, для передачи их другому человеку, для взаимного обмена ими с другими людьми, принадлежит также и **слово.** Наряду с другими средствами общения людей между собою слову принадлежит важнейшая и существеннейшая роль: слово помогло человеку подняться на высоту культурного развития и занять господствующее положение в среде животного мира. *Язык слов* это и есть именно тот язык, который имеют ввиду, когда говорят о языке человека, и который составляет предмет изучения *науки о языке*, или грамматики языка.

Важнейшие отделы науки о языке, или *языковедения* следующие: *фонетика*—учение о звуках, *морфология*—учение о формах слов; *синтаксис*—учение о грамматическом

предложении; *семасиология*—учение о значениях слов; *лексикология*—учение о словарном составе языка; *этимология*—учение о составе слов по их происхождению. *Грамматикой* в науке называется собственно только учение о формах слов, обнимающее морфологию и синтаксис. В более широком смысле слова, особенно в школьном обиходе, грамматикой называются три отдела языкознания взятые вместе: фонетика, морфология и синтаксис.

Происхождение языка и слова.

Как произошел человеческий язык, вопрос этот остается в науке пока нерешенным. По всем вероятиям, язык первобытного человека состоял главным образом из жестов, т. е. различных телодвижений в том числе и из „звуковых жестов", производившихся движениями органов речи. Вначале эти жесты-движения органов речи тесно сливались и переплетались с другими жестами, но с течением времени звуковые жесты постепенно обособились и приобрели самостоятельное значение; ими человек стал пользоваться в некоторых случаях, как более удобным средством общения, как более удобным „языком", напр. на расстоянии, в темноте, ночью и т. п. Этот обособившийся язык „звуковых жестов" и явился началом языка слов. Постепенно идя в своем духовном развитии все вперед и вперед, человек привык с определенным „звуковым жестом", в котором еще не было отдельных слов, а было только звукосочетание, связывать всякий раз определенную мысль, и только с этого момента и можно говорить о начале человеческого языка. Таким образом, первобытный человеческий язык не был собственно языком слов, потому что обособившийся от первобытного языка жестов язык „звуковых жестов" был вначале выражением целой нерасчленённой мысли, и только с течением времени из этого первобытного языка возник и наш язык слов. Какими путями шло образование из недр первобытного языка-мысли современного человеческого языка слов, науке пока в точности неизвестно. Во всяком случае, следует помнить, что *словом* может быть названо только такое звукосочетание или отдельный звук человеческой речи, с которым в нашем сознании всякий раз тесно связывается определенное представление предмета—стол, дом, быстрый, читать и т. п.; звукосочетание, с которым в нашем сознании не связывается никакого представления предмета, не может быть названо словом вообще или словом по отношению к данному языку.

Как мы говорим.

Для того, чтобы произвести какой-либо звук речи или ряд следующих друг за другом звуков; т. е. звукосочетание, которое при известных, указанных выше, условиях приобретает значение слова, мы выдыхаем из легких струю воздуха, которая чрез дыхательное горло и гортань попадает в полость рта или в полость носа и выходит затем наружу. Громадную роль в образовании звуков речи играет *гортань*, состоящая из системы хрящей и имеющая две горизонтально расположенных мускульных полоски, вроде струн; эти полоски называются *голосовыми связками*; они плотно примыкают друг к другу, но между ними остается так называемая *голосовая щель*.

Если при прохождении струи воздуха голосовые связки, вследствие напряжения соответствующих мускулов, сужены, то струя воздуха, соприкасаясь с ними, заставляет их дрожать; дрожание голосовых связок вызывает колебание соприкасающейся с ними струи воздуха, которая, доходя до нашего уха, вызывает раздражение барабанной перепонки и отражается в нашем сознании ввиде звука или голоса. Если при прохождении струи воздуха голосовые связки не сильно сужены, то не возникает их дрожания, воздух в таком случае производит только трение, вследствие чего вместо ощущения голоса мы получаем ощущение шопота.

Выходя через голосовую щель гортани на простор в полость рта и носа, струя воздуха в дальнейшем движении к выходу наружу встречается с целым рядом новых преград ввиде небной занавески или язычка, твердого неба или просто неба, языка, нижней челюсти, зубов и губ. Все это—различные *органы речи*. Некоторые из них во время речи находятся в постоянном движении, как, напр., язычок, язык, губы, нижняя челюсть, отчего они и называются *активными* органами речи; другие же, как, напр., твердое небо, зубы—остаются всегда неподвижными и называются поэтому *пассивными* органами речи.

Что в грамматике называется „звуком"?

Любой физический предмет, напр., струна, металлическая пластинка, стеклянный сосуд и т. п., приведенный каким либо способом в колебательное движение, приводит своим движением в волнообразное колебательное движение и частицы соприкасающегося с ним воздуха. Достигая нашего уха, такие воздушные волны создают соответствующее коле-

бание барабанной перепонки. Ощущение раздражения барабанной перепонки под влиянием известных ударов на нее волнообразно колебляющихся частиц воздуха передается затем чрез слуховой нерв головному мозгу и воспринимается нашим сознанием как *слуховое ощущение*. Вот это то особое ощущение, воспринимаемое нашим органом слуха, и называется в физике *звуком*.

Занимаясь изучением звука, как известного явления окружающей нас физической, или материальной природы, физика исследует материальную природу звука вообще, она изучает, напр., характер колебания звучащего предмета, условия и законы распространения звуковых волн, физическую природу звуковых волн разного рода и т. д. Грамматика же, во-первых, имеет дело только с звуками человеческой речи, и во-вторых, изучает не только их физическую природу, что делает и физика, но также и все условия образования звука, зависящие как от наличности известного внешнего раздражения, так и от устройства нашего органа слуха и органов речи, т. е. в данном случае грамматика не только соприкасается с физикой, но и с другою наукою, с наукою об устройстве и деятельности различных органов человеческого тела, а этим предметом занимается специально анатомия и физиология. Следовательно, языкознание имеет самое тесное соприкосновение с естествознанием, данные которого она кладет в основу своих специальных наблюдений и изучений.

Но языкознание, или грамматика языка, занимаясь изучением звуков человеческой речи, идет несколько дальше тех задач, которые ставят себе все названные выше науки— физика, физиология и анатомия. Звук с точки зрения физики, и звук, с которым имеет дело грамматика, не одно и то же. Как было указано выше, грамматика, изучая звуки человеческой речи, пользуется всеми данными физики, анатомии и физиологии, когда рассматривает звук, как известное физическое явление. Но с точки зрения грамматики, звук не только явление физическое, но и явление психическое. В этом именно обстоятельстве и заключается существенная разница между тем „звуком", который изучает физика, и звуком, с которым имеет дело грамматика языка. С точки зрения грамматики, звук *а* не только звук, характеризуемый определенными признаками своей физической природы, но и *название определенного представления*, равным образом, как слово с т о л не только ряд звуков, вызываемых определенными материальными причинами и характеризуемых каждый в отдельности и все вместе определенными физическими признаками: это не простое физическое звукосочетание, но звукосочетание, имеющее определенное смысловое значение. Когда мы говорим в грамматике о звуке или звуках, то мы имеем в виду не только известное физическое явление, но физическое явле-

ние, осложненное психическим актом:—„звук *а*“ на языке грамматики значит:— *представление об определенном звуке или целом ряде звуков, называемом а* и имеющем определенные физические и физиологические признаки.

Таким образом, звук с точки зрения физики и звук в грамматике две разных вещи: грамматическое понятие о звуке более сложно, нежели физическое и нежели наше обычное житейское понятие о том же предмете.

Сказанное выше о грамматическом звуке, вместе с тем, убеждает нас в том, как тесно языкознание и в частности грамматика языка связана с психологией, не говоря уж о том, что самый предмет изучения грамматики—язык есть явление не только физическое, но и психическое, а потому не только физика и физиология, но и психология дает нам огромный материал для объяснения многих явлений жизни нашего языка, не объяснимых иначе, без психологии.

Внешняя и внутренняя сторона слова.

Подобно тому как в „звуке“ можно различать физическую или материальную его сторону, если рассматривать звук, как известное явление окружающей нас природы, своеобразным способом воспринимаемое нашим сознанием, и его психологическую сторону, если рассматривать звук, как явление психическое, как продукт мозговой деятельности и работы сознания, так же точно и в „слове“ можно различать две стороны: внешнюю и внутреннюю.

Внешнюю сторону слова образует его звуковой состав, или известный комплекс звуков, известный кусок, или отрезок звукового ряда, что с внешней стороны представляет собою наша речь.

Всякий звук или комплекс звуков, действуя на орган слуха, вызывает в нашем сознании известное слуховое представление. При воспроизведении того же комплекса звуков мы должны заставить мускулы наших органов речи принять сначала соответственное положение и проделать затем известную работу, в результате такой мускульной работы мы получим, во-первых, звук и слуховое представление, а во-вторых, тесно связанное с ним мускульное представление. Совокупность слуховых и мускульных представлений звуков слова образует *представление слова*. Совокупность всех представлений, возникающих в нашем сознании на основании различных ощущений, получаемых от предмета (зрительных, слуховых, осязательных, вкусовых и пр.) образует то, что называется *представлением предмета*.

В силу специального закона психической деятельности по которому известные представления живут в нашем сознании всегда в теснейшей связи друг с другом, так что одно представление, напр., зрительное представление яблока, вызывает в нашем сознании и рядом стоящее с ним другое представление, напр., вкусовое представление того же предмета, и наоборот, иначе говоря, вид яблока может вызвать в нас представление его вкуса, хотя бы мы сейчас и не ели его,—в силу действия этого психического закона, который называется законом ассоциации представлений, представление известного нам предмета легко вызывает в нашем сознании также и известное представление слова, и наоборот: представление известного нам слова неизбежно вызывает представление известного предмета. Таким образом, слово в нашем сознании всегда является спутником известного предметного представления. В такой именно роли слова выступают у нас, например, на первых порах изучения какого-либо иностранного языка, когда мы из запаса усвоенных нами слов этого языка подыскиваем то или другое слово для обозначения им на иностранном языке известного предмета, называемого таким то словом родного нам русского языка. Однако, с течением времени, по мере усвоения языка, по мере упрочения в нашем сознании ассоциативной связи между представлением предмета и представлением слова, слово из спутника представления превращается в его заместителя. На этой ступени владения языком, для того, чтобы в нашем сознании явилось по ассоциации сопутствующее этому предметному представлению соответствующее ему представление слова, для нас уже не необходимы слуховые, зрительные, осязательные и пр. ощущения самого предмета, образующие в своей совокупности представление данного предмета: в этом случае для нас уже достаточно только одних слуховых и мускульных ощущений звуков слова, т. е. одного представления слова, так как в этом представлении слова для нас уже будут слиты вместе и представление слова, и представление предмета. Слово из спутника только представления предмета стало теперь в нашем сознании знаком или символом предмета, т. е. приобрело *значение*, и только когда в нашем сознании слова языка получили такой именно характер, мы можем говорить о том, что мы овладели и владеем языком. Это отождествление представления слова, как известного звукового комплекса, с представлением определенного предмета вплоть до полного поглощения его представлением слова, и образует то, что в науке называется внутренней стороной слова, или его з н а ч е н и е м.

Таким образом, внешнюю сторону слова составляет образующий его звуковой комплекс; внутреннюю сторону слова образует его значение.

Значения слова.

Из предыдущего изложения следует, что слово языка может быть рассматриваемо, прежде всего, как известный символ или знак мысли; это чисто *психологическое* значение слова, значение, которое оно приобретает в нашем сознании в силу психического закона ассоциации представлений. Будучи символом, слово, вместе с тем, выступает в роли заместителя представления предмета, когда представление слова мы отождествляем с представлением предмета; в этом случае мы говорим о вещественном, материальном, или *реальном* значении слова. Наконец, в речи слово выступает и в роли показателя отношений между предметами, устанавливаемых нашим мышлением; в этом случае мы говорим о *формальном* значении слова.

С точки зрения формального значения, слово состоит из двух частей: 1) из основной части, которая при различных употреблениях данного слова в речи оказывается в нем общею для всех его изменений; 2) из формальной части, изменяющейся вместе с изменением формального значения слова, т. е. вместе с изменением обозначаемого нами в речи посредством данного слова отношения между предметами. Так, напр., в предложениях: я живу *в город-е*; я подъехал *к город-у;* я расстался *с город-ом*—слова: г о р о д - е, г о р о д - у, г о р о д - о м, рассматриваемые с точки зрения своего формального значения, обнаруживают каждое две части: основную—г о р о д, остающуюся неизменною во всех случаях, какие бы отношения между предметами Я и ГОРОД мы ни устанавливали, и изменяющуюся всякий раз вместе с изменением устанавливаемого нами отношения: я живу в *город-е*, но: я подъехал к *город-у*.

Первая часть слова, если его рассматривать с точки зрения формального значения, называется *основною* принадлежностью слова, или просто *основою*; вторая часть слова называется *формальною* принадлежностью слова.

Взятые вместе, основная и формальная принадлежности слова образуют то, что в грамматике называется ф о р м о ю слова. Следовательно, если мы говорим: „слово имеет форму", то этим мы указываем на то, что данное слово способно выделить из себя основную и формальную принадлежности. Могут быть, однако, случаи, когда в слове отсутствует формальная принадлежность, как это мы имеем, напр., в слове г о р о д. В подобных случаях слово не утрачивает своего формального значения, оно имеет форму, не смотря на то, что в нем отсутствует формальная принадлежность, потому что в данном случае самое отсутствие формальной принадлежности сравнительно с другими формами того же слова:

в город-е, к город-у, городо-ом и т. п., где формальная принадлежность имеется на лицо, считается формальною принадлежностью этого слова.

Наконец, следует иметь в виду, что в нашем языке есть, правда, весьма незначительное количество слов, имеющих и психологическое и реальное значение, но лишенных вовсе формального значения, т. е. группа слов, не обладающих способностью выделить из себя основную и формальную принадлежности, как это мы имеем, напр., в словах: *ай! ах! да, и, но, над, с, к* и др.

Предложение, речь, наречие, говор.

Итак, в основе нашего языка лежит *звук;* один или несколько, в определенном сочетании, звуков, связанных с определенным смысловым значением, т. е. выражающих собою всегда одну и ту же определенную мысль, образуют *слово.*

Одно или несколько грамматически соединенных друг с другом слов, выражающих собою определенную мысль, образуют *предложение.*

Система передачи мыслей посредством языка слов и предложений образует *язык* или *речь*, *наречие* и *говор*. Слова: язык, наречие и говор означают в сущности одно и то же понятие — язык, но словом язык обыкновенно называется говор большой племенной группы, напр., в этом смысле говорят: *русский язык*; словом наречие называют обыкновенно язык меньшей группы, образующей составную часть большей группы; в этом смысле говорят, напр., о великорусском наречии, о белорусском наречии, о малорусском наречии русского языка; наконец, словом говор называют язык еще меньшей группы, составляющей часть предыдущей; так, напр., говорят о псковском говоре великорусского наречия, о говоре какой либо деревни и т. п. С другой стороны, если русский язык, объединяющий в себе ряд наречий, из которых каждое в свою очередь подразделяется на множество говоров, мы будем рассматривать как один из славянских языков, то мы будем говорить о русском наречии славянского языка.

Лицам, которые, в интересах самообразования, хотели бы подробнее ознакомиться с основными вопросами языко-знания, рекомендую прочесть следующие книги: 1) Д. Н. Ушаков: Краткое введение в науку о языке. Издание 4-ое, М. 1922, 2) Его же: Русское правописание. Очерк его происхождения, отношения его к языку и вопроса о его реформе. Издание 2-ое,

М. 1917, ц. 1 р.; 3) Поржезинский: Элементы языковедения и истории русского языка. М. 1910, ц. 80 к.; 4) И. А. Бодуэн де Куртене: Об отношении русского письма к русскому языку. СПБ. 1912, ц. 70 к.; 5) Рихтер, Э.: Как мы говорим. СПБ. 1913, изд. Сойкина, ц. 50 к.

После прочтения указанных книг можно было бы обратиться и к более обстоятельным трудам, указание на которые можно найти, между прочим, в первой из названных выше книжечек, Д. Н. Ушакова или в специальном библиографическом указателе, приложенном к моей книге „Основы методики", П. 1917, стр. 459.

Русский народ и его язык.

За много веков до Р. Хр. где-то в центральной Европе жил народ-предок многих современных народов, живущих теперь на пространстве от западных пределов Европы до Индии. Этот народ-предок в науке обыкновенно называется *индоевропейским пранародом*, а восстанавливаемый теоретическим путем его язык—*индоевропейским праязыком*.

Постепенно размножаясь и распространяясь на огромное пространство, индоевропейский пранарод с течением времени распался на ряд отдельных народов, или групп народов, говоривших на очень близких вначале и родственных друг другу языках, вышедших каждый из одного и того же индоевропейского праязыка путем постепенного обособления отдельных языковых ячеек, положивших начало образованию затем отдельных языков, составляющих теперь одну *индоевропейскую семью языков*. В состав этой семьи входят следующие языки: древне- и новоиндейские языки, древне-персидский и ново-персидский, курдский, афганский, осетинский, армянский, албанский, древне- и ново-греческий, латинский и образовавшиеся из него так называемые романские языки: французский, итальянский, испанский, португальский, румынский и нек. др., кельтский язык, ряд языков германской ветви: готский, исландский, немецкий язык; языки балтийской ветви—древне-прусский, литовский и латышский; наконец, языки славянской ветви: древне-церковно-славянский, болгарский, сербо-хорватский, словенский, чешский, словацкий, лужицкий, польский, кашубский и язык русский с образующими его тремя основными наречиями: великорусским, малорусским и белорусским. Все названные славянские языки составляют одну родственную славянскую семью языков, возникшую из одного вначале *обще-славянского праязыка*, на котором говорил когда-то наш предок *славянский прана-*

род, живший, до своего распадения на отдельные славянские языки и народности сначала в области рек Западной Двины и Немана, а затем в области р. Вислы.

Из области р. Вислы часть славян передвинулась на юг двумя колонизационными группами, из которых одна, западная, прошла впоследствии на Балканский полуостров, образовав здесь южное славянство, а другая, восточная, осела сначала между р.р. Прутом и Днепром вплоть до северного Черноморского побережья, а затем, потесненная южными кочевниками, отодвинулась несколько севернее, в области по среднему течению р.р. Днестра и Днепра, на территорию нынешней Волынской и северной части Киевской губ.; эта восточная ветвь славянских племен и явилась предком русского народа, а Волынская губерния, таким образом,—нашею прародной.—Из этой прародины русские славянские племена распространились затем на восток от Днепра в области р.р. Донца и Дона, на север по Днепру, а оттуда и далее на северо-запад, север и северо-восток. Племена, перешедшие р. Днепр и распространившиеся по среднему течению Донца и Дона вплоть до Азовского моря, образовали *восточную ветвь* русских славян; племена, распространившиеся на север — *северную ветвь*, и наконец, племена, оставшиеся на своей исконной прародине в области среднего Днепра и Днестра,—*южную ветвь*.

Согласно данным древне-русской летописи, русские славяне в XI-XII вв. делились на ряд следующих племен: *поляне* — занимали правое побережье Днестра и имели своим центром г. Киев; *уличи* и *тиверцы*—сидели к юго-з. от полян по Днестру; *бужане* (то же *дулебы* или *волыняне*) — занимали область верхнего течения р. Южного Буга; к западу от бужан в нынешней Галиции сидели *хорваты*; к северу от бужан в нынешней Волынской губ. и в южной части Минской жили *древляне*; к югу от р. Десны жили *северяне*; все названные племена составляют южную группу; племена *дреговичи*—занимали территорию нынешней Минской и Витебской губ.; *радимичи*—по левому берегу Днепра в нынешней Могилевской губ., и *вятичи*—в бассейне р. Оки, куда в XI в. они были отодвинуты с Дона половцами,—эти племена занимали, таким образом, среднюю Россию; *кривичи*—по верховьям Зап. Двины, Днепра и Волги и *словяне*—занимали северную Россию. Древне-русская летопись свидетельствует о том, что племена эти в XI—XII вв. отличались друг от друга уровнем своей культурности и нравами, а мы должны думать, что уже в это время они отличались друг от друга и некоторыми особенностями своих говоров, образуя собою три основных языковых группы: *южно-русскую*, *северно-русскую* и *восточно-русскую*, причем язык южной отрасли южно-русской группы, уличей и тиверцов, лег в основу южно-мало-

русского языка; поляне, древляне и бужане—это предки северных малорусов; язык древлян лег и в основу языка белорусского; язык вятичей — в основу южновеликорусского наречия, а язык кривичей и словен лег в основу северновеликорусского. Окончательное же образование трех основных русских народностей: великорусской, белорусской и малорусской с их наречиями явилось только впоследствии, как результат сложных колонизационных передвижений, столкновений, встреч и перекрещиваний друг с другом и с инородческими племенами, *ляшскими* на западе и *финскими* на востоке и на севере, отдельных славянских племен в связи с теми этнографическими изменениями, которые в древнейшие исторические времена переживал наш юг России. Под натиском печенегов, половцев и др. кочевников отдельные южные славянские племена должны были сниматься с своих мест и искать себе приюта на территории своих ближайших западных и северных соседей, вынуждая их, в свою очередь, к выселению или сливаясь с ними в одно целое. Так, напр., часть украинцев-уличи и тиверцы, теснимые с юга, вторглись в область сидевших севернее их древлян и заставили уйти их за Припеть в область ляшского племени дреговичей; вятичи, сидевшие на Дону, под влиянием половцев, должны были передвинуться на север и северо-восток в области р. Оки, где столкнулись с сидевшими здесь на западе племенами радимичей и слились с ними и т. д. Вот почему современный белорусский язык, будучи в основе своей языком древлян-малоросов, обнаруживает в своем составе характерные ляшские черты, унаследованные от дреговичей, и восточно-русские, унаследованные от вятичей. С другой стороны, освобождавшиеся, ввиду выселения племени, территории, когда миновала опасность со стороны кочевников, вновь занимались другими соседними племенами. Так, напр., когда в XIII веке над Россией пронеслась гроза татарского нашествия, которое внесло еще большие изменения в первоначальное распределение славянского населения на территории России, когда юго-восточные области, занятые до тех пор восточною группою, подверглись огню и мечу татарских насильников и остались обезлюденными, они были заняты постепенно-западной группой, которая из своих исконных прикарпатских областей Галича и Волыни распространилась на территорию по обе стороны Днепра вплоть до р. Дона, оттеснив южных кочевников за Дон. Так в конце концов образовалась современная *малорусская народность*.

Что касается великорусского языка, то он сложился, во первых, из языка северно-русских племен: кривичей и словен, воспринявшего в себя на западе (Псков) ляшские черты от языка ляшского племени радимичей, и финские на северозап. и севере; колонизационное же движение этих племен на

восток в область р.р. Волги и Оки привело их здесь к столкновению с южнорусским племенем-вятичами: это столкновение севернорусов с южнорусами и вызвало образование в конце XIII-го и в начале XIV в. *великорусской* народности и возвышение Москвы, как общерусского политического и культурного центра. Вот почему и язык великорусский распадается сейчас на две группы говоров: *северно-великорусскую и южно-великорусскую.*

Эта основная этнографическая группировка русских славянских племен, сложившаяся в эпоху после татарского нашествия, сохранилась до настоящего времени в виде трех племенных групп единого русского народа: *великоросов, малоросов* и *белоросов*, которым соответствуют и три основных наречия русского языка: *великорусское, белорусское* и *малорусское*, причем каждое из этих трех основных наречий, в свою очередь, подразделяется на несколько более мелких поднаречий.

Таким образом, на вопрос, что такое *русский язык?* мы должны ответить: это язык многомиллионного народа, занимающего обширную территорию от Карпатских гор до восточных пределов Азии и от берегов Северного Ледовитого океана и Белого моря на севере до границ Малой Азии и Балканского полуострова на юге, объединяющий в себе все звуковые, формальные (т. е. образуемые грамматическими формами), синтаксические и словарные (лексические) особенности великорусского, малорусского и белорусского наречий в полном объеме образующих их поднаречий или народных говоров со включением в этот объем и так называемых литературных языков каждого из этих наречий.

Какой язык изучает грамматика?

Изучением русского языка в указанном выше объеме занимается высшая научная грамматика, или высшая наука о русском языке, рассматривающая русский язык как с точки зрения его исторического развития, так и с точки зрения характерных особенностей его современного грамматического строя.

Предметом же элементарной школьной грамматики русского языка служит *великорусский литературный язык*, являющийся языком образованных классов всего русского общества, русской науки и русской художественной литературы и объединяющий собою все отдельные группы русского народа и входящие в состав России инородческие племена в одно культурно-национальное и политическое целое.

В основе же великорусского литературного языка лежит *Московское наречие*, то именно наречие, которое возникло на территории, где в известное время сошлись друг

с другом две основных группы русских славянских племен, положивших собою начало нынешней великорусской народности: северо-восточная и юго-восточная. Почему, именно, московское наречие легло в основу языка нашей литературы, это объясняется, главным образом, тем, что Москва в течение ряда столетий играла преобладающую роль в культурных и политических судьбах всего русского народа.

Как бы, однако, мы ни изучали русский язык, в объеме ли высшей университетской науки или в объеме небольшого школьного курса; мы должны твердо помнить, что грамматика русского языка изучает живой литературный язык живого народа, мы должны знать, что язык писаный, или язык, воспринимаемый нами чрез зрительные ощущения, с которым мы имеем дело, читая любую книгу, изучая по книге любой предмет, в том числе и грамматику языка, не есть действительный живой язык народа, но язык, одетый в костюм условного правописания, или орфографии.

Изучая живой язык народа, грамматика поневоле имеет дело с писаным языком, с языком в его орфографическом обличьи, но она никогда не забывает, что за писаным языком скрывается живой язык, который, собственно говоря, она только и изучает, явлениями и законами жизни которого она только и интересуется, но, как и все науки, она принуждена пользоваться писаным языком, а между писаным языком и живым произносимым языком существует большая разница. Писаный язык, в силу того, что орфография наша ведет свое начало с глубокой древности, сильно отстал от живого произносимого языка. В древности наша орфография более соответствовала звукам живого языка, а сейчас за время своей долгой исторической жизни живой русский язык значительно изменился, между тем как орфография его в существенных своих чертах осталась тою же. От этого между условным писаным и живым произносимым русским языком сейчас образовалась большая разница, и было бы ошибочно думать, что живой русский язык сейчас представляет собою то именно, что изображается на письме. Так, напр., грамматика принуждена говорить и писать, что имена прилаг. муж. р. в род. пад. ед. числа оканчиваются на *ого:* доброго, высокого, здорового и т. п. Однако, если бы кто из русских людей, изучив грамматику, вздумал произносить эти слова так именно, как они написаны в грамматике—доброго, высокого и т. п., то он или разучился бы хорошо говорить по-русски, если раньше умел говорить, или научился бы очень нехорошему и неправильному русскому языку, потому что живой литературный русский язык не знает вовсе окончания—ого; правила же русской орфографии требуют, чтобы в родительном падеже прилагательных мы **писали** именно окончание-*ого*, а не иначе. Следова-

тельно, изучая живой русский литературный язык, школьная грамматика, говоря о различных его явлениях как в области звуков, так и в области форм, по необходимости пользуется писаным языком, но мы должны знать, что она изучает не писаный язык, а живой язык народа, не его костюм, а его душу.

Лицам, желающим, в целях самообразования, подробнее ознакомиться с основными вопросами науки о русском языке, рекомендую прежде всего прочесть книгу А. А. Шахматова: Введение в курс истории русского языка. Ч. I. Исторический процесс образования русских племен и наречий. П. 1916, ц. 1 р. 50 к. Его же: Древнейшие судьбы русского племени П. 1919. Тому же вопросу посвящены статьи А. А. Шахматова: в большом энциклопедич. словаре Брокгауза, т. 55, стр. 564—581; в журнале „Русский Филолог. Вестник", т. XXXII, № 3 и в „Журнале Министерства Нар. Просвещения" за 1899 г., № 4.

Для изучения истории русского языка в качестве учебника рекомендую книгу Е. С. Истриной: Руководство по истории русского языка. Изд. 2-ое, П. 1917, ц. 90 к.; и в качестве хрестоматического пособия книгу Н. М. Каринского: Историческая Хрестоматия по древне-церковно-славянскому и русскому языкам. П. 1914, ц. 80 к.

Для знакомства с высшим курсом истории русского языка могут быть указаны следующие книги Будде, Е.: Лекции по истории русского яз. Казань, 1914, изд. 2, ц. 3 р.; Соболевский, А.: Лекции по истории русского яз. Изд. 4-е, М. 1917, ц. 2 р.; Шахматова, А.: Очерк древнейшего периода русск. яз. Изд. Академии Наук. П. 1915, ц. 2 р.; Будде, Е.: Очерк истории современного литературного русского яз. Изд. Академии Наук, СПБ. 1908, ц. 70 к.

Для знакомства с высшим курсом русской грамматики рекомендую: Богородицкий, В.: Общий курс русской грамматики. Казань, 1913, изд. 4-е, ц. 2 р. 50 к.; Его же: Русская грамматика. Казань, 1918; Будде, Е. Русский язык. Курс, читанный в 1911—1912 уч. г. на педагогических курсах. Каз., 1916, изд. 3-е, ц. 2 р.

Значение изучения родного языка и его грамматики.

Нет ничего в мире более близкого человеку, чем его родной язык. Это колыбель, в которой воспитывается личность человека и крепнет его народный дух, это сила, которая, помогая каждому из нас усвоить все величайшие приобретения творческого гения человека, тем самым заставляет

нас итти вперед и вперед по пути своих культурных завоеваний, и несет нам с собою радость в минуты горя и бодрость духа в минуты тяжолых испытаний.—„Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, говорил Тургенев,—ты один мне поддержка и опора, о, великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя, как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!"

В чем же заключается эта необъятная сила, это богатство, красота и величие нашего родного языка, что действительно делает его для нас самым дорогим нашим достоянием, самым близким нашим сокровищем, нашей святыней и гордостью.

Мы знаем, что язык есть совершеннейшее средство, которым мы пользуемся для того, чтобы высказывать свои мысли и чувства, чтобы понимать друг друга, делиться своим горем и радостью и сообща друг с другом работать во имя общего блага. Да, язык помогает нам выявлять то, что мы называем, обыкновенно, нашим „духовным миром": всю сумму наших душевных переживаний, чувствований, мыслей, желаний и идеалов. Но язык вместе с тем является для нас и создателем этого „мира": ведь размышляем-то мы при помощи слов изыка, ведь каждой-то вещи, каждому предмету, которой мы впервые узнаем, мы прежде всего даем название, имя или узнаем от других его название, запоминаем это название и уже по названию знаем и вещь, хотя, быть может, самой вещи никогда и не видели. То, что мы сказали про имена или названия предметов, следует сказать также и про их признаки и действия. Словом, все, что мы знаем об окружающей нас жизни, мы знаем в форме слова. Слово языка помогает нашему сознанию реализировать, облекать в плоть и кровь впечатления, получаемые нами действием внешних органов чувств от окружающего нас внешнего мира. Если бы у нас не было дара языка, мы не могли бы реализировать своего духовного капитала, образуемого суммою всех ощущений, представлений и понятий, пребывающих в нашем сознании, и он легко распылялся бы, уплывал из наших рук, не сделавшись нашим достоянием и не использованный нами; без слова мы жили бы в очень ограниченном кругу быстропреходящих, легко забываемых мимолетных ощущений и представлений, сфера нашего мышления и духовной деятельности была бы очень ограниченной, и едва ли в этом отношении мы чем либо отличались бы от бессловесных животных. Слово же претворяет в известную реальную форму психические акты переживания нами ощущений и представлений. Слово фиксирует эти акты, закрепляет их навсегда, сохраняет их для нас, делает их вечным достоянием нашего со-

знания, экономизирует расход нашей жизненной энергии, облегчает работу мысли, и само же является источником дальнейшей работы мысли и ее развития. Слово это своего рода крючок, на который мы вешаем результаты очень сложной работы нашего ума над познанием чрез воспринимаемые нами ощущения окружающего нас физического и духовного мира, и этот крючок хранит для нас добытое нами достояние: на его счет мы и живем в своей повседневной жизни. Нельзя себе и представить, каким образом без слов человек запоминал бы так много своих душевных переживаний в связи с познанием предметов и явлений окружающей жизни, которые теперь он помнит и знает, и без которых ему нельзя было бы и жить. Вот почему мы и говорим, что язык служит человеку не только средством для выявления „духовного мира", но также и созидателем этого „мира". Свой „духовный мир", т. е. мир своих ощущений, представлений и понятий человек закрепил в слове; следовательно, чем больше у человека слов, конечно, таких слов, с которыми для него связано определенное значение, которые он понимает, тем, говорим мы, и „духовный мир" его шире. У примитивных народов язык обыкновенно очень беден, зато и умственный кругозор их очень узок; но если тот же примитивный первобытный человек, так называемый-дикарь станет учиться, станет расширять свой умственный кругозор и развиваться, он непременно должен будет или изобрести для своего языка множество новых слов или взять их уже готовыми у более культурных народов. Если же он этого не сделает, то сколько бы он ни учился, как бы ни развивался, мысль его останется в том же положении, потому что для своего развития, для своего расширения она не будет иметь необходимых форм, т. е. слов. Вот почему мы и говорим, что мысль человеческая живет, развивается и проявляется в языке, и что мысль и язык развиваются параллельно и вместе друг с другом, один чрез другой. Когда ребенок учится говорить, владеть своим родным языком, он вместе с тем и развивается: вот почему важно как можно лучше учить детей родному языку и на родном языке, вот почему, сказали мы выше, язык есть колыбель, в которой воспитывается личность человека.

Через слово мы познаем окружающий нас мир. Если мы возьмем, напр., огромный кусок бесформенной глины и попробуем потом из этого куска глины налепить разной посуды и расставим ее в известном порядке: кувшины, горшки, чашки, тарелки и пр.,—что сталось с нашим куском глины? Глина, конечно, глиной и осталась, но она получила совсем другую форму, другой вид, она как будто ожила, осмыслилась. Так и бесформенная масса окружающей нас жизни осмысливается для нас в языке, в слове; помощью слова мы одухотворяем эту массу и вместе мы расчленяем все необъ-

ятное множество ее явлений на ряд осознаваемых нами групп, на ряд категорий: предметов, признаков, действий и пр.

Теперь, я думаю, ясно, что значит в жизни родной язык, какое огромное значение имеет он в деле умственного и нравственного развития человека, в чем заключается его важная воспитательная и образовательная сила. А отсюда уже не трудно понять, какое важное значение в жизни каждого человека имеет и изучение родного языка, и как должно итти это изучение.

Если мы говорим, что развитие языка влияет и на умственное развитие человека, т. е. что вместе с развитием языка расширяется и умственный кругозор человека, то естественно, что вся наша забота в изучении родного языка должна сводиться, по возможности, к наиболее широкому овладению всеми его сокровищами, которые раскрываются пред нами в грамматике языка и в его словаре: грамматика вводит нас в понимание внешней и внутренней жизни языка, в понимание его строя; словарь вводит нас во владение тем материальным богатством, которое представляет собою слово. Изучение грамматики языка ставит своею ближайшею задачею понимание основных законов жизни языка и важнейших звуковых, формальных и синтаксических особенностей, которыми характеризуется его современное состояние. Раскрывая пред нам общий строй нашей родной речи, или жизнь родного языка, изучение грамматики помогает нам постичь дух родного языка и выработать в себе то, что называется чутьем языка, а это и есть истинное знание языка.

Но грамматика литературного языка имеет и другое более узкое и специальное значение: она учит нас правильным литературным формам родной устной и письменной речи, что особенно бывает важно в тех случаях, когда наш местный говор слишком расходится с общепринятым литературным языком. Только изучение грамматики общерусского литературного языка может помочь нам усовершенствовать свою родную речь, придать ей, как с точки зрения употребляемых в речи слов, так и с точки зрения общего ее строя, больше литературного изящества, обогатить ее новыми литературными формами и оборотами, и в известном смысле научить нас правильно говорить по-русски, заставив отказаться от заведомых неправильностей усвоенного нами с детства говора или присущих ему чисто местных особенностей, нарушающих известные нормы литературного языка и произношения.

I. Учение о звуках.

§ 1.

Осёл и лошадь.

У одного человека были осёл и лошадь. Шли они по дороге; осёл сказал лошади: „Мне тяжело, не дотащу я всего, возьми с меня хоть немного". Лошадь не послушалась. Осёл упал с натуги и умер. Хозяин как наложил всё с осла на лошадь, да ещё и шкуру ослиную, лошадь и взвыла. „Ох, горе мне бедной, горюшко мне несчастной! Не хотела я немножко ему подсобить, теперь вот всё тащу, да ещё и шкуру".

Если мы обратим внимание на буквенный состав отдельных слов в этом рассказе, то заметим, что слова: *у, и, я, с*—состоят из одной буквы; слова: *по, не, на, да* — из двух букв; слова: *шли, они, мне, как, всё, ещё* — состоят из трех букв; слова: *были, осёл, меня, хоть, упал*—из четырех букв: слова: *всего, шкуру*—состоят из пяти букв и т. д.

Следовательно, слова, изображаемые на письме буквами, т. е. написанные слова могут состоять из одной или нескольких букв.

Задачи. 1. Выпишите из приведенного выше рассказа—„Осёл и и лошадь" все слова, состоящие из шести, из семи, восьми и т. д. букв.

2. Придумайте сами и запишите в свои тетради по нескольку слов, состоящих из одной, из двух, из трех, из четырех и т. д. букв.

3. Перепишите в свои тетради рассказ: „Осёл и лошадь".

§ 2.

Верная собака.

У одного купца был верный пёс, который очень хорошо стерёг его дом. Раз этот купец ехал верхом домой с ярмарки, на которой он получил много денег. Эти деньги лежали в мешке, привязанном за седлом. Собака бежала за своим хозяином. Ремни, которыми был привязан мешок, мало-по-малу развязывались; наконец мешок упал. Купец совсем не слышал этого, но собака заметила, что упал мешок, и начала выть. Купец не оглянулся. Пёс выл и лаял всё сильнее и сильнее, так что купец ударил его бичом. Но верный сторож не унимался. Он лаял до пены у рта, прыгал на лошадь и кусал её за ноги, чтобы она не шла дальше. Купец решил, что собака взбесилась. Он выстрелил в неё из пистолета и поскакал дальше.

Через несколько времени путник с ужасом заметил, что мешка за седлом не было. Тогда он вернулся обратно. На дороге везде он видел кровь своего верного слуги. Наконец купец подъехал к тому месту, где упал мешок с деньгами. У мешка лежал его верный пёс. Он вильнул хвостом, лизнул руку своего господина и издох.

Вопросы для беседы: Как собака старалась обратить внимание купца на то, что с лошади свалился мешок? Почему купец не только не обратил внимания на собаку, но и отнесся к ней так жестоко? В чем сказалась верность собаки? Как следует вообще относиться к животным, если человеку не дано понимать языка животных?

Мы уже знаем, что слова на письме изображаются буквами. Но слова мы не только пишем, а и произносим: одно и то же слово можно и произнести и написать. Поэтому надо отличать язык на письме, или **писаный язык**, от языка в произнесении, или **произносимый язык**.

Разница между писаным языком и языком произносимым заключается в том, что слова писаного языка состоят из букв, а слова языка произносимого из звуков.

§ 3.

Буква есть знак для изображения на письме звука. Одно и то же слово можно написать буквами разных алфавитов; напр., русское слово **дом** можно написать славянскими бук-

вами; то же слово можно написать буквами французского алфавита—dom; буквами немецкого алфавита—и т. д., а звуковой состав слова при этом нисколько не изменится, останется тем же.

Как слова писаного языка могут состоять из одной или нескольких букв, так и *слова языка произносимого могут состоять из одного или нескольких звуков.*

Так, например, в прочтенном нами рассказе слова: *у* (у одного купца), *с* (с ярмарки), *в* (в мешке), *и* (и начала выть)—состоят из одного звука;

слова: *на* (на которой), *он* (он получил), *за* (за седлом; за своим хозяином), *не* (купец не слышал)—состоят из двух звуков;

слова: *был, пёс, его, дом, раз*—состоят их трех звуков;

слова: *этот, упал, пены*—состоят из четырех звуков и т. д.

Задача: выпишите из этого рассказа слова, состоящие из пяти, шести, семи и т. д. звуков.

§ 4.

В том же рассказе—„Верная собака" имеются следующие слова:

выть (собака—начала выть);
очень (очень хорошо стерёг);
кровь (он видел кровь);
деньги (деньги лежали);
дальше (что бы она не шла дальше);
вильнул (он вильнул хвостом);
деньгами (мешок с деньгами);
несколько (через несколько времени).

Если мы обратим внимание на буквенный состав этих слов писаного языка и на звуковой состав соответствующих им слов языка произносимого, мы заметим, что буквенный состав этих слов и их звуковой состав не совпадают друг с другом, как это мы имели выше в словах: *на* (на которой); *за* (за седлом); *был, пёс; этот, упал* и т. д. Слова *на, за* на письме состоят из двух букв; в произнесении этим двум буквам в каждом слове соответствуют и два звука; слова: *был, пёс*—на письме состоят из трех букв; в произносимом языке трем буквам каждого из этих написанных слов соответствуют три звука: то же самое и в словах: *этот, упал*, где четырем буквам слова писаного языка соответствуют и четыре звука того же слова в произношении его.

Какая же наблюдается разница в словах: *выть, очень, кровь, деньги, дальше, вильнул, деньгами, несколько*—между буквенным составом их начертаний и звуковым составом?

Слова *выть* и *очень* в писаном языке состоят из четырёх букв; в языке произносимом те же слова состоят только из трех звуков;

слово *кровь* на письме состоит из пяти букв, в произношении же—только из четырех звуков;

слова: *деньги, дальше* на письме состоят из шести букв, в произношении же те же слова состоят только из пяти звуков каждое;

слова: *деньгами, несколько*—на письме состоят — первое из восьми букв, а второе—из девяти; в произношении же первое слово состоит из семи, а второе из восьми звуков.

Эта разница между буквенным и звуковым составом приведенных слов объясняется тем, что во всех этих словах на письме встречается буква *ь* (ерь), не имеющая никакого звукового значения, т. е. буква, для которой в современном русском языке нет соответствующего звука.

Эта буква осталась в нашем алфавите с глубокой древности: в древне-русском и в древне-славянском языках эта буква, равно как и буква *ъ*, имели свое особое произношение; теперь же букву *ь* мы употребляем на письме для обозначения мягкости произношения согласных звуков, напр.: *конь, день, кровь, выть, пять, деньги* и т. п.; букву же *ъ* употребляем только для обозначения раздельного произношения двух рядом стоящих звуков, например:

объявлять, подъехать, подъём, объяснение и т. п;—

поэтому буква *Ь* (ерь) называется теперь *мягким знаком*, так как она служит для обозначения мягкости произношения предыдущего согласного звука; буква же *Ъ* называется *отделительным знаком*, так как она служит для обозначения раздельного произношения двух рядом стоящих звуков.

Следовательно, написания:

бь, пь, вь, дь, ть, ль, мь, нь, рь, сь и т. д. обозначают не два звука, а только один, но мягко произносимый звук

б, п, в, д, т, л—и т. д.;

поэтому в слове *дробь* мы будем различать пять букв, но только четыре звука; в слове — *топь* — четыре буквы, но только три звука; в слове—*свекровь* — восемь букв, но семь звуков; в слове—*тетрадь* — семь букв, но шесть звуков и т. д.

В середине же слов, если за мягким знаком следует гласный, мягкий знак выступает также и в роли отделительного знака: *копьё, вороньё, ладья, терпенье, крылья, козья,*

листья, итальянец, серьёзный, рьяный, вьюн, вьюга, чей—чья, чьей, чью и т. п.

Итак, мы теперь знаем:

1) что буквенный и звуковой состав одного и того же слова не всегда совпадают друг с другом, так как букв в слове иногда может быть больше, чем образующих это слово звуков;

2) что в русской азбуке есть две буквы—мягкий знак Ь (ерь) и отделительный знак Ъ (ер), которые не имеют для себя соответственного звука в языке произносимом.

Задача: придумать и записать в тетради по нескольку фраз, в которые входили бы слова с одинаковым и разным буквенным и звуковым составом в указанном выше смысле.

§ 5.

Школьник.

„Ну, пошёл же, ради Бога!“
Небо, ельник и песок—
не весёлая дорога...
„Эй! садись ко мне, дружок!“
Ноги босы, грязно тело,
и едва прикрыта грудь...
Не стыдися! Что за дело?
Это многих славных путь.
Вижу я в котомке книжку;
так, учиться ты идёшь;
знаю: батька на сынишку
издержал последний грош;
знаю: старая дьячиха
отдала четвертачок,
что проезжая купчиха
подарила на чаёк.
Или, может, ты дворовый
из отпущенных... Ну, что-ж!
Случай тоже уж не новый—
не робей, не пропадёшь!
Скоро сам узнаешь в школе,
как архангельский мужик,
по своей и Божьей воле,
стал разумен и велик.
Не без добрых душ на свете—
кто-нибудь свезёт в Москву.
Будешь в университете—

сон свершится на яву:
там уж поприще широко,
знай, работай да не трусь...
Вот за что тебя глубоко
я люблю, родная Русь!
Не бездарна та природа,
не погиб ещё тот край,
что выводит из народа
столько славных, то-и-знай!—

Некрасов.

Какой случай мог дать Некрасову повод написать это стихотворение? Кто такой упоминаемый в этом стихотворении „архангельский мужик"?

Задача: переписать это стихотворение в тетради и выучить его наизусть.

Обратим внимание на то, как произносится звук *О* в словах:

ради Бога; песок; дружок; ноги босы; многих; тоже; новый; в школе; воле и т. д. в сравнении с произношением *О* в словах: *небо; грязно тело; что за дело; это; последний; отдала; проезжая; подарила; из отпущенных; не робей; не пропадёшь* и т. д.

Во второй группе слов звук, обозначенный на письме тою же буквою *О*, произносится не так ясно, как он произносится в словах первой группы: *Бога, песок, дружок* и т. п.; вместо звука *О* в словах: *небо; грязно тело; отдала* и т. д. мы слышим, собственно говоря, не *О*, а какой-то другой звук, отличный от звука *О*, который мы слышали в словах: *Бога, песок, дружок* и т. д., как будто бы звук средний между *О* и *А*, приближающийся к звуку *А*.

Что одною и тою же буквою *О* мы пользуемся на письме для обозначения двух разных звуков, в этом мы еще больше убедимся, если обратим внимание на то, как произносится *О* в словах.

пошёл; дорога; в котомке; дворовый; скоро, широко, глубоко.

В первых четырех словах гласный звук *О* мы произносим только на месте второго *О*; в последних же трех словах только на месте первого *О*; в остальных же случаях мы произносим не *О*, но какой-то другой звук, приближающийся к звуку *А*, так что все выписанные слова мы произносим почти что так:

пашол; дарога; в катомке; дваровый; скора; широка; глубока.

Если бы только ясно произносимый звук *О* мы обозначали на письме буквою *О*, а звук *О*, приближающийся в произношении к звуку *А*, мы стали бы обозначать какою нибудь другою буквою, напр. буквою *О* с маленьким *А* сверху с правой стороны, то эти слова мы написали бы так:

по ᵃ шол; до ᵃ рога; в ко ᵃ томке; дво ᵃ ровый; скоро широко ᵃ ; глубоко ᵃ .

Итак, мы узнали, что *одною и тою же буквою О в русском языке обозначаются на письме в разных случаях два разных звука.*

§ 6.

Выезд ямщика.

Ну, кажись, я готов:
вот мой кафтанишко.
рукавицы на мне,
новый кнут под мышкой...
Слышь, жена, погляди,
каковы уздечки!
Вишь, вот медный набор,
вот мохры, колечки.
А дуга-то, дуга,
в золоте сияет...
Прр... шалишь коренной!
Знай песок копает!
Сидор вожжи возьмет,
чорта не боится!
Пролетит—на него
облачко дивится!
Только крикнешь: „Ну, ну!
Эх, ты, беззаботный!“
отстаёт позади
ветер перелётный!

А седок-ат мне тьфу!
коли скажет: „Легче!“
Нет, мол, сел, так сиди
да держись покрепче.
Уж у нас, коли лень,
день и ночь спим сряду,
коли пир—наповал,
труд—так до упаду;
коли ехать—катай,
головы не жалко!..
Нам без света светло,
без дороги—гладко!...
Ну, Матрёна, прощай!
Оставайся с Богом;
Жди обновки себе
да гляди за домом...
Ну-ка, в путь! Шевелись!
Эх, как понеслися!
Берегись, ты, мужик,
Глух, что ль?.. берегися!..

Никитин.

Задача: выписать из этого стихотворения все слова с буквою О и объяснить, как в разных словах это О произносится т. е. где оно ясно произносится как звук О, а где как звук О ᵃ .

То же, что мы узнали о букве *О*, следует помнить для буквы *е*. Так, напр., в словах: *уздечки, колечки, медный,*

лень, день—на месте буквы *е* всюду здесь ясно произносится звук *Е*; но в словах:

сияет; коренной; песок, копает; пролетит; на него; беззаботный; перелётный; седок, держись; светло; шевелись; понеслися; берегись—

на месте *е* мы слышим не чистый, ясно произносимый звук *е*, как в предыдущих словах, а какой то другой звук, приближающийся скорее к звуку *И*; мы обыкновенно говорим: *каринной; писок; капаит; пралитит; диржис; шивилис; биригис* и т. д.

Таким образом, одною и тою же буквою *е* мы обозначаем на письме в разных случаях два разных звука: *е* и *е*^{и} (т. е. звук *Е*, приближающийся в произношении к звуку *и*): *сияе*^{и}*т; коре*^{и}*нной; пе*^{и}*сок* и т. д.

§ 7.

Если мы обратим внимание на произношение *а* в словах:

жена, дуга, у нас, знай, катай, жалко, гладко—сравнительно с произношением *а* в словах:

кафтанишко, рукавицы, облачко, ехать,—

то мы легко убедимся в том, что буква *а* в первой группе слов обозначает иной звук сравнительно с звуком *а* в словах: *кафтанишко, рукавицы, набор* и т. д., где *а* произносится не так ясно, как в словах: *жена, дуга* и т. п., при чем иногда в этом случае вместо звука *а* мы произносим даже звук, почти приближающийся к *Ы*; напр., *сапоги, занавеска, писарь* мы произносим почти что: сыпаги, зынавеска, писырь.

Итак, мы узнали, что в русском языке *одною и тою же буквою часто мы пользуемся для обозначения на письме нескольких разных звуков.*

§ 8.

Две мыши.

Жила мышь в поле у реки, и пришла она к другой мыши в гости в дом. Поели они в доме. Гостья и спросила пить. Хозяйка повела гостью к ведру. А у ведра была пролита вода. „Вот тут напейся". Речная мышь вздёрнула носик и сказала: „ну, уж житьё! Когда я у себя пить за-

хочу, я прямо к реке иду, из всей реки пью вволю". А та мышь сказала: „здесь вода всё та же, а и там больше того не выпьешь, что тебе в брюхо войдет"—

Л. Н. Толстой.

Мы уже знаем, что в русском языке каждая буква прежде всего служит для обозначения на письме определенного звука живой речи. Однако мы знаем также и то, что в русском языке есть буквы—мягкий и отделительный знаки (*ь*—*ъ*), не имеющие для себя никакого звукового значения, т. е. служащие не для передачи на письме какого либо звука, а только для того, чтобы или показать мягкость произношения предыдущего согласного звука или раздельность произношения двух рядом стоящих звуков; кроме того, мы узнали, что буквы *а, о, е* служат не только для обозначения на письме ясно произносимых звуков *а, о, е,* но также и других звуков, приближающихся к ним, но не совсем с ними совпадающих ($а^{ы}$, $о^{а}$, $е^{и}$), т. е., что одна и та же буква служит у нас иногда в различных случаях для обозначения на письме двух или трех разных звуков.

Но в русской азбуке есть и такие буквы, которые в известных случаях служат для обозначения не одного, а двух рядом произносимых звуков; буквы эти следующие:

е, ё, ю, я, щ.

Посмотрим, как произносится *е* в словах:

Егор, еда, Екатерина, ель, енот, если—

и в словах:

беседа, день, колено, речь, свежий, семя, сено—

В первом случае, т. е. в начале слова на месте *е* мы везде произносим два звука: *йе*; во втором же случае, т. е. после согласных везде один звук—*е*, при чем предшествующий согласный произносится мягко. Два звука на месте *е* мы произносим также и в словах:

знамение; мнение; быстрее; добрее, приехать, проект— после гласного звука, а также и в таких словах, как, например:

здоровье, предместье; курьер, пьеса, съезд—

т. е. после мягкого и отделительного знаков *ь* и *ъ*.

Итак: 1) *в начале слова, а также после гласных, после мягкого и отделительного знаков Е произносится как двойной звук ЙЕ—т. е. обозначает на письме два рядом произносимых звука—Й и Е;*

2) *после согласных же звуков Е произносится всегда как один звук Е, но предыдущий согласный звук при этом всегда бывает мягким.*

3) кроме буквы *е*, в нашем алфавите есть еще буква *э*, она означает на письме тот же звук *е*, но без предшествующего *й*: *этот, поэт.*

Задача: выписать из приведенного выше рассказа „Две мыши" все слова с *е* и объяснить особенности произношения каждого из них.

Посмотрим теперь, как произносится *ё* в таких словах как:

ёлка, ёж, ёкнуть; заём, клеёнка, остреё; льёт; объём, съёжиться,—
извёстка; казённый; ковёр; куманёк,—

т. е. после согласных.

Эти примеры показывают, что *ё* в начале слов, после гласных, после *ъ* и *ь* всегда обозначает на письме два рядом произносимых звука: *й* и *о*, т. е. всегда произносится как—*йо*; после согласных же *ё* произносится как один звук *о*, при чем предыдущий согласный всегда бывает мягким.

Задача: выписать из рассказа „Две мыши" все слова с *ё* и объяснить их произношение.

Задача: рассмотреть произношение *Я* в словах:

1) Якорь, яблоко, ясли;
2) боярин, бояться, прозрачная струя;
3) братья, свинья, дьявол, предъявлять, изъяснять;
4) деревня, деревянный, девять, десять, дитя, дядя, пламя, время—

и установить его звуковое значение в начале слова, после гласных, после мягкого и отделительного знаков и после согласных.

Задача: выписать из рассказа „Две мыши" все слова с буквою я, расположить их в известном порядке по группам с точки зрения произношения *Я* и объяснить их произношение.

Задача: рассмотреть произношение *Ю* в словах:

1) юбка, юла;
2) июнь, июль, бегаю, пою, добрую, врассыпную;
3) вьюга, вьюн;
4) люблю, велю, гоню, изюм, крючок, всюду—

и установить звуковое значение этой буквы в начале слова, после гласных и мягкого знака и после согласных.

Задача: выписать из рассказа „Две мыши" все слова с буквою *Ю* и объяснить её звуковое значение в каждом слове.

Итак:

е, ё, я, ю

в начале слова, а также после гласных, после мягкого и отделительного знаков обозначают на письме два рядом произносимых звука: йе, йо, йа, йу; после согласных же— один звук: е, о, а, у, при чем предыдущий согласный произносится мягко.

§ 9.

К числу букв, обозначающих на письме два рядом произносимых звука, принадлежит также и буква *Щ*.

Это, щука тебе наука!
Щи да каша—пища наша.
Глупому сыну и богатство не в помощь.
Нищему и сума дорога.

Если бы все слова с буквою *Щ* в этих фразах мы написали так, как действительно произносим их, то получились бы следующие написания:

шчука, шчи, пишча, помошч, нишчему,

т. е. вместо одной буквы *Щ* мы должны были бы написать сообразно с произношением две буквы *Ш* и *Ч*.

Нищий.

И вечерней и ранней порою,
много старцев, и вдов, и сирот
под окошками ходит с сумою,
Христа-ради на помощь зовёт.
Надевает ли сумку неволя,
неохота ли взяться за труд,—
тяжела и горька твоя доля,
бесприютный, оборванный люд!
Не откажут тебе в подаяньи,
не умрёшь ты без крова зимой—
жаль разумное Божье созданье,
человека в грязи и с сумой!
Но беднее и хуже есть нищий:
не пойдет он просить под окном,
целый век, из одежды и пищи,
он работает ночью и днём.

Спит в лачужке, на грязной соломе,
богатырь в безысходной беде;
крепче камня в несносной истоме,
крепче меди в кровавой нужде.
По смерть зёрна он в землю бросает,
по смерть жнёт, а нужда продаёт;
о нём облако слёзы роняет,
про тоску его буря поёт.—

И. С. Никитин.

§ 10.

Как в основе языка писаного лежит буква, так в основе языка произносимого, т. е. живой речи лежит звук. Звуки речи образуются посредством выдыхаемого из легких воздуха, который через гортань проходит затем в полость рта или носа, соприкасается здесь с языком, нёбом, губами и другими *органами речи* и выходит наружу.

Если мы обратим внимание на то, как произносятся, напр., звуки: *а, о, у, е, и* и звуки: *б, в, г, д, т,* и т. д., то мы легко заметим существеннейшую между ними разницу: звуки *а, о, у, е, и* образуются свободным прохождением воздуха из легких в полость рта, между тем как при образовании звуков: *б в, г, д, т* — воздух из легких не свободно проходит в полость рта, встречает на своем пути различные преграды в виде губ, языка, зубов и т. п., которые смыкаются и закрывают ему свободный проход наружу, так что воздуху приходится или с трудом проходить через узкие пространства, образуемые различными органами речи, как это мы имеем, напр., в звуках: *ш, ж, с, з,* и т. п., или же силою прорываться сквозь преграды, образуемые теми же органами речи, как это мы имеем, напр., в звуках: *б, г, д, т, к.*

Звуки, образуемые свободным прохождением воздуха из лёгких в полость рта, называются **гласными;** *звуки же, при образовании которых струя воздуха, проходя из лёгких в полость рта, преодолевает на своём пути преграды, образуемые различными органами речи, называются* **согласными.**

Таким образом, все звуки русского языка делятся на две основных группы: *гласные* и *согласные.*

Основные гласные звуки в русском языке следующие:

а, о, у, ы, е (э), и;

согласные звуки следующие:

г, к, х; д, т, з, с; ж, ш; б, п, в, ф; ц, ч; м, н, л, р.

§ 11.

Гласные звуки **по своему образованию**, в свою очередь, делятся на две группы: гласные **широкие**: *а, о, у, ы* — и **узкие**: *е, и*.

Первые названы широкими потому, что они образуются при широком открытии рта; а вторые названы узкими потому, что они образуются при узком, почти сомкнутом положении рта.

Кроме того, **по месту своего образования** звуки *А, О, У* могут быть названы *задненёбными* гласными; звук *Ы—средненёбным* и звуки *Е, И—передненёбными*, потому что они образуются чрез приближение соответственной части языка к задней, средней или передней части неба, в чем легко убедиться самому, если при произнесении этих звуков палец положить на язык.

§ 12.

Что касается согласных звуков, то их деление по группам гораздо сложнее.

Мы уже знаем, что все звуки русского языка делятся **на гласные** и **согласные**: знаем мы также и то, что гласными называются такие звуки, при образовании которых звучащая струя воздуха свободно проходит из гортани в полость рта, а согласными такие, при образовании которых струя воздуха, проходя в полость рта, встречает на своем пути различные преграды, образуемые органами речи: языком, губами, зубами и т. п. Когда струя воздуха проходит чрез различные преграды, образуемые органами речи, она дает—шум: *б, п, д, т, с, з, ш*. Этот **шум** при некоторых согласных бывает очень незначителен, он почти заглушается **голосом**, как это мы имеем в звуках

м, н, л, р;

во всех других согласных **шум** в большей или меньшей степени заглушает собою **голос**:

б, п, г, х, д, т, в, ф.

Таким образом, все согласные звуки делятся на две группы:

1) согласные **голосовые** (сонорные) *м, н, л, р;* и
2) согласные **шумные**—все остальные.

§ 13.

Хлеба край и под елью рай.
Голодной куме только хлеб на уме.

Без труда нет добра.
Труд человека кормит, а лень портит.
Трудовая денежка до веку кормит.

Всей одёжи—две рогожи да куль праздничный.
По одёжке протягивай ножки.
У сошки золотые серёжки.

Чтобы рыбку съесть, надо в воду лезть.

Если мы обратим внимание на произношение парных слов:

хлеба и *хлеб*
труда—труд
одёжи—по одёжке
серёжек—серёжки
лезу—лезть—

то заметим, что звуку *Б* в слове *хлеба* соответствует *П* в слове *хлеб*; звуку *Д* в слове *труда* соответствует *Т* в слове *труд*; звуку *Ж* в слове *серёжек* соответствует *Ш* в слове *серёжки*; звуку *З* в слове *лезу* соответствует *С* в слове *лезть*.

Согласные звуки:

б, в, г, д, ж, з — называютея **звонкими** согласными, а соответствующие им

п, ф, к, х, т, ш, с—называются **глухими** согласными.

Разница между звонкими и глухими согласными звуками заключается в том, что первые образуются при большем участии **голоса**, а вторые при незначительном участии голоса, почти только одним **шумом**. Таким образом, шумные согласные делятся на звонкие и глухие. Все глосовые согласные по природе своей звонкие *м, н, л, р*.

Мужик и царский слуга.

Мужик нашёл дорогой камень и понёс его к царю; пришёл во дворец и стал спрашивать у царских слуг, как бы царя увидеть. Один царский слуга спросил; зачем ему царя? Мужик рассказал. Слуга и говорит: „хорошо, я скажу царю, но только отдай мне половину того, что тебе даст царь. А если не обещаешь, то не допущу тебя до царя". Мужик обещал. Слуга доложил царю. Царь взял камень и говорит: „какую тебе, мужик, награду дать?" Мужик говорит; „дай мне пятьдесят плетей, не хочу другой награды. Только у меня с твоим слугой уговор был, чтобы пополам делить награду. Так мне двадцать пять и ему двадцать пять".—

Задача: отметить в этом рассказе слова с звонкими и глухими согласными и, где возможно, переделать слова так, чтобы на месте звонкого согласного оказался в произношении глухой и наоборот; напр: мужик—мужской; дорогой—дорог и т. п.

§ 14.

Если мы обратим внимание на **способ** образования шумных согласных: *б, п, г, к, д, т* в словах:

битва, раб, гнев, гость, кость, урок, дар, дуб, труд, пруд, прут—

и на **способ** образования шумных согласных:

в, ф, х, ж, ш, з, с

в словах:

воск, фунт, хата, хитрый, холм, жизнь, зубы, сон, сено, —

мы легко заметим, что в первом случае при образовании звуков—*б, п, г, к, д, т* звучащая струя воздуха силою прорывается сквозь преграду, образуемую органами речи (губами—*б, п*; языком и зубами—*д, т;* языком и небом — *к, г*) и дает взрыв, отчего эти звуки и называются **взрывными,** а если их называть по впечатлению, которое они производят на слух, то их надо было бы назвать—*мгновенными.*

При образовании же звуков—*в, ф, х, ж, ш, з, с* звучащая струя воздуха, хотя и не свободно, тем не менее проходит чрез узкое пространство, образуемое органами речи, при чем от соприкосновения (или трения) воздуха с сомкнувшимися органами речи возникает сильный шум, почти заглу-

шающий голос. Согласные *в*, *ф*, *х*, *ж*, *ш*, *з*, *с* и называются поэтому — **фрикативными** (от латинского слова fricare, что значит „тереть"); если бы мы стали называть эти звуки по впечатлению, которое они производят на слух, то мы должны были бы назвать их—*длительными*.

Таким образом, все шумные согласные по способу образования делятся на **взрывные** (мгновенные) и **фрикативные** (длительные).

§ 15.

Мы уже знаем, что гласные звуки по месту своего образования делятся на задненебные (*а*, *о*, *у*), средненебные (*ы*) и передненебные (*е*, *и*) в зависимости от того, какие части языка и неба принимают участие в их образовании.

Все согласные звуки с этой же точки зрения делятся на:

задненёбные: *г*, *к*, *х*, а также южно-русское *г*, которое в русском литературном произношении мы слышим в словах: *Бога*, *Господи*, *благо*;
зубные: *д*, *т*, *з*, *с*, *ж*, *ш*, *л*, *н*;
губные: *б*, *п*, *в*, *ф*, *м*.

Голосовые согласные, кроме того, делятся на **плавные**— *л*, *р* и **носовые** *м*, *н*.

§ 16.

Итак, мы знаем;

1) что все звуки русского языка делятся на *гласные* и *согласные*;
2) что все согласные по своей природе делятся на *голосовые* и *шумные;*
3) что все шумные, в свою очередь, по способу образования делятся на *взрывные* (мгновенные) и *фрикативные* (длительные), и что среди них различаются *звонкие* и *глухие*;
4) что гласные звуки по месту своего образования делятся на:
   задненёбные, **средненёбные** и **передненёбные**,
   а согласные на:
   задненёбные, **зубные** и **губные**;
5) что голосовые согласные, кроме того, делятся на: **плавные** и **носовые**.

Однако, в русском литературном языке есть и еще три звука, о которых мы до сих пор не сказали ни одного слова. Звуки эти—*ц*, *ч* и *й*.

Если мы хорошенько вслушаемся в произношение звуков *ц* и *ч*—

царь, цвет, цинк, цирк, цеп; чай, чан, час, чёлн,

то можем заметить, что произнося *ц—ч*, мы произносим не **простые** однородные звуки вроде звуков *б, п, в, д, л, р* и т. п., но такие звуки, которые, если произнести их протяжно, представят себою две звуковые части—начальную и конечную, при чем, произнося протяжно звук *Ц*, мы произнесем сначала звук *Т*, а потом тянем—*С*; произнося же протяжно звук *Ч*, мы произнесем сначала звук *Т*, а потом тянем звук *Ш*, т. е. *ц—тс*, а *ч—тш.*

Ввиду этого, звуки *ц* и *ч*, в противоположность простым звукам, называются **слитными.**

§ 17.

Что касается звука *Й*, который мы слышим в таких словах, как:

край, Алексей, воробей, мой, добрый, синий, яйцо

и в таких словах, как:

ель, ёлка, ёж, яма, юла, июнь, терпение, здоровье, пьеса, быстрее, своего, заем, добрая, добрую, вьюга и т. д., то, обратив внимание на главнейшие признаки этого звука, т. е. на его природу, способ и место образования, мы заметим, что звук *й* образуется при несвободном прохождении звучащей струи воздуха из гортани в полость рта, так как при произношении звука *й* получается затвор, образуемый поднятием средней спинки языка к средней части нёба, и струя воздуха должна пройти поэтому не свободно, как она проходит при *а, о, у* и т. д., а через узкую щель между нёбом и языком. Поэтому звук *й*, обозначаемый у нас на письме как буквою *й*, так и заключающийся условно в буквах *е, ё, я, ю*, если они стоят после гласных и после *ь*—*ъ*, по природе своей есть **шумный фрикативный согласный звук, звонкий,** а по месту своего образования **средненёбный.**

Таким образом, все согласные русского языка по месту своего образования делятся на—

задненёбные, средненёбные, зубные и губные.

§ 18.

Кроме всего вышесказанного, в русском языке согласные звуки могут быть **твёрдыми** и **смягчёнными** или **мягкими.**

Так, например, мы говорим:

раб, но—*рябь*
кров — *кровь*
глад — *гладь*
вяз — *вязь*
мел — *мель*
кон — *конь*
цеп — *цепь*
сват — *сватья*, т. е.

в словах первого столбца все конечные согласные— *б*, *в*, *д*, *з*, *л*, *н*, *п*, *т* мы произносим **твёрдо**, а во втором столбце те же согласные мы произносим **смягченно**, при чем: так как в русском языке для смягчения согласных нет особых букв, то мягкость произношения согласных на письме обозначается, как мы уже знаем, специальным знаком, который называется—**мягким знаком** (*ь*); поэтому, буквы:

б, *в*, *д*, *з*, *л*, *н*, *п*, *т* обозначают на письме не только соответственные звуки, но именно **твёрдые согласные** звуки, а буквенные сочетания:
бь, *вь*, *дь*, *зь*, *ль*, *нь*, *пь*, *ть*,—те же, но **смягченные** или **мягкие** согласные звуки.

Кроме того, как мы уже знаем из предыдущего изложения, мягкость произношения согласных в руссом языке обозначается также буквами *е*, *ё*, *я*, *ю*.

Если мы сравним друг с другом слова.

раб и *рябь*
кража — *кряж*
ваза — *вяз*
да — *дядя*
глад — *глядь*
ну — *нюни*
воз — *вёз*

то легко заметим, что слоги:

ра—, *ва—*, *да—*, *гла—*, *ну—*, *во—* слов первого столбца отличаются от слогов:

ря—, *ва—*, *дя—*, *гля—*, *ню—*, *вё—* слов второго столбца тем только, что в первых слогах мы имеем твердые согласные, а во вторых—смягченные. Гласные же звуки, как в тех так и в других слогах одни и те же, т. е. *а*, *у*, *о*.

Косточка.

Купила мать слив и хотела их дать детям после обеда. Они лежали на тарелке. Ваня никогда не ел слив и всё нюхал их. И очень они ему нравились. Очень хотелось съесть. Он всё ходил мимо слив. Когда никого не было в горнице, он не удержался, схватил одну сливу и съел. Перед обедом мать сочла сливы и видит, одной нет. Она сказала отцу. За обедом отец и говорит: „А что, дети, не съел ли кто-нибудь одну сливу?“ Все сказали: „нет“. Ваня покраснел, как рак, и сказал тоже: „нет, я не ел“. Тогда отец сказал: „Что съел кто-нибудь из вас, это нехорошо, но не в том беда. Беда в том, что в сливах есть косточки, и если кто не умеет их есть и проглотит косточку, то через день умрёт. Я этого боюсь“. Ваня побледнел и сказал: „нет, я косточку бросил за окошко“. И все засмеялись, а Ваня заплакал.—

Л. Н. Толстой.

Задача: выписать из этого рассказа по нескольку слов с смягченными согласными звуками и подчеркнуть буквы, обозначающие эти звуки черточкой, а затем все буквенные сочетания, обозначающие смягченные звуки в этих словах, выписать отдельно, расположив их в алфавитном порядке, и разобрать, какие именно гласные звуки следуют за смягченными согласными.—

Задача: если бы мы условились смягченные согласные звуки изображать на письме маленьким мягким знаком с правой стороны вверху буквы, обозначающей твердый согласный звук, то как мы должны были бы тогда написать слова:
няня, дядя, ляля, Ваня, Виля, дыня;
няня, люди, Ваню, люблю, рюмка;
небо, село, дело, время, семя; тётя, Лёля, вёсла; звёзды, нёбо?

§ 19.

К няне.

(1827)

Подруга дней моих суровых,
голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
давно, давно ты ждёшь меня.
Ты под окном своей светлицы
горюешь, будто на часах,

и медлят поминутно спицы
в твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые ворота
на чёрный, отдалённый путь;
тоска, предчувствие, заботы
теснят твою всечасно грудь...

А. С. Пушкин.

В тяжолой жизни нашего великого поэта, Александра Сергеевича Пушкина, перенесшего много горя, обид и испытаний, всегда, с самого раннего детства и до кончины неизменно было одно светлое пятнышко, одна радость—это его милая старушка—няня, Арина Родионовна. Она была крепостною крестьянкой, вынянчила сестру Пушкина, его самого и его брата. Арина Родионовна знала очень много русских сказок, пословиц, былин и песен и умела их мастерски рассказывать. Пушкин очень любил слушать поэтические рассказы своей няни; эти рассказы западали глубоко в его душу, будили в ней русские народные струны и зоздали из Пушкина впоследствии великого поэта, истинного выразителя наших народных чувств и маслей. Поэт называл свою „дряхлую голубку“ — мамой. „Батюшка ты, говорила ему старушка: за что ты меня все мамой зовешь, какая я тебе мать?“—„Разумеется, ты мне мать,—отвечал ей Пушкин: не та мать, что родила, а та, что своим молоком выкормила“. А вот как сам поэт говорил о своей няне в другом месте:

Ах! умолчу-ль о мамушке моей,
о прелести таинственных ночей,
когда, в чепце, в старинном одеяньи,
она духов молитвой уклоня,
с усердием перекрестит меня,
и шопотом рассказывать мне станет
о мертвецах, о подвигах Бовы.
От ужаса не шевельнусь, бывало:
едва дыша прижмусь под одеяло,
не чувствуя ни ног, ни головы...
Я трепетал, и тихо наконец
томленье сна на очи упадало.
Тогда толпой, с лазурной высоты,
на ложе роз крылатые мечты,
волшебники, волшебницы слетали,
обманами мой сон обворожали;
терялся я в порыве сладких дум;
в глуши лесной, средь Муромских пустыней,
встречал лихих Полканов и Добрыней—
и в вымыслах носился юный ум...

(1816 г.).

„Любезный мой друг, Александр Сергеевич! — писала Пушкину няня в 1827 г. после того, как поэт покинул с. Михайловское, прожив здесь вместе с старушкой—няней безвыездно два года: я получила ваше письмо и деньги, которые вы мне прислали. За все Ваши милости я Вам всем сердцем благодарна; Вы у меня беспрестанно в сердце и на уме, и только когда засну, забуду Вас и Ваши милости ко мне. Ваше обещание к нам побывать летом, меня очень радует. Приезжай, мой ангел, к нам в Михайловское, — всех лошадей на дорогу выставлю... Я, слава Богу, здорова, целую Ваши ручки и остаюсь Вас многолюбящая няня Ваша Арина Родионовна".

Няня Пушкина умерла в 1829 г., когда ей было уже более семидесяти лет. Но и после её смерти Пушкин не забыл своей „дряхлой голубки".

Посетив в 1835 году с Михайловское, Пушкин в следующих словах вспомнил о своей няне:

Вот опальный домик,
где жил я с бедной нянею моей.
Уже старушки нет, уж за стеною
не слышу я шагов её тяжолых,
ни утренних её дозоров...
А вечером, при завываньи бури,
её рассказов, мною затверженных
от малых лет, но никогда не скучных...

К няне же своей Пушкин обращается и в стихотворении

Зимний вечер.

(1825)

Буря мглою небо кроет,
вихри снежные крутя;
то, как зверь, она завоет,
то заплачет, как дитя;
то по кровле обветшалой
вдруг соломой зашумит;
то, как путник запоздалый,
к нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
и печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?

Или бури завываньем
ты, мой друг, утомлена,
или дремлешь под жужжаньем
своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
бедной юности моей,
выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
тихо за морем жила;
спой мне песню, как девица
за водой по утру шла.

Буря мглою небо кроет,
вихри снежные крутя:
то, как зверь, она завоет,
то заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
бедной юности моей,
выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

Чем представляется воображению поэта зимняя буря? Где происходит действие? Как поэт называет в этом стихотворении свою няню? Чем поэт просит развлечь его?—

Мы уже знаем, что в русском языке согласные звуки могут быть твёрдые и смягченные; твердым:

б, в, г, д, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х

соответствуют смягченные:

бь, вь, гь, дь, зь, кь, ль, мь, нь, пь, рь, сь, ть, фь, хь;

например:

был — бил	*нос — нёс*
выл — вил	*пар — пять*
Бог — боги	*двор — дверь*
дань — день	*вес — весь*
навоз — грязь	*брат — брать*
конь — кислый	*фунт — финик*
ложка — лён	*хата — хитрый;*
мал — мял	

но звук *ч* в русском живом произносимом языке **всегда мягок**; следовательно, и в звукосочетании, обозначаемом на письме буквою *щ*, мы имеем также **мягкий** конечный звук *ч*.

Ты под окном своей светлицы
горюешь, будто на **часах** . . . .

Тоска, **предчувствие**, заботы
теснят твою **всечасно** грудь . . .

В глуши лесной, средь муромских пустыней,
встречал лихих полканов и Добрыней . . .

Ах! **умолчу-ль** о матушке моей,
о прелести таинственных ночей . . .

От ужаса не шелохнусь, бывало:
едва дыша прижмусь под одеяло,
не **чувствуя** ни ног, ни головы . . .

В словах: *час, часы, на часах, всечасно, встреча, встречал, чашка, чай, чан, часть, начать, начало, дача*— везде мы произносим мягкий звук *ч*. Тот же мягкий звук *ч* мы произносим и на конце слов:

1) славная *дочь*, темная *ночь*, теплая *печь*, красивая *речь*; детский *плач*, вкусный *калач*, непромокаемый *плащ*, густой *плющ*;

2) мы видим много *дач*;

3) вода перестала *течь*, платье надо *беречь*; и т. п. — независимо от того, ставим ли мы после *ч* мягкий знак (*ь*) или не ставим.

Поэтому после *ч* можно было бы, собственно говоря, не ставить вовсе и мягкого знака, и если мы мягкий знак всётаки ставим в таких словах, как: *дочь ночь, речь* или *течь, беречь*, то потому только, что ставим его во всех подобных же словах, оканчивающихся на другой смягченный согласный звук, а не на *ч*; напр.: *боль, даль, топь, болезнь, дань* или: *хвалить, читать, знать* и т. п.; на этом же основании после *ч* пишется мягкий знак и во всех других случаях, где он пишется и после других согласных: *беречься, остеречься, увлечься* и т. п. Следовательно, если после *ч* на письме мы и ставим *ь*, то не для обозначения мягкости его произношения, потому что *ч* в русском языке всегда мягко, а для того, чтобы сохранить однообразие правописания всех подобных слов. Все сказанное относительно *ч*, касается также и *щ*.

По той же причине, что *ч* в русском языке всегда мягко, нет никакой надобности после *ч* писать букв *я* и *ю*. Мы знаем, что если эти буквы пишутся после согласных *(няня, люди)*, то для того, чтобы обозначить на письме мягкость произношения соответственного согласного звука, а сами они означают в этом случае *а* и *у*. Так как мы знаем, что *ч* в русском языке всегда произносится мягко, то нет никакой надобности после него, а следовательно и после *щ* писать ни *я* ни *ю*, а следует писать *а* и *у*:

1) *час, чай, чашка, часть, счатье, начало, дача, туча;*

а также: *щавель, роща, чаща;*

2) *чувство, чужой, чудак; хочу, шучу;*

а также:

щука, щуплый, ищу, пущу, гощу и т. д.

Наконец, если *ч* в русском языке всегда **мягко**, то можно ли после него писать букву *ы?* Конечно, нельзя, потому что при этой букве предыдущий согласный звук может произноситься только твердо:

дыня, лыко, мыло, рыло;

поэтому после *ч*, а следовательно и после *щ* никогда нельзя писать *ы*, а надо писать всегда только *и*:

число, чистый, чижик; на печи; не кричи;

а также:

щипцы; щи; рощи; ищи; нет пищи; клещи.

Итак: *после Ч и Щ никогда не пишутся Ы, Я, Ю, а пишутся только И, А, У.*

§ 20.

Вот опальный домик,
где жил я с бедной нянею моей.

Спой мне песню, как синица
тихо за морем жила . . . .

Хозяин как **наложил** все с осла на лошадь, да еще и шкуру ослиную, лошадь и взвыла.

Скоро сам **узнаешь** в школе,
как архангельский **мужик**,
по своей и Божьей воле,
стал разумен и велик.

Ну, **кажись**, я готов:
вот мой кафтанишко,
рукавицы на мне,
новый кнут под мышкой.

Сидор **вожжи** возьмет,
чорта не боится!

Там уж поприще **широко**,
знай, работай да не трусь . . .

Одна в **груши** лесов сосновых
давно, давно ты **ждешь** меня.
Ты под окном своей светлицы
горюешь, будто на часах,
и медлят поминутно спицы
в твоих наморщенных руках.

От ужаса не **шелохнусь**, бывало . . .

Тогда толпой, с лазурной высоты,
на **ложе** роз крылатые мечты,
волшебники, волшебницы слетали,
обманами мой сон обворожали . . .

Другую особенность живого русского произносимого языка составляет то, что в нем звуки *ж*, *ш* и *ц* **всегда тверды**. Так, если бы слова:

жил, жила, наложил, мужик, кажись, вожжи—

написать так, как они произносятся, то нам пришлось бы везде на месте *и* написать—*ы*: жыл, мужык, и т. п.;

также и слова:

широко, в глуши—

пришлось бы написать с *ы*, т. е.: шыроко, в глушы, и т. д.

Также и слова: *порция*, *провинция*, *цикорий*, а не только такие слова, как: *цыбик*, *цыплёнок*, *ножницы*, *цыган*—пришлось бы написать через *ы*, т. е.: порцыя, провинцыя, цыкорий и т. п.

Зная, что *ж* и *ш* всегда тверды в произношении, мы не нуждаемся в том, чтобы на письме каким либо особым способом обозначать их твердость, поэтому вместо *ы* после *ж* и *ш* пишем всегда только *и*, как писали у нас встарину, когда звуки *ж* и *ш* были мягкими согласными, и когда после них, как после смягченных согласных, произносилось и писалось *и*.

Итак, после *ж* и *ш*, хотя и слышится в произношении *ы*, писать надо однако всегда *и*:

1) *нож—ножи* *жизнь* *наживa*
ложа—ложи *живот* *жир*
кожа—кожи *жирный* *жито;*
сажа—сажи *жидкий*

2) *мышь—мыши* *шинель* *нашивка.*
крыша—крыши *широкий*
ноша—ноши *шило*
шить
шипы

Что касается **твёрдого** согласного звука *ц*, то после него пишут в одних словах — *и*, в других — *ы*. В словах, заимствованных из других языков, мы пишем обыкновенно *и*: *цикорий, медицина, цитадель; цитата; порция*; кроме того, всегда мы пишем—*цифра* и *циферблат*; в словах же, которые уже давно вошли в русский язык и давно руссифицировались или же были заимствованы нами из польского языка, мы пишем—*ы: цыган, цыбик, цырюльник.*

Хотя, как было указано выше, звуки *ж*, *ш* и *ц* в произносимом языке всегда тверды, на письме и после них мы ставим мягкий знак во всех тех случаях, где он ставится после других согласных для обозначения мягкости их произношения; например:

Тишь да гладь да Божья благодать.

Одна в глуши лесов сосновых
давно, давно ты **ждёшь** меня.

Выше пояса
рожь зернистая
дремит колосом
почти до земли.

Рабочий расставит, разложит снаряды—
рубанки, подпилки, долота, ножи,
а дети и рады:
как **пилишь**, как **лудишь**—им всё покажи.

Отец, **слышишь**, рубит, а я отвожу.

„Ты **шутишь**?“ зверь вскричал коварный:
„Тебе за труд? Ах ты, неблагодарный!“

На том же основании,что звуки *ж*, *ш* и *ц* всегда тверды в произношении, после них никогда нельзя писать букв *я* и *ю*, а надо писать только *а* и *у*.

жужжать, жупел, жужелица, кожура, журчать;
жажда, жатва, жарить;
шурин, шулер, кошурка, шушукаться;
шашни, шайка, шатёр;
цаца, цапля, цапать.

§ 21.

Мы знаем, что в русском языке очень часто гласный звук *е*, если на него падает ударение, произносится как *йо* (—ё) (*еловый—ёлка*), или как *о* с смягченным предыдущим согласным:

весло—вёсла
бедро—бёдра
день—обыдённый
звезда—звёзды
гнездо—гнёзда
село—сёла и т. п.

следовательно, то же самое *ё* мы можем встретить и в словах после согласных: *ж*, *ш*, *ц*. Если мы пишем слова: *желтеть, желток, я вышел, сердце, платьице*—с *е* после *ж*, *ш* и *ц*, т. е. в том случае, когда на *е* не падает ударение, то какую букву мы напишем на месте *е* после *ж*, *ш*, *ц*, если на *е* будет падать ударение? Чтобы ответить на этот вопрос, надо помнить, во первых, что *ж*, *ш* и *ц* в русском языке всегда тверды, а во вторых, что буква *ё* (—*йо* в произношении) может стоять только после гласных (*её*) и после *ъ—ь* (*пьёт*); если же она стоит после согласных, то в этом случае обозначает, между прочим, мягкость их произношения (*вёсла, гнёзда*), а так как *ж*, *ш*, *ц* всегда тверды в произношении, значит после них там, где после других согласных мы пишем *ё*, нет надобности писать этой буквы, а следовало бы писать везде букву *о*.

Однако, русское правописание в этом случае несколько расходится с произношением.

О после *ж*, *ш*, *ч*, *щ*, если на него падает ударение, мы пишем:

1) в окончаниях некоторых слов: *свежо, хорошо, плечо, горячо:*

2) в окончании—*ой: чужой, большой,* а равно: *чужого, чужому, о чужом*;

3) в окончании—*ок*: *кружок, рожок, пирожок; овражок; сапожок; снежок; пушок; гребешок; мешок; горшок; сверчок; крючок; пучок; борщок;*

4) в окончании фамильных имен—*ов: Чижов, Рыжов, Коржов; Грачов; Балашов; Ковшов; Хрущов*;

5) в окончании творительного падежа имен существительных: *ножом, коржом, ежом, межою; палашом; душою; ключом; плечом; свечою; плющом; пращою*;

6) в середине слов, если *о* последний звук в слоге (—в открытых слогах): *шо-рох, шо-пот, чо-порный, що-лок*; если же в слоге соответствующий звук стоит между согласными (—в закрытых слогах), то мы пишем в этом случае *ё: жёст-кий, шёрст-ка, шёлк, счёт, щётка; о чём, при чём* и т. п.;

7) *о* мы пишем в одной группе слов для отличия ее значения от однозвучной другой; например: *чорт—черта* и *чёрточка—черта; жена—жены*, но *жоны; душенька* и *душонка*;

В глагольных же окончаниях: *—ёшь, —ёт, —ём, —ёте (берёшь, берёт, берём, берёте)* и после *ж, ш, ч, щ* надо писать—*ё: бережёшь, бережёт, бережём, бережёте; течёшь, течём, течёте* и др.;

ё следует также писать в слове—*ещё*, и в глагольных образованиях на — *ён, —ёный: наречён, бережёный, решён, сушёный, заключён; обольщён* и т. п., а также: *шёл, пришел, подошёл* и т. д.—

После *ц* всегда надо писать *о*, если на этот звук падает ударение: *лицо, яйцо, кольцом, купцом, купцов, борцов* и т. д.

§ 22. Таблица основных звуков русского литературного языка.

				Заненебн:	Средненебн:	Передненебн:	Зубные:	Губные:
ГЛАСНЫЕ:	широкие:			*а, о, у*	*ы*	*э*		
	узкие:					*е, и*		
СОГЛАСНЫЕ:	шумные:	взрывн.	звонкие.	*г*	*й*		*д*	*б*
			глухие.	*к*			*т*	*п*
		фрикат.	звонкие.	*г*—благо Бога и нек. др.			*з, ж*	*в*
			глухие.	*х*			*с, ш*	*ф*
	голосные	плавн.					*л, р*	
		носов.					*н*	*м*
	слитные:						*ц, ч*	

„Не все сразу, господа!“

У трактирщика был ручной попугай. В те дни, когда дела шли хорошо, когда посетители толпились к прилавку и нетерпеливо требовали, чтобы им поскорее подавали, попугай радовался не меньше самого хозяина. Его клетка висела тут же, у прилавка, и он относился ко всему происходившему с большим интересом. Он знал в лицо всех постоянных посетителей, знал, что некоторые из них непременно ударят кулаком по столу и крикнут: „поскорей!“ А трактирщик ответит им своею неизменною фразою: „не все сразу, господа! По очереди, пожалуйста!“

Скоро попугай выучил эти слова наизусть и, как только поднимался шум, кричал посетителям раньше хозяина: „не все сразу, господа! По очереди, пожалуйста!“

В одно прекрасное утро попка пропал. Он ушёл из клетки и отправился разгуливать по полям, радуясь случаю расправить крылья. Но как только попугай встретился с простыми птицами, яркий и нарядный костюм его сразу обратил внимание. Воробьи трещали между собою, зяблики взволнованно чирикали о неслыханном чуде, а старый грач, проходивший мимо в своем чёрном сюртуке, прямо-таки плюнул на попку. Потом с негодующим криком он взлетел на вершину высокого вяза, чтобы сообщить новость своим домашним.

Между тем трактирщик заметил пропажу попугая и отправился на поиски. На луг он пришёл как раз во время. Попку со всех сторон окружили грачи, а он, весь исклёванный, растопырив крылья и сердито разинув клюв, даже не отбивался от них, а только кричал во всё горло: „не все сразу, господа! По очереди, пожалуйста!“ —

Задача: выписать из этого рассказа те слова, которые представляют интерес с точки зрения языка писаного и языка произносимого.

§ 23.

Литературный язык и народные говоры. Язык в прошлом и настоящем.

Наш литературный язык и наше литературное произношение во многом отличаются от языка простого народа. Так, например, на севере России народ говорит: *чарь* вместо *царь; доць* вм. *дочь; недиля* вм. *неделя; нёсу* вм. *несу*; на юг

от Москвы говорят: *нясу—нясём;* или *нясу—нисём; идёть;* белоруссы говорят: *дзень, цихо* вм. *день, тихо; бяроза* вм. *берёза;* малороссы говорят: *нис* вм. *нёс; дид* вм. *дед, пич* вм. *печь* и т. п.

Образцы народных говоров;

1) Олонецкой губ.

Откуды, дет, идёшь?—З гòрода, кормилеч [1]) з гòрода!—А какая нелеккая тибя занесла в такую даль?—Ох, родимой, нужда заставит хоть в Москву итти: йона и старика дéлае молодым!—А што у тя была такая за нужда в гòроди?—Да другой-то нужды не было, окрòми што Христовым именем побирался, кормилеч!—Куды же теперечю, старинá, путь держыш?—Бреду, родимой, домой!—А гди [2]) твой, дéдушко, дом?—Дом, мой милостивеч, [3]) там, гди у заичя лом! [4])—А што, дедушка, у тя в этых мешоцках? [5])—В одном мешоцке, милостивеч, хлебныи кусòцки [6]), а в другом толокончо [7]). К кóму пристану на ноцлек, [8]) выпрошу рипничи [9]), сделаю тянушоцку [10]), наворзыхаюсь [11]), да и сыт не на один день!

[1]) Вм. кормилец. [2]) Вм. где. [3]) Вм. милостивец. [4]) Заячьи ломы—крюки, петли. „Домы-то домы—ровно заячьи ломы!"—говорят про безпорядочно раскинутую деревушку. [5]) Вм. мешочках. [6]) Вм. кусочки. [7]) Вм. толоконце—толченая, немолотая мука, овсяная. [8]) Вм. ночлег. [9]) Репница—квас из репы. [10]) Вм. тянушечку. [11]) Наемся.

---

2) Вологодской губ.

Из-за лесу, лесу было темново, из-за темново дремуцево, не туця ли там затуцилась, не туман-ли затуманивсё. Поднимаетцё там злодий Кáлин цярь на Киев град, за ним было сорок цярей цяревицей, сорок королей королевицей, и за каждым цярем цяревицём и за каждым королем королевицём было силы за ними по сорока тысяцей; за самим злодием Калином цярем было силы три тьмы и три тысеци. Подошли оне под Киев град и обстали кругом Киева, и злодий Калин цярь в первой день ходив до вецера, перву ноць до белá светá и выкликав сибе такова целовека, штобы знав говорить по-русски и товмацить [1]) по-татарски...

[1]) толмачить—толковать, объяснять.

---

3) Калужской губ.

— Вот я видяла страшнай сон-та, испужалась ажно!—

— Какой жа, нукысь рыскажи?

— Ох, девушка, ты ить знайишь нашу сядуя карову та?—Знаю.—Ну вот, бутта я с мужам éхыла у горат и вялá я éту карову прыдавáть... Удрух! атькида ни вазьмись гырат-

ская карова ды к нам; мы йиё атагнали ды ить тут жа и хазяйка-та идёть; узяла ана йиё ды и пыгнала дамой, а на [1]) кык патхватица ды на́ крышу, а на́ крыши-та трава расьтёть а на́ и стала там хадить...

[1]) а она.

---

4) Рязанской губ.

Маю сястру лошать убила; ана была бойкяя да кованая, так нагой весь жывот разрубила. Сястрёнка памярла́, а мне барыня рубаху атрезала; я её́ на сястру надел, так и пахаранили. Таперь астался я да дьве сястры ашшё . . .

---

5) Белорусский говор.

Жив я у батраках у Липовке, и ув вадзин дзень выпряг палуднаваць; папалуднавав и лёг атдыхаць на лауку и вснув; и ув васнях ввидзив, и приходзиць ка мне старик такей рыжий: и що ты, гово́риць, мо́лодиц думаиш? А що, я кажу, ницог. Как, гавориць, хоцыш ты дзениг? Как, я гаво́рю, а ты мне нешта дзениг даш? Да, я табе, гавориць ён, дам. А какиим ро́дам, я гаво́рю, даси ты мне дзениг? Я, он гаво́риць, табе клад укажу. А идзе́, я кажу, клад? А вот, ён гаво́риць, у вашам сяленни клад, и стольки, такей клад, гавориць, боцка саракавица; и ня стольки, гавориць, твайму роду даволи будзиць—вашему усяму сяленню досыць будзиць; боцка, гавориць, саракавица; палавину злата, да палавину серибра, и твая цась выниць ёци дзеньги; и ступай ты проци Ивана, каравуль: яны табе проста сдадутца...

---

6) Малорусский говор Харьковской губ.

Жылы соби дид да баба, стари—стари; дид був слипый. Дожылысь воны до то́го, шо им ста́ло ничого исты. Вот баба и каже: я тебе, диду, бросю!—А дид и каже: не бросай мене, бабусю, лучче я пийду у поле, та рожживусь, може, каже, чого́ небудь.

— А баба и ка́же: ну, ходим же, колы так, дидусю, у двох.—И пишлы скризь по дорози. Ийшлы, ийшлы—ничого на дорози ны найшлы. Дойшлы, шо доро́га раздвоилась на двое. Баба и каже тоди: ну, ты, диду, иды по правий дорози, а я по ливий: та, може, ты як найдешь зайчыка, так гукай мини сюды: бабусю! на цю дорожку!—Тоди дид пишов по правий дорози, а баба по ливий . . . [1])

[1]) См. Н. Дурново и Д. Ушаков: Хрестоматия по великорусской диалектологии. М. 1910.

Приведенные выше образцы русского простонародного языка из разных мест России показывают, что не только наш литературный язык отличается от языка простонародного, но и простонародный русский язык делится на говоры, отличающиеся друг от друга своими особенностями. А между тем, было когда то в глубокой древности время, когда весь русский народ говорил одним и тем же языком, и только с течением времени в нем постепенно произошли те перемены, которые сейчас составляют отличительные черты трех главных наречий русск. языка: великорусского, белорусского и малорусского. И литературный язык наш, язык, на котором говорят сейчас в России все образованные люди, не всегда был таким, каким мы его знаем теперь. С первых дней появления в России вместе с христианством и славянской грамотности, у нас образовался, наряду с языком народным, и свой литературный язык, который затем вплоть до настоящего дня развивался вместе с историей русского народа и его культурой. За это время в нем произошли большие изменения и в звуках, и в формах, и в словах, и в общем строе языка: многое из старого языка теперь мы забыли, многое в нем изменилось, много слов и оборотов появилось в нем новых, вновь созданных или заимствованных у иностранцев—соседей.

Вот, напр., как писали литературным языком наши предки в XIV веке в Новгороде:

В лѣто 6643. Ходи Мирослав посадникъ изъ Новгорода миритъ Кыянъ съ Черниговьци, приде не успевъ ництоже; сильно бо възмяла ся [1]) вся земля Русьская: Ярополкъ къ собе зваше Новъгородьцѣ, а Черниговьскыи князь къ собѣ; и бишася, и поможе Бог Олговицю съ Черниговчи, и многы Кыяны изсече, а другыя изма [2]) руками . . . (1-я Новг. летопись).

[1]) взволновалась [2]) взял, переловил.;

А вот, например, как писали в Москве в XVII в.

А будетъ которой служилой человѣк, будучи на государевѣ службѣ, зъ бою збежитъ къ себѣ домовъ, а воеводы на него о томъ отпишутъ къ государю и у такихъ за тотъ побегъ испомѣстныхъ ихъ и изъ денежныхъ окладовъ убавити половина, да у нихъ же исъ поместей ихъ взяти на государя половину же, да имъ же за то чинити наказанье, бить кнутомъ нещадно...

(Из „Уложения царя Алексея Михайловича").

Отрывок русского литературного языка XVIII-го в.

. . . Токмо Божіею помощію единаго Василея на доске корабелной прибило къ некоему великому острову. И от великаго ужеса павъ на землю яко мертвъ; а какъ волны утишилися, два корабля, видевше, что корабль, на котором былъ Василей, разбіенъ былъ весь, и чаели, и что и Василей утопаша въ волнах морских, возратишася назадъ в Галандію и поведаша гостю о приключевшейся несчастіи. Слышев же гость велми нача плакати и тужить не о караблях и не о товарѣ, но о Василіи Коріотскомъ . . .

(Из „Повести о матросе Василіи").

Образец языка М. В. Ломоносова (XVIII в.)

Въ древнія времена, когда славянскій народъ не зналъ употребленія письменно изображать свои мысли, которыя тогда были тѣсно ограничены, для невѣдѣнія многихъ вещей и дѣйствій, ученымъ народам извѣстныхъ, тогда и языкъ его не могъ изобиловать такимъ множествомъ реченій и выражений разума, какъ нынѣ читаемъ. Сіе богатство больше всего приобретено купно съ греческимъ христианскимъ закономъ, когда церковныя книги переведены с греческаго языка на славянский для славословія Божія. Отменная красота, изобиліе, важность и сила эллинскаго слова сколь высоко почитаются, о томъ довольно свидетельствуютъ словесныхъ наук любители . . .

Все эти отрывки русского языка, взятые из различных говоров и эпох, приводят нас к убеждению, что язык народа и в частности русский язык не есть нечто раз на всегда сложившееся, не есть какая то неподвижная окаменелость, но что *язык с течением времени изменяется,* развивается, т. е. что язык, так же как и человек, живет своею жизнью и имеет свою **историю.**

Специальная наука *История русского языка* и занимается изучением законов развития русского языка с древнейших времен и до наших дней. К числу этих законов относятся также и те важнейшие звуковые особенности русского языка, с которыми мы сейчас познакомимся.

Важнейшие звуковые особенности русского языка.

1. Гласные изменяются в зависимости от ударения.

Об этом мы уже отчасти говорили выше, когда рассматривали главнейшие особенности русской азбуки, когда говорили о том, что одною и тою же буквою *о*, или *а*, или *е* мы нередко обозначаем на письме не только ясно слышимые звуки *о*, *а*, *е*, но также звуки произносимого языка, которые только отчасти приближаются к *о*, *а*, *е*, но которые скорее или напоминают собою звуки *а*, *ы*, *и* или даже совсем совпадают с этими последними. Так, напр., мы сопоставляли слова; *ноги босы; многих* и т. д., со словами: *небо; грязно тело; что за дело; последний; отдала* и т. д. и заметили, что в первых словах звук *о* произвосится ясно, а во вторых на месте *о* мы слышим скорее звук *а*, но не *о*.

То же самое мы заметили и в словах: *коренной*, *беззаботный*, *перелётный*, *держись* и т. д., где на месте звука *е*, который ясно слышится в словах: *уздечки*, *колечки*, *медный*, *лень*, *день*, мы слышим скорее звук *и*, а не *е*. В словах: *кафтанишко*, *рукавицы*, *облачко*, *ехать* – на месте *а* мы слышим звук, приближающийся к *ы*, но не то *а*, которое мы слышим в словах: *жена*, *дуга*, *жалко*, *гладко* и т. д.

Если мы обратим внимание на эти примеры, то легко заметим, что звуки *а*, *о*, *е* – *ясно произносятся только в том случае, если на них падает ударение*, если же на них не падает ударение, то они изменяются и переходят в другие звуки, приближающиеся или совпадающие с звуками *ы*, *а*, *и*.

Задачи: 1) Сравните, как эта особеннось русского языка выступает в различных наших народных говорах по тем отрывкам, которые приведены выше.

Есть ли эта особенность в говорах Олонецкой или Вологодской губ.?

Есть ли эта особенность в говорах Калужской или Рязанской губ.?

Запомните, что все наши народные говоры, лежащие севернее Москвы, называются **северно-великорусскими говорами**, а лежащие южнее Москвы — **южно-великорусскими**.

2) Какой особенности русского литературного языка, с точки зрения произношения гласных, не знают северно-великорусские говоры?

3) К какой группе говоров, к северно-великорусским или к южно-великорусским, стоит ближе в этом отношении русский литературный язык?

Основная особенность русского литературного языка, заключающаяся в том, что гласные под ударением произносятся ясно, вошла в него из южно-великорусского наречия.

Если мы знаем, что в русском литературном произношении гласные *а, о, е* только под ударением произносятся ясно, а если на эти гласные в словах не падает ударения, то они произносятся не ясно, между тем как у нас существует только три буквы *а, о, е* для обозначения на письме как ясно произносимых так и не ясно произносимых *а, о, е*— как узнать, какую букву надо написать в случае не ясно произносимого звука—*а, о, е?*

Как написать слова:

1) старик, старуха, часовой, жалеть, счастливый?

2) домовой; косить; возить; ловить; коробок; голосить?

3) сердитый; коренной; бедовый; веселый; сенокос; лепетать?

Чтобы узнать, как написать слова с неясно произносимыми звуками *а, о, е*, надо подыскать к данному слову другое однородное, в котором ударение падало бы на этот именно звук:

старик—старость; часовой—час;
домовой—дом; косить—косы...
сердитый—сердце; коренной—коренья.

Задача: подыщите такие же слова с ударенными гласными *а, о, е* и для остальных примеров.

Кошка.

Стало у мужика много мышей. Он взял в дом кошку, чтоб она ловила мышей, а кошка думала, что её затем взяли, чтоб она сама стала жирна. Кошка и стала есть мясо и молоко, стала жирна и гладка. И не стала больше кошка мышей ловить. Она думала: пока я была худа и шаршава, я боялась, чтобы меня не прогнали, а теперь я стала гладка и красива, и мужик не прогонит меня; другую кошку он не скоро справит, как меня. – А мужик видит, что кошка не ловит мышей, и говорит жене: кошка наша не годится, пришли котёнка худого. — Взял жирную кошку, вынес в лес и бросил.—

Задачи: 1. Выписать из этого рассказа слова с неясно произносимыми гласными *а, о, е* и объяснить их правописание;

2. выписать из этого же рассказа слова с ясно произносимыми звуками *а, о, е* и подыскать к ним однородные слова, в которых те же звуки произносились бы не ясно;

3. нарисовать картину, на которой был бы: дом или стол, или коса, или кот, или село, или лес, или церковь, или часы — и составить к картинке рассказ так, чтобы в него вошли слова однородные с тем словом, на которое нарисована картина, как с ясно произносимыми так и с не ясно произносимыми гласными *а, о, е.*

В зависимости от ударения стоит и другая особенность русского языка, заключающаяся в том, что звук *е*, если на него в слове падает ударение и если после него следует твердый согласный или твердый слог, произносится как ё, т. е. как *о*, с смягченным предыдущим согласным; то же *о* мы произносим на месте ударенного *е* и после *ж, ш, ц, ч, щ*, например: *мету — я мёл; везу — я вёз; бреду — брёл; плету — плёл; медовый — мёд; ель — ёлка; передний — вперёд* или *перёд*; но *передок; лететь — лёт, перелёт, залётный; зелень — зелёный; чернила — чёрный; желтеть, желток — жёлтый; тяжесть — тяжолый; шелковичный червь — шёлк; шерсть — шёрстка; лицевой — лицо; ещё; щолок.*

В некоторых же словах произношение *е* удерживается, несмотря на то, что оно стоит и под ударением и перед твердым слогом, напр.: *снег, блеск, бред, брег* и т. п.; эти слова в старину писались через *ѣ*; или в таких словах, как: *крест, небо, ковчег* и т. п., которые вошли в русский язык из церковно-славянского: в каком произношении они пришли к нам, в таком и остались до сих пор; наконец, во всех словах перед *ц*: *отец, купец, молодец* и т. п., потому что звук *ц* раньше был мягким и отвердел недавно, а мы знаем, что *е* произносится как *ё* только в ударенных слогах перед следующим твердым слогом.

2. Гласные могут отпадать, выпадать и сокращаться.

— В те дни, когда дела шли хорошо, когда посетители толпились к прилавку и нетерпеливо требовали, чтобы им поскорее подавали, попугай радовался не меньше самого хозяина...

Вместо: *чтобы* им *поскорее* подавали — можно было бы сказать и написать: *чтоб* им *поскорей* подавали, т. е. в слове: *чтобы* — может отпасть звук *ы*, а в слове: *поскорее*, которое произносится — *паскорейе*, может отпасть конечный звук *е*.

— А трактирщик ответит им своею неизменною фразою: не все сразу, господа! по очереди, пожалуйста!..

В этом предложении вместо: *своею неизменною фразою*— можно было бы сказать: *своей неизменной фразой*, т. е. с опущением во всех трех словах конечного гласного *у*, так как буквою *ю* после гласных обозначается на письме звукосочетание:—*йу*.

— Он ушел из клетки и отправился разгуливать по полям, радуясь случаю расправить крылья...

Мы говорим—*радуясь* вм.—*радуяся*, опуская конечный звук *а*, но сохраняя после его отпадения мягкость предыдущего согласного, которую на письме обозначаем мягким знаком.

То же опущение конечного гласного *а* мы имеем в таких словах, как, например: *моюсь, учусь, улыбаюсь, они дрались, они сражались, они гнались* и т. п.

Как вм. — *своею неизменною фразою* можно сказать — *своей неизменной фразой*, так же вместо—*ногою* можно сказать и написать *ногой*, вм. *рукою* — *рукой, головой, водой*; гулять *с мамой, с тётей, с дядей, с папой*.

Пушкин в стихотворении — „*Брожу ли я вдоль улиц шумных*“ сказал так:

И хоть бесчувственному телу
равно повсюду истлевать,
но ближе к милому пределу
мне все-б хотелось почивать.

Пушкин употребил слова: *хоть* вм. *хотя*, и *хотелось* вм. *хотелося*, опустив конечный звук *а*; *все-б* вм. *все бы*, опустив конечный звук—*ы*.

В стихотворении — „*Песнь о вещем Олеге*“ Пушкин, между прочим, сказал:

Скажи мне, кудесник, любимец богов,
что сбудется в жизни со мною?
И скоро-ль на радость соседей-врагов
могильной засыплюсь землею?—

употребив — *скоро-ль* вм. *скоро ли*, т. е. опустив конечный гласный звук *и*;
то же у Пушкина мы имеет в стих „*Утопленник*“:

Рыболов ли взят волнами,
али хмельный молодец,
аль ограбленный ворами
недогадливый купец...

где наряду с словом *али* употреблено и слово *аль* с отпавшим конечным гласным—*и*.

У Крылова:

Берись за то, к чему ты сроден,
коль хочешь, чтоб в делах
успешный был конец—

употреблены слова—*коль* вм. *коли* и *чтоб* вм. *чтобы*; другой пример у Крылова же:

Мы, верно, уж поладим,
коль рядом сядем.

Итак, звуки: *а, у, е, ы, и* — иногда отпадают в конце слов.

Выпадает из середины слова звук *и*; напр., вм. *прииду* мы говорим и пишем—*приду*; вм. *приимy* — *приму* и т. п.

Этот же гласный звук *и* сокращаясь переходит в звук *й*; так, вм. *прииду* мы говорим: *прийду*, *зайду* и т. п.

3. Гласные звуки в словах сходного значения чередуются друг с другом в определенном порядке.

Так, например, если мы возьмем такой ряд слов:

брать—беру,	*собираю,*	*собор*
драть—деру,	*сдираю,*	*задор*
	задира,	
зреть—	*презирать,*	*зоркий*
умру—мертвец,	*умирать,*	*мёртвый*
	уморить,	*умаривать,*

—то во всех этих словах мы замечаем, что звук *е* в: беру, деру, мертвец—исчезает в словах: брать, драть, умру; нет его также и в слове—зреть, между согласными *з* и *р*, где потом появляются гласные *и* и *о*; такой выпадающий звук *е* называется *беглым*. Во всех этих примерах мы видим, что *беглый звук Е* чередуется с гласными: *и, о, а*, со всеми тремя названными звуками, или с двумя из них.

Не беглый же звук *е* чередуется только с *о* и *а*:

везу—воз—важивать
несу—ноша—нашивать
веду—водить—важивать.

Кроме беглого звука *е*, в русском языке есть еще и беглый звук *о*, который мы имеем, напр., в словах:

лгать—ложь
рвать—ров
спать—уснуть—сон
задохлый—задохнуться и др.

Беглый звук О чередуется с *Ы* и с *У:*

ложь—прилыгать

(„И к былям небылиц без
счету прилыгал". Басня
„Лжец"—Крылова);

ров—рыть, вырывать, разрывать; задохнуться — задыхаться, задушиться.

Не беглый О чередуется только с *А:*

строить—устраивать;
творить—тварь.

Из других чередований гласных отметим следующие:

и—е: висеть—вес;
и—ои: пить—поить;
ы—ов—ав: плыть—пловец—плавать;
ю—ев: плюнуть—плевать.

4. Важнейшую особенность русского языка составляют так называемые полногласные формы.

У Пушкина в его поэме: „*Кавказский пленник*" встречается такое выражение:

Казак плывет на челноке,
влача по дну речному сети.

Поэт Плещеев в стихотворении „*Птичка*" говорит:

Заслонили солнце тучи,
Небо все *заволокли...*

Пушкин употребил слово *влачить*, а Плещеев—*волочить заволокли.*

В своем стихотворении: „*Песнь о вещем Олеге*" Пушкин выразился так:

. . . теперь отдыхай; уж не ступит нога
в твое *позлащённое* стремя.

В драме „*Борис Годунов*" Пушкина царь Борис говорит:

Бог насылал на нашу землю *глад*;
народ завыл, в мученьях погибая;
я отворил им житницы; я *злато*
рассыпал им . . .

У Кольцова:

Ветерок по ней
плывет, лоснится,
золотой волной
разбегается . . .

У Майкова:

Кроет уж лист *золотой*
влажную землю в лесу . . .

У Жуковского:

Не позабудь горячий свет
рассыпать на зеленый сад,
и *золотистый* виноград
от зноя листьями прикрыть . . .

Итак, можно сказать: *злато, златой, позлащенный* и *золото, золотой, золотистый* и т. п.

Младая кровь играет;
смиряй себя молитвой и постом—

говорит инок Пимен Григорию в „*Борисе Годунове*“ Пушкина.

В „*Евгении Онегине*“ Пушкин сказал:

Мечты, мечты! где ваша *сладость?*
Где вечная к ней рифма—*младость?*

Кольцов:

Нет у *молодца*
молодой жены,
нет у *молодца*
друга вернова . . .

Пушкин:

Рыболов ли взят волнами,
али хмельный *молодец,*
аль ограбленный ворами
недогадливый купец . . .

Следовательно, можно сказать:

младость, младой и *молодость, молодой, молодец.*

У Пушкина в „*Борисе Годунове*“ встречается такое выражение:

Бог насылал на нашу землю *глад* . . .

У Крылова:

— Я, отвечал Барбос,
хвост плетью опустя и свой повеся нос,
— живу по прежнему: терплю и *холод* и *голод* . . .

У Пушкина:

Встает заря во мгле *холодной*;
на нивах шум работ умолк;
с своей волчихою *голодной*
выходит на дорогу волк.

В поэме „*Полтава*“ Пушкин сказал:

Катятся ядра, свищут пули,
нависли *хладные* штыки . . .

Итак, можно сказать: *глад* и *голод, голодный*; *холод, холодный* и *хлад, хладный, хладнокровный, охладеть*, но *холодильник*.

Пушкин говорит:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
к нему не заростет народная тропа;
вознесся выше он *главою* непокорной
Александрийского столпа.

В другом стихотворении Пушкин сказал:

Вновь зыблется пальма тенистой *главой*;
вновь *кладезь* наполнен *прохладой* и мглой.

А. Толстой:

Курган же с высокой *главою*,
где витязь могучий зарыт,
еще не сравнялся с землею,
попрежнему гордо стоит.

Итак, рядом с словами: *глава, главный, возглавлять* и др. в русском языке стоят: *голова, головной*.

У Полонского есть такой стих:

Зари догорающей *пламя*
рассыпало по небу искры . . .

То же слово *пламя* Кольцов употребил в форме — *полымя*:

Красным *полымем*
заря вспыхнула . . .

Во всех приведенных словах, как мы видим, формам с—*ЛА* — между согласными соответствуют формы с—*ОЛО*—; первые называются *неполногласными*, а вторые—*полногласными*. Только полногласные формы слов настоящие русские формы, которыми русский язык издревле отличался и отличается от других славянских языков; формы же неполногласные вошли в русский язык из церковно-славянского или древне-болгарского языка, на котором у нас были в употре-

блении первые богослужебные книги; следовательно, из языка церкви такие болгарские слова, как: *глава, глас, хлад, млад* вошли потом и в русский разговорный язык и сделались его достоянием; мы к этим словам давно привыкли и пользуемся ими в известных случаях наравне с исконно-русскими: *голова, голос, холод, молод.*

К числу полногласных форм, кроме слов с слогом—**ОЛО**—, которому в неполногласных формах соответствует слог—**ЛА**—, принадлежат формы с—**оро**—и—**ере**—, которым в неполногласных формах соответствуют слоги:—*ра*—и—*ре*—, а также другая группа форм с—*оло*—, которому в неполногласных формах соответствует слог—*ле*—.

У Пушкина есть такой стих:

Бразды пушистые взрывая,
летит кибитка удалая . . . .

Это же слово у Некрасова употреблено в форме—*борозды:*

Руки, что вывели *борозды* эти,
высохли в щепку, повисли, как плети.

У Пушкина:

Победой прославлено имя твое,
твой щит на *вратах Цареграда.*

У Кольцова:

Ворота тесовы
растворилися . . .

Древне-славянской форме *град, Царьград*—соответствует русская полногласная форма—*город.*

Город воли дикой,
город буйных сил,
Новгород Великой
тихо опочил.

Губер.

Город чудный, *город* древний,
ты вместил в свои концы
И посады, и деревни,
И палаты и дворцы.
Опоясан лентой пашен,
весь пестреешь ты в садах;
сколько *храмов*, сколько башен
на семи твоих холмах!

Глинка.

Неполногласной форме — *храмы* соответствует русская полногласная форма *хоромы*.

Не думай, что везде, по нашему, *хоромы*;
Что там за домы!
В один двоим за нужду влезть,
и то ни стать, ни сесть.

Крылов.

У Пушкина есть такой стих в его романе „Евгений Онегин“:

. . . . Я, бывало,—говорит няня Татьяне:
хранила в памяти не мало
старинных былей, небылиц
про злых духов и про девиц. . .

В ст. *„Песнь о вещем Олеге“* Пушкин сказал:

Под грозной бронёй ты не ведаешь ран;
незримый *хранитель* могущему дан . . .

Неполногласной форме *хранить, хранитель, охрана, сохранность*—соответствует русская полногласная — *хоронить*, как поется, например, в известной народной песне:

Уж я золото *хороню, хороню*,
чисто серебро *хороню, хороню* . .

А. Толстой:

Когда же его *схоронили*,
и шум на могиле затих,
певцы ему славу сулили
на гуслях гремя *золотых*.

У Лермонтова встречается такой стих:

В шапке *золота* литого
старый русский великан
поджидал к себе другого
из далеких чуждых *стран*.

Неполногласной форме *страна*—соответствует полногласная—*сторона*:

В поле бес нас водит, видно,
да кружит по *сторонам*.

Пушкин.

У Пушкина в одном и том же стихотворении „*Черкесская песня*“ встречаются почти рядом два слова: *брег* и *берег*:

На *бервгу* заветных вод
цветут богатые станицы . . .
Так пели девы. Сев на *бреге*,
мечтает русский о побеге . . .

В другом стихотворении у Пушкина говорится:

Мелькает, вьется первый снег,
звездами падая на *брег*.

В басне „*Ворона и Лисица*“ Крылов сказал:

Лисица видит сыр, лисицу сыр *пленил*.

Какая русская полногласная форма будет соответствовать неполногласной форме—*пленил?*

И под пеплом ты лежала *полоненною*,
И из пепла ты восстала неизменною! — сказал о Москве поэт Глинка.

Задача: из прилагаемых ниже стихотворений и отрывков выписать формы полногласные и неполногласные.

Млечный путь.

Месяца не видно. Светит млечный путь.
Голову сердито свесивши на грудь,
спит ямщик усталый. Кони чуть идут.
Звезды меж собою разговор ведут.
Звезды золотые блещут без конца...

К. Бальмонт.

Зимний день.

По подворью злится
и трещит мороз,
иней серебрится
на ветвях берез.
Край небес алеет
утренней зарей,
Божий храм белеет
на горе крутой.
В улице немая
Тишина кругом,
только галок стая
вьется над селом.

С. Дрожжин.

Раздумье селянина.

Сяду я за стол
да подумаю,
как на свете жить
одинокому.
Нет у молодца
молодой жены,
нет у молодца
друга верного,
золотой казны,
угла теплого,
бороны-сохи,
коня пахаря...

Вместе с бедностью
дал мне батюшка
лишь один талан—
силу крепкую;
да и ту, как раз,
нужда горькая
по чужим людям
всю истратила.
Сяду я за стол
да подумаю,
как на свете жить
одинокому.

А. Кольцов.

Наводнение в Петрограде.

Над омраченным Петроградом
дышал ноябрь осенним хладом;
плеская шумною волной
в края своей ограды стройной,
Нева металась, как больной
в своей постели беспокойной.
Уж было поздно и темно;
сердито бился дождь в окно,
и ветер дул, печально воя.
И вот,
редеет мгла ненастной ночи,
и бледный день уж настает...
Ужасный день!

Нева всю ночь
рвалася к морю против бури,
не одолев их буйной дури...
И спорить стало ей невмочь...
Поутру над ее брегами
теснился кучами народ,
любуясь брызгами, горами
и пеной разъяренных вод.
Но силой ветра от залива
перегражденная Нева
обратно шла гневна, бурлива,
и затопляла острова;
погода пуще свирепела;
Нева вздувалась и ревела,
котлом клокоча и клубясь—
и вдруг, как зверь остервенясь,
на город кинулась. Пред нею
все побежало, все вокруг
вдруг опустело. Воды вдруг
втекли в подземные подвалы;
к решеткам хлынули каналы—
и всплыл Петрополь, как Тритон,
по пояс в воду погружен.
Осада! Приступ! Злые волны,
как воры, лезут в окна; челны
с разбега стеклы бьют кормой;
садки под мокрой пеленой,
обломки хижин, бревна, кровли,
товар запасливой торговли,
пожитки бедной нищеты,
грозой снесенные мосты,
гроба с размытого кладбища
плывут по улицам!
Народ
зрит Божий гнев и казни ждет.
Увы! все гибнет: кров и пища.—
Где будет взять?..

А. Пушкин.

Отрок.

Невод рыбак расстилал по брегу студеного моря;
Мальчик отцу помогал. Отрок, оставь рыбака!
Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы...

А. Пушкин.

* * *

По горам, горам,
по высокиим,
по раздольицам,
по широкиим,
тут огни горят
негасимые,
злые татарове
тут полон делят.
Доставалася
теща зятю в плен;
он отвез ее
к молодой жене.
„Ах, и вот тебе,
молода жена,
полоняночка
с Руси русская!
Ты заставь ее
три дела делать:
что и первое—
то дитя качать,
а другое-то—
тонкий кужель прясть.
Что и третие—
то цыплят пасти".
— „Ты баю, баю,
мое дитятко!
Ты по батюшке
злой татарченок,
ты по матушке
мил внученочек:
ведь твоя то мать
мне родная дочь;
семи лет она
во полон взята,
на правой руке
нет мизинчика.
Ты баю, баю,
мое дитятко!"—
как услышала
тут татарочка,
она кинулась,
она бросилась
на белы руки
к своей матушке:

„Ах родимая
моя матушка!
Выбирай себе
коня лучшего:
мы бежим с тобой
на святую Русь,
на святую Русь,
нашу родину!“—

Народная песня.

По последнему денечку
я сидела молодешенька,
я во светлой своей светлице...
Уж я шила волю [1]) золотом,
обшивала чистым серебром...
Из-за озера Онежского
летят птицы заморские...
Соловей сел под окошечком,
орел стал выговаривать:
— Ты не трать-ка чиста серебра
и не порти красна золота.
По сегоднешнему денечку
быть саду да полоненому,
всему роду покореному
волюшке быть во неволюшке...

Народная песня.

[1]) Косу.

Вольга и Микула

(былина).

Жил Святослав девяносто лет,
жил Святослав да переставился.
Оставалось от него чадо милое,
Молодой Вольга Святославович.
Стал Вольга ростеть матереть,
похотелося Вольги да много мудростей:
щукой рыбою ходить Вольги во синиих морях,
птицей соколом летать Вольги под оболоки,
волком и рыскать во чистых полях.
Уходили-то все рыбушки во глубоки моря,
улетали все птички за оболоки,
убегали все звери за тёмны леса.
Стал Вольга он ростеть матереть

и сберал соби дружинушку хоробрую,
тридцать молодцев без единого,
сам еще Вольга во тридцятыих.
Был у него родной дядюшка,
славный князь Владымир стольно-киевской;
жаловал его трёма городами всё крестьянамы:
первым городом Гурчовцем,
другим городом Ореховцем,
третьим городом Крестьяновцем.
Молодой Вольга Святославгович
он поехал к городам и за получкою
со своёй дружинушкой хороброю.
Выехал Вольга во чисто поле,
он услышал во чистом поли ратоя;
а орёт в поли ратой, понукиваёт,
а у ратоя-то сошка поскрипываёт;
да по камешкам омешики прочиркивают.
Ехал Вольга он до ратоя,
день с утра ехал до вечера,
да не мог ратоя в поле наехати.
А орёт-то в поли ратой, понукиваёт,
а у ратоя сошка поскрипываёт,
да по камешкам омешики прочиркивают.
Ехал Вольга еще другой день,
другой день с утра до пабедья,
со своей со дружинушкой хороброю.
Ен наехал во чистом поли ратоя,
а орёт в поли ратой, понукиваёт,
с края в край бороздки помётываёт,
в край он уедет—другого не видать.
То коренья каменья вывёртываёт,
да великие он каменья вси в борозду валит.
У ратоя кобылка соловенька,
да у ратоя сошка кленовая,
гужики у ратоя шелковыя...

В наших народных говорах встречаются, между прочим, следующие полногласные формы:

бередить—тревожить рану, причинять боль больному месту;
беремя—тяжесть, ноша; *оберемок*—охапка;
блонь, болонь, болона, болоно—оболочка, наволока;
бологo—хорошо, ладно, кстати; а также:
болозя, балазё;
борошно—ржаная мука;
вередить—вредить, портить;
вередный или *вередной*—вредный;
вередовать—чудить, причудничать;

вереда—вред;
вереd—чирей;
верех—верх;
волость—власть, правительственная сила; область;
ворог—враг;
жеребей кусочек, отрезок (жребий);
жерело—жерло; горло; пасть;
зорок—взор, взгляд, зрак, зрачок;
мережка — петелька; клеточка в вязаньи, строчка в шитье, вышивка;
морок—мрак; туман; облака; мгла;
норов—нрав; обычай; привычка; характер;
порожний и *порозный*—пустой; праздный;
порох или *порохно*—пыль, прах;
середа—среда; *середний, середной;*
сором—стыд, срам и др.

5. Звонкие согласные звуки в конце слова переходят в глухие.

Лисица позвала журавля на обед и подала похлёбку на тарелке. Журавль ничего не мог взять своим длинным носом, и лисица сама всё поела. На другой день журавль к себе позвал лисицу и подал обед в кувшине с узким горлом. Лисица не могла продеть морду в кувшин, а журавль всунул свою долгую шею и всё выпил один.

У одной женщины мыши поели в погребе сало. Она заперла в погреб кошку, чтоб кошка ловила мышей. А кошка поела и сало, и молоко, и мясо.

Пришёл раз ёж к ужу и сказал: „пусти меня, уж, в своё гнездо на время". Уж пустил. Только как залез ёж в гнездо, не стало житья ужатам у ежа. Уж сказал ему: „я пустил тебя только на время, а теперь уходи,— ужата мои всё колются о твои иглы, и им больно". Еж сказал: „тот уходи, кому больно, а мне и тут хорошо" —

Л. Толстой.

Лисица позвала журавля на обед—... в слове *обед* мы произносим на конце не *д*, а *т*: мы говорим *обет*, но пишем *обед*, т. е. вместо конечного звонкого согласного *д* произносим соответственный ему глухой звук *т*.

Она заперла в погреб кошку, чтобы кошка ловила мышей...—в словах: *погреб* и *чтоб* мы произносим на конце не *б*, а *п*: мы говорим: *погреп*, *штоп*, т. е. вместо конечного звонкого согласного *б* произносим глухой *п*.

Пришёл раз ёж к ужу...—в слове *раз* вместо звонкого конечного *з* мы произносим соответствующий ему глухой звук *с*, т. е. говорим *рас;* в слове же *ёж* вм. конечного звонкого *ж* мы произносим соответствующий ему глухой звук *ш*; то же и в слове *уж*; но в словах к *ежу, ужата,* т. е. в середине слова мы произносим *ж*.

Задача: составить по нескольку фраз так, чтобы в каждую из них входило по одному слову с звонким конечным согласным звуком в двух формах: с звонким и соответствующим ему глухим звуком, например: в нашем саду растет крепкий дуб; у дуба стоит скамейка,—и т. п. К составленной фразе нарисовать картинку.

Итак, мы произносим: *обет—обедать, погреп—погребок, ёш—у ежа, уш — ужата,* но на письме мы везде должны писать букву, обозначающую именно звонкий согласный, утративший в конце слова в произношении свою звонкость, т. е. мы должны писать: *обед, погреб, ёж, уж* и т. п. Чтобы не сделать на письме в подобных случаях ошибки, при решении вопроса, какую из двух букв надо написать в конце данного слова—*б* или *п, в,* или *ф, г* или *к, д* или *т; ж* или *ш, з* или *с,* т. е. написать ли *обет* (обещание) или *обед* (еда), *рок* (судьба) или *рог, плет* или *плед, ноже* или *нош, вяз* или *вяс, зыпь* или *зыбь, медь* или *меть* и т. д., следует слово с сомнительным конечным согласным звуком изменить так, чтобы этот согласный оказался не в конце, а в середине слова, и чтобы за ним следовал гласный; напр.: как написать слово—*сат?* с *д* или с *т?* слова: *сады, садик, садовой* покажут нам, что надо написать *сад,* а не *сат* и т. д.

6. В тех же приведенных выше рассказцах мы имеем, между прочим, такие слова:

лисица . . . подала *похлёбку;*
лисица сама *всё* поела;
журавль . . . подал обед *в кувшине с узким* горлом;
мыши поели *в погребе* сало;
она заперла *в погреб* кошку;
пусти меня, уж, *в своё* гнездо;

слова: *похлёбку, всё, в кувшине, с узким, в погребе, в своё*— мы произносим не так, как они написаны, а иначе; мы говорим: *похлёпку* вм. *похлёбку; фсё* вм. *всё; ф кувшине, с уским* вм. *с узким; ф погрибе* вм. *в погребе; ф своё* вм. *в своё* и т. п., т. е. звонкий согласный звук *б* перед глухим *к* заме-

няем глухим звуком *п*; звонкий звук *в* перед глухими звуками: *с*, *к*, *п*—мы заменяем глухим звуком *ф*; звонкий звук *з* перед глухим *к* мы заменяем глухим *с*, т. е.
звонкие звуки перед глухими в произношении переходят в глухие и наоборот—глухие перед звонкими переходят в звонкие.

Не ветер бушует над бором,
не *с гор* побежали ручьи,—
Мороз—воевода дозором
обходит владенья свои.

Некрасов.

Хоть убей, следа не видно;
сбились мы. Что делать нам?..

Пушкин.

Поздняя осень. Грачи улетели,
лес обнажился, поля опустели.
Только не *сжата* полоска одна,—
грустную думу наводит она.

Некрасов.

Рожь стоит по бокам,
отдаёт поклоны . . .
Эх, присвистни, бобыль!
Слушай, лес зеленый!

Никитин.

Из-за туч луна катится—
Что же? Голый перед ним:
с бороды вода струится,
взор открыт и недвижим . . .

Пушкин.

Мы верим: Вселенную *сдвинем!*
Уж мчится сквозь бурю и гром
в распахнутой настежь ряднине
Микула на шаре земном.
Микула—широкой дорогой
с дубиной на красный пожар,
чтоб вышибить вон *из-под* бога
земли загоревшийся шар!...

Петр Орешин.

В приведенных отрывках слова: *сдвинем, с гор, сбились мы, сдвигая, сжата, отдаёт, с бороды* мы произносим так: *здвинем, з гор, збились, здвигая, жжата, з борозды,* т. е. глухой звук *с* перед следующими звонкими *б, г, д,* переходит в соответствующий ему звонкий *з,* а перед звонким *ж* в *ж*; в слове *отдала* в произношении глухой звук *т* перед звонким *д* переходит в звонкий *д: оддала.* На письме, однако, ни переход глухих перед звонкими в звонкие, ни переход звонких перед глухими в глухие не обозначаются; язык произносимый и язык писаный в данном случае не совпадают; пишем мы не так, как произносим, а так, как слово составлено, не изменяя на письме звуков составных частей слова в угоду произношению их; так, мы пишем: *сбежать* (съ+бежать), *сделать* (съ+делать, сделать), *сжимать* (съ+жимать), *отдавать* (отъ+давать), *отзывъ* (отъ+зыв), *надпись* (надъ+пись), и т. п., а читаем: збежать, зделать, жжимать, аддавать, отзыв, натпись. Этот переход в произносимом языке звонких согласных перед глухими в глухие и глухих перед звонкими в звонкие называется *уподоблением* (или ассимиляцией) согласных. В силу этого звукового закона *предыдущий согласный в русском языке всегда уподобляется последующему,* но на письме это уподобление мы отмечаем только в предлогах—частицах:

из—, низ—, воз—, вз—, раз, роз—, без—, чрез—, через—,

так что, если следующая составная часть слова, в которое эти частицы входят, начинается с глухого звука, *з* в этих частицах заменяется звуком *с* и в произношении и на письме:

искусство, испытание, исподтишка, исподлобья, иссохнуть, исстрадаться, источник, исхудать, исчезнуть; исчадие; исцелять;

ниспровергнуть; воскресение, восприятие, воссоздавать, восток, восхождение; восшествие;

раскричаться, роспись, расписание, рассыхаться, расточать, расхвалить, расфранчённый, росчерк;

бесконечный, беспечный, бессердечный, бесстрашный, бестолковый, бесхитростный, бесчестный; бесхарактерный; чересполосный, чересчур и др.

7. Чередование согласных.

То же самое, что мы уже знаем о гласных звуках, а именно, что в словах сходного значения на определенном месте в них всегда выступает определенный ряд гласных:

брать—беру—собираю—собор, так что можно говорить, например, что беглое *е* чередуется с *и, о, а*, а беглое *о*, с *ы* и *у (задохнуться, задыхаться, задушиться)*,— то же самое наблюдается и в согласных звуках.

Так, например, для слова *друг* словами сходного значения будут:

друзья, дружеский;

в этих словах чередуются *г—з—ж;* и этот ряд согласных, трёх или двух из них, неизменно будет выступать во всех случаях в словах сходного значения:

утюг — утюжить
берегу — бережёшь
стерегу — сторож
враг — вражеский
овраг — овражок
пирог — пирожок
княгиня — княжна — князь
бог — божница
долг — должник
благо — блаженный — соблазнять
— мазать — мажу
— сказать — скажу

Согласный звук *к* чередуется с *ц* и *ч:*

лик — лицо — личность
влеку — — волочу
теку — — течёшь, истеченный
— купец — купеческий
— отец — отечество.

Согласный звук *х* чередуется с *с* и *ш:*

пахать — пашу
дух — душа
дохнуть — дышать
слух — слушать
верх — вершина
страх — страшный
писать — пишу.

Согласный звук *д* чередуется с *ж* и *жд:*

водить—вожу—навождение; рядить—ряжу;
родить—рожу—рождение — Рождество или по народному говору—*Рожество;*
пряду—пряжа
пред, перед, перёд, впереди—прежде—а народ говорит и *прежь.*

Согласный звук *т* чередуется с *ч* и *щ:*

молотить—молочу
платить—плачу
светить—свечу—освещение
вертеть—верчу—вращение.

Звукосочетания *ск* и *ст* чередуются с *щ:*

искать—ищу
треск—трещать
пискнуть—пищать;
льстить—льщу
пустить—пущу
мстить—мщу, мщение.

Согласные: *б, п, в, м, ф*—чередуются с звукосочетаниями: *бл, пл, вл, мл, фл:*

любить — люблю
купить — куплю, купля
ловить — ловлю
ломить — ломлю
потрафить — потрафлять (народное)—попасть, угадать.

§ 25.

Вообще, относительно **литературного произношения** согласных звуков следует помнить:

1) звук *г* в русском литературном языке звонкий взрывной согласный: *нога, голова;* в конце же слова он становится глухим взрывным; так, вместо *ног* мы говорим нок, вм. *порог*—порок, вм. *рог—роги* или *рога* мы говорим рок—роги или рога и т. п.; в южновеликорусских говорах, в малорус. и в белорус. наречиях вм. звонкого взрывного *г* литературного языка произносят глухой фрикативный (длительный) звук *г.* Этот же южнорусский фрикативный *г* в литературном языке произносится в словах: *бога, богатый, где, нигде; благо, Господь, убогий, богатырь, когда, никогда, всегда,* слово же *бог* надо произносить — *бох.* Окончания же слов *ого—его* надо всегда произносить — *аво* или *ава, ева;* например, слова: доброго, высокого, синего — следует

произносить: добраво, высокаво, синева; тоже и слово *его* произносить—ево;

2) рядом стоящие звуки *сш* в *зш* произносятся как один протяжный твердый звук *ш; дети с шумом вбежали в комнату*—надо произносить: дети шшумам вбежали ф комнату; слово *расшибу* надо произносить—рашшибу; фразу *из шубы сшили куртку с тироким воротом*—надо произнести так: ишшубы шшили куртку шшироким воратом;

3) рядом стоящие звуки *сж* и *зж*, как это мы имеем, напр., в словах: *сжарить, с жаром, с жизнью* или в словах: *из жизни, из жидкости, изжарить*—следует произносить как протяжный звук *ж*: жжарить, жжарам, жжызнью, ижжызни, ижжыдкости, ижжарить и т. п.;

4) рядом стоящие согласные *сч, зч, сщ, зщ*, надо произносить как *шч*; слова: *счастье, несчастье, считать, счёт, расчёт, расчищать, бесчувствие, с щукою, из щели, без щенка, расщепить* и т. п. надо произносить: шчастье, рашчот, рашчищать, бешчуствие, шчукою, ишчели, бешченка, рашчепить и т. п. Так как в данном случае писаный язык очень расходится с языком произносимым, то, чтобы не сделать на письме ошибки в постановке той или другой буквы, надо помнить, что слова на письме сохраняют свой первоначальный состав; так, например, у нас есть слово *воз*—*з* на конце, и это написание *воз* мы должны сохранять во всех сходных словах; поэтому надо писать: возить, перевозка, извозчик, перевозчик и т. д., как бы эти слова ни произносились;
мы знаем, напр., слово *писать*, в котором есть основная часть *пис*; эта часть входит на письме в неизменном своем виде во все другие сходные слова: списывать, переписывать, переписчик, подписчик и т. д.;
так же точно следует писать: носить—разносчик; доносчик;

5) окончание — *шься* в таких словах, как, напр., *ты смеёшься, дерешься, сердишься, умываешься* и т. п. мы произносим обыкновенно, как — *шса* или—*сса:* ты смеешса, ты сердисса и т. п.;

6) окончание — *ся* или—*сь* в подобных же словах мы произносим твердо: он умылса, причесалса и чаю напилса; я удивилса, удивляюс; учус; дерус, но пишем всегда—*ся,—сь:*

он умылся, причесался и чаю напился; я удивился, удивляюсь, учусь, дерусь—и т. д.;

7) окончание—*тся*, которое мы пишем в подобных же словах: *он умывается, причёсывается, удивляется, учится, дерётся* и т. д.—мы произносим как—*тца* или просто как—*ца* с протяжным звуком *ц:* он умываетца (умываеца) причесываетца (причесываеца), удивляеца, учица и т. п.;

8) слова: *кто, что, чтоб, чтобы, конечно, скучно* на произносить: хто, што, штоп, штобы, канешна, скушна;

9) в звукосочетаниях—*стн, стл, стк (здк)*, сохраняем всегда на письме в таком именно виде, в произношении м опускаем звук *т* и вместо:

постный день, *постлать* постель, *извёстка, поездка* т. п. мы говорим:

посный день, послать постель, исвёска, паеска;

кроме того, в звукосочетании *здн*, которое тоже на пись сохраняет все буквы, в произношении мы обыкновенно оп скаем звук *д* и вместо:

праздник, поздно, бездна мы говорим:

празник, позна, безна и т. п.

В словах же—*русский, прусский, французский* в звук сочетаниях—*сск*—, —*зск*—мы в произношении обыкновен опускаем одно *с* и *з* и говорим: руский, пруский, франц ский; в словах же—*искусство, расстройство, рассказ* и т. мы в произношении обыкновенно тоже опускаем одно *с* *з* и говорим: искуство, растройство, расказ.

Народные пословицы:

1) *Счастье без ума—дырявая сума.*
2) *Близко локоть, да не укусишь.*
3) *Ум есть сладко съесть, да язык короток.*
4) *Нет такого дружка, как родная матутка.*
5) *На словах, что на гуслях, а на деле, что балалайке.*
6) *Что есть в печи, все на стол мечи.*
7) *Ласковое слово, что весенний дождь.*

Несжатая полоса.

Поздняя осень. Грачи улетели,
лес обнажился, поля опустели;
только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.
Кажется, шепчут колосья друг другу:
„Скучно нам слушать осеннюю вьюгу,
скучно склоняться до самой земли,
тучные зёрна купая в пыли!
Нас, что ни ночь, разоряют станицы
всякой пролётной прожорливой птицы,
заяц нас топчет и буря нас бьёт...
Где же наш пахарь? чего ещё ждёт?

Или мы хуже других уродились?
Или не дружно цвели, колосились?
Нет, мы не хуже других—и давно
в нас налилось и созрело зерно.
Не для того же пахал он и сеял,
чтобы нас ветер осенний развеял?..
Ветер несет им печальный ответ:
„Вашему пахарю моченьки нет.
Знал, для чего и пахал он, и сеял,
да не по силам работу затеял.
Плохо бедняге—не ест и не пьёт,
червь ему сердце больное сосёт;
руки, что вывели бороздЫ эти,
высохли в щепку, повисли, как плети;
очи потускли и голос пропал,
что заунывную песню певал,
как, на соху налегая рукою,
пахарь задумчиво шёл полосою.

Некрасов.

адача: *упражняться в правильном произношении отдельных слов в этом стихотворении, списать его в тетради и выучить наизусть.*

§ 26.

Звуковые части слова.

(С л о г).

Мы знаем, что слово может состоять или из одного ука: *и* (Волк *и* Журавль), *а* (солнце спит, *а* месяц ходит); ли из ряда звуков, или звукосочетания, с которым мы всегда единяем определенное смысловое значение (добряк, вы-та, свободный, столами). Как произнесение одного отдель-ого звука, так и произнесение ряда звуков требует для себя аботы легких и органов речи. Если мы произнесем по по-ядку одно за другим три следующие слова:

день—денщик—денщика,

мы заметим, что для произнесения слова *денщика* нам онадобилось три самостоятельных напора выдыхаемого воз-уха, тогда как при произнесении слова *денщик* достаточно ыло двух таких напоров, а для произнесения слова—*день* олько одного. Звуковая часть слова, выговариваемая только дним самостоятельным напором выдыхаемого воздуха, назы-ается *слогом*. Тот звук, на котором при этом сосредоточи-

вается сила выдыхаемого воздуха, называется *слоговы* остальные *неслоговыми*. Так, напр., в слове *день* мы имее один слог с слоговым *е*; в слове *денщик* два слога с слог выми *е* и *и*; в слове *денщика* мы имеем уже три слога с *сл говыми* гласными *е, и, а*; согласные *д, н, щ, к — неслоговы* Вообще, следует иметь в виду, что в русском языке *слог выми* звуками могут быть только гласные, согласные н всегда *неслоговые*. Если гласные в русском языке всегда сл говые, то естественно, что и один гласный звук в слове м жет образовать слог, так как каждый гласный звук в ру ском языке произносится самостоятельным напором выд хаемого воздуха; поэтому в слове *мои* мы имеем две звук вых части или два слога: *мо—и* с одним неслоговым согл сным *(м)* и с двумя слоговыми гласными *(о, и)*; в слове *мой* мы имеем один только слог с двумя неслоговыми согл сными—*м* и *й* и одним слоговым гласным *о*.

Задачи: 1) Разложить на слоги следующие слова: абрикосовы авария; августский; австралия; агроном; адвокат; администр тор; адресованный; адъютант; акация; ананас; апостольски арсенал; архиепископ; балаган; бассейн; батарея; баю, баюшк баю; бессмертие; библиотекарь; благовестие; благоутроби брусья; буйствовать; въезжий; десятилетие; диакон; дьяко единодушный; естествознание; жреческий; завоевательный; з упрямиться; колья; колосья; лейтенант; лужайка; расплавитьс самоуверенный; сребролюбие; съехаться; углубление.

2) Придумать несколько односложных, двухсложны трехсложных, четырехсложных и т. д. слов, и при том та чтобы эти слова входили в отдельные фразы.

§ 27.

Этимологические части слова.

(Этимологический состав слова).

Если мы обратим внимание на ряд таких, наприме слов:

воз
два воз—а
у воз—ов
с воз—ами,

то мы заметим, что во всех этих словах одна часть слов левая (воз), остается неизменною, а вторая часть, концы эти слов—меняются. Вся первая часть слова до изменяющегос конца называется *основою* слова, а изменяющийся конец-

ончанием. Таким образом, в словах: *воз, воза, возов, во-ми*—часть *воз*—есть основа, а части:—*а,—ов,—ами* оконча-я. В словах: *извозчик—а, с извозчик—ом, извозчик—и* рвая часть слова *извозчик*—будет *основою*, а концы его—*- ом,—и окончаниями.*

Для того, чтобы определить основу слова, надо знать, кие у слов разного рода и разных групп бывают оконча-я; с окончаниями слов мы познакомимся подробнее впе-ди, когда будем говорить о частях речи, теперь же нам ка достаточно запомнить, что слово состоит из двух ос-вных частей, *основы* и *окончания.*

Продолжим наш список слов дальше:

к извозчику,	*без извозчика;*
у перевозчика,	*с перевозчиком;*
на перевозе,	*от перевоза.*

Основа первого слова—*извозчик*; основа второго слова—*ревозчик;* основа третьего слова—*перевоз.* Сравнив эти ос-вы с основою слов: *воз, два воза, у возов, с возами,* мы уви-м, что основа *извозчик,* или *перевозчик,* или *перевоз*—рас-остраненнее основы *воз,* и что основа *воз* тоже входит в и новые распространенные основы. Чем же отличается ос-ва *перевоз* от основы—*воз?* тем, что в ней к основе *воз* в чале приставлено еще одно слово—*пере*; такие приставлен-е части основы называются *представками* или *префик-ми.* Если же основу *воз* мы сопоставим с основами слов: *извозчик-а, с перевозчик-ом,* то заметим, что эти распро-раненные основы заключают в себе не только *представки*: —и *пере—,* но и еще одну часть, стоящую перед оконча-ем слова.

Сопоставляя слова: *извоз, перевоз, подвоз* с словами: *из-чик, перевозчик,* мы убеждаемся, что этою частью основы ляется слог — *чик,* тот самый слог, что и в словах: *пере-счик, разносчик,* и как показывает значение всех этих слов: *озчик, перевозчик, переписчик, разносчик,* слог, посредством торого мы образуем слова, обозначающие названия дей-ующих лиц. Та часть основы, которая находится перед ончанием слова, называется *суффиксом (—чик –).* Итак, во состоит из *основы* и *окончания; основа* слова, в свою редь, может заключать в себе *представку (префикс)* и *ффикс,* как это мы видим в основе—*извозчик* или *перевоз-к;* в словах же *возы, возов* мы имеем основу без представки без суффикса: окончание в этих словах непосредственно какого либо суффикса примыкаем к основе слова; в сло-же: *воз, конь, дочь, край* — мы имеем только основу без едставки и окончания.

Однако, в основе слова *извозчиком* есть еще одна часть находящаяся между префиксом и суффиксом, именно слог- *воз,* тот слог, который обязательно присутствует во всех сло вах сходного значения: *воз, подвоз, перевоз, возить, возиться, возница, возчик, извозчик, перевозчик, извозный* и т. д. Эт простейшая односложная часть слова *(воз),*—от которой об разуется целая группа слов сходного значения, называетс *корнем* слова. Иногда *корень* слова совпадает с *основою,* ка это мы видим, например, в словах: *воз, раб, вода, дать, быт конь, дом, край* и др.; чаще же он входит в качестве состав ной части в *основу* слова. Ввиду того, что корень предста вляет собою простейшую односложную часть слова, т. е. та кую часть слова, в которой восстановлены, на основании за конов чередования и всевозможных изменений звуков, пер воначальные звуки, определение корней слов связано с боль шими трудностями, составляет предмет высшей науки и тре бует хорошего знания истории языка.

Слова, составленные из корня-основы и окончани (возы, вода), называются *первообразными* словами; слова ж с распространенною основою (перевозчиком) называютс *произво ными.*

Представка (префикс), корень, суффикс и *окончани (флексия)*—называются *этимологическими частями слова* образуют собою *этимологический состав слова.*—

Задачи: 1) Разобрать этимологический состав слов: барабанщи башмачник; безвольный; бесконечный; безденежье; безнадеж ный; беспеременный; безумствовать; соболезнование; бедстви ввинченный; величественный; взъерошенный; вместительны предводительствовать; водоем; водружать; возвеличить; воспре пятствовать; враждовать; возмутительница; выводок; дворни чиха; дотронуться; недотрога; недействительный; завещани закладывать; затруднение; издалбливать; исподтишка; навожде ние; наводчик; подмастерье; превращение; раздушенный; ра машистый; списанный; скошенный; совещание.

2) Взять несколько любых из этих слов и придумать каждому из них по нескольку других слов сходного с ним значения.

3) Составить несколько фраз или коротеньких рассказце на любые из этих слов.

§ 28.

Сложные слова.

Такие слова, как *воз—возы, возить; хо —ходы; дом—ома, домашний, домовой; стол, столоваться; столяр; пи-ть, писарь, писец* и т. п., составленные из одной основы, ростой или распространенной безразлично, называются про-гыми словами; слова же: *паровоз, пароход, быстроход, теп-оход, домовладелец, домоводство, столоначальник, борзопи-ец* и т. п. называются сложными словами, так как они сло-ены из двух основ. Составные части сложных слов соеди-яются друг с другом посредством *соединительных гласных* и *е*. Если первая часть сложного слова оканчивается на вердую согласную, то соединительным гласным чаще всего ывает *о — домовладелец, столоначальник* и т. п.; если же ервая часть сложного слова оканчивается на мягкий со-ласный, то соединительным гласным чаще всего бывает *е— оневодство, мореплаватель, земледелец.*

Задачи: 1) Разобрать следующие сложные слова: бурелом; буревестник; быстроногий; баснословный; баснописец; благодарность; благодетель; благочестие; богадельня; броненосный; белокрылый; белошвейка; великокняжеский; велеречивый; великодушный; ветхозаветный; водоворот; военнопленный; воздухоплавание; всеведующий; вездесущий; главноуправляющий; двунадесятый; длинноголовый; Добролюбов; добросовестный; долготерпение; домосед; дровосек; душеспасительный; единоборство; земледелие; кислосладкий; лжепророк; лицезреть; миловидный; многострунный; низкорослый; разнообразный; скороход; темнокожий.

2) Придумать еще самостоятельно несколько подобных же сложных слов.

3) Взять несколько любых сложных слов из приведенных выше и придумать к каждому из них фразу или коротенький рассказ.

§ 29.

Правила о переносе слов.

При переносе слова из строки в строку следует руководствоваться следующими правилами:

1) переносимая на другую строку часть слова должна оставлять слог:

во-до-про-вод; па-ро-хо-до-вла-де-лец; пис-че-бу-мажный; го-ло-ва;

2) одна согласная или последняя в группе согла ных букв, стоящая непосредственно перед гласным, пр переносе не может быть отделяема от этой гласной до-ма, во-да, го-ра, во-зок, ба-ня, ру-ка, но-га голо-ва, вол-на, вол-чок;

3) вся группа согласных в начале слова при пере носе не может отделяться от следующей непосред ственно за этою группою согласных гласной; нельзя напр., перенести так: др-евесный; кр-естьянский; хр-аб рость и т. п., а следует переносить: дре-весный, кре стьянский, хра-брость;

4) при переносе производных и сложных слов не обходимо иметь в виду их этимологический состав так, например, нельзя перенести *водоп-ровод*, а надо пе реносить водо-провод; нельзя перенести пароходов-ла делец, а следует переносить: пароходо-владелец; нельз перенесть городс-кой, а надо: город-ской; в силу этог следует переносить: пере-пис-чиком; в силу же первог пункта: пе-ре-пис-чиком и, наконец, в силу второг пункта: пе-ре-пис-чи-ком, а не переписчик-ом, хот слог чик и составляет односложную этимологическую следовательно неделимую при переносе часть слов (суффикс).

Задачи: Как можно разложить для переноса следующие слова брезгливый; брякнуть; бубенчик; бугорчатка; бугры; буйный ввергнуться; вверху; вдавливать; вдалбливать; взборонить взваливать; взвизгивать; взгромоздиться; визгнуть; визготня включатель; безвозвратный; возраст; восхождение; всплеснуть вскрикнуть; гнездо, должностной; житье; жреческий; загрунто вать; перестраховать; зашнуровать; расскрежетаться; иззубрен ный; изразцовый; изъязвление; льдина; льнище; льнопрядильный мастерство; морщинистый; надбавочный; припрятать; рас красться; сафьян; сквозной; скрипка; искривлять; расплющивать тростник; тщетный; учреждение.

Учение о формах слов.

§ 30.

Отрывок из „Сказки о мертвой царевне и семи богатырях“—

А. С. Пушкина.

I.

Царь с царицею простился,
в путь-дорогу снарядился,
и царица у окна
села ждать его одна.
Ждет-пождет с утра до ночи,
смотрит в поле, инда очи
разболелись, глядючи
с белой зори до ночи:
не видать милого друга!
Только видит: вьется вьюга,
снег валится на поля,
вся белешенька земля.
Девять месяцев проходит,
с поля глаз она не сводит.
Вот в сочельник в самый, в ночь,
Бог дает царице дочь.
Рано утром гость желанный,
день и ночь так долгожданный,
издалеча наконец
воротился царь-отец.
На него она взглянула,
восхищенья не снесла,
и к обедне умерла.

II.

Год прошел, как сон пустой,
царь женился на другой.
Правду молвить, молодица
уж и впрямь была царица:
высока, стройна, бела,
и умом и всем взяла;
но зато горда, ломлива,
своенравна и ревнива.
Ей в приданое дано
было зеркальце одно;
свойство зеркальце имело:
говорить оно умело.
С ним одним она была
добродушна, весела;
с ним приветливо шутила
и, красуясь, говорила:
„Свет мой, зеркальце! скажи,
да всю правду доложи:
я-ль на свете всех милее,
всех румяней и белее?“.
И ей зеркальце в ответ:
„Ты, конечно, спору нет;
ты, царица, всех милее,
всех румяней и белее“.
И царица хохотать,
и плечами пожимать,
и подмигивать глазами,
и прищелкивать перстами,
и вертеться подбочась,
гордо в зеркальце глядясь...

Каждое слово нашей речи представляет собою *часть речи.*

Присматриваясь к внешней форме слов, а с точки зрения формы слово состоит из двух главных частей: основы и окончания,—мы легко заметим, что все слова речи, с точки зрения формы, а также и значения, могут быть разложены на несколько групп или распределены на несколько разрядов. Так, напр., слова: *царь, царица, путь, окно, утро, ночь*—по значению сходны между собою, так как все они обозначают *названия* предметов. но по форме своей они не сходны: слова *царь, путь* и *ночь*—не имеют никакого окончания и представляют собою только основу, оканчивающуюся на мягкий согласный звук: слова *царица* имеет и основу и окончание—*а;* слова—*окно, утро*—имеют и основу и окончание *о*. Если эти слова мы сопоставим со словами: *белый, белёшенький, милый; высока, стройна, бела, горда, ломлива, своенравна и ревнива* и т. д.,—то мы увидим, что слова: *царь, путь, окно, ночь, царица* не сходны со словами: *белый, белёшенький, милый* и пр. и по значению и по форме, но зато слова—*белый, белёшенький, милый; высока, стройна* и т. д. сходны друг с другом по значению, так как все они обозначают название какого либо признака, который принадлежит данному предмету, или который находится в предмете; но вместе с тем эти же сходные по значению слова не совсем сходны между собою по форме; напр., в словах: *белый, белёшенький, милый*—окончанием служит слог—*ый*, а в словах—*высока, стройна* и т. д.—окончанием служит—*а*.

Если эти две группы слов мы затем сопоставим с такими словами, как: *простился, снарядился, ждёт-пождёт, смотрит, разболелись, видит, вьётся, валится, проходит, сводит* и т. п.,—то мы заметим между первыми двумя группами слов и этою новою группою большую разницу, как по значению так и по форме, а именно: первая группа слов обозначала названия предметов, вторая—названия признаков, находящихся в предмете, новая же группа слов, хотя и показывает название признаков предмета, но признаков, не находящихся в самом предмете, не принадлежащих предмету, а как бы создаваемых деятельностью самого предмета; так, напр., что значит—*разболелся?* это значит — сделался *больным;* что значит *покраснел?* Это значит—сделался *красным;* что значит—*похорошеть?* это значит—сделаться *хорошим* и т. д. Когда мы говорим: *он гуляет,* этим словом мы тоже называем признак, производимый известным действием предмета, признак, отличающий предмет в данное время от другого, не гуляющего в данное время предмета, или же от того же гуляющего теперь предмета, когда он не гулял, т. е. когда он еще не создавал своим действием признака гуляния. Таким образом, по значению вся эта последняя группа слов отличается от двух предыдущих; отличается она от них не только по значению, но и по форме, но образующие эту

группу слова по форме сходны между собою: *простился, снарядился, разболелись—разболелся*; *ждёт-пождет, смотрит, проходит, сводит* и т. д.

Итак, все слова нашей речи, как части речи, по форме и по значению могут быть распределены на следующие разряды, которые собственно и называются частями речи:

1) имя существительное, 2) имя прилагательное, 3) глагол, 4) неопределённая форма глагола, 5) причастие, 6) наречие, 7) деепричастие, 8) предлог—и 9)—союз.

§ 31.

Имя существительное.

Для того, чтобы ответить на вопрос, какие слова в речи называются *именами существительными*, следует прежде всего выяснить, какими *формальными* признаками, т. е. какими особенностями своей формы группа слов, обозначающая названия предметов, отличается от других слов.

Выпишем из приведенного выше отрывка из „Сказки о мертвой царевне“ все слова, обозначающие названия предметов, расположив их в известном порядке:

1.	2.	5.
друг	царь	ночь
снег	путь	дочь
месяц	гость	6.
глаз	день	окно
сочельник	3.	утро
бог	царица	око
отец	дорога	свойство
год	вьюга	плечо
сон	правда	7.
свет	4.	поле
ответ	заря	приданое
спор	земля	зеркальце
перст	обедня	

Все слова первого и второго столбцов обозначают названия предметов *мужеского рода;* слова третьего, четвертого и пятого столбцов—*женского рода;* и слова шестого и седьмого столбцов—*среднего рода.*

Слова, обозначающие названия предметов мужеского рода, помещенные нами в первом и во втором сталбцах, отличаются от слов женскаго и среднего рода тем, что у них нет никакого окончания: они представляют собою только основу, в чем мы убедимся, если как либо изменим форму этих слов и скажем, напр., — так: *у друга, к другу, у царя, к царю* и т. п.; в этих последних формах мы имеем уже налицо обе

главные составные части слова—и основу и окончание; в формах же: *друг, царь* нет никакого окончания, а есть только одна основа. Между собою эти два слова отличаются тем, что основа первого оканчивается на твердый согласный звук—*г*, а основа второго—на смягченный согласный—*рь*.

Слова, обозначающие названия предметов женского рода и помещенные в третьем и четвертом столбцах, оканчиваются на *а, я*; слова же женского рода, помещенные в пятом столбце—*ночь* и *дочь*, тоже не имеют никакого окончания и представляют собою слова—основы с мягким конечным—*ч*.

Слова, обозначающие названия предметов среднего рода (шестой и седьмой столбцы), оканчиваются на *о* и *е*.

Однако, наш список не исчерпывает всех групп имен существительных; кое-чего в нем недостает, и в этом мы сейчас же убедимся.

Дети в школу собирайтесь!
Петушок пропел давно;
попроворней одевайтесь,
смотрит солнышко в окно...

Однажды муравей увидал на дороге зерно и хотел унести его в муравьиную кучу. Но зерно было тяжело, и муравей не мог поднять его. Тогда он побежал и привел с собою товарищей. Чего не мог сделать один, то легко сделали четверо. Они перенесли зерно в муравьиную кучу.—

Привет тебе, мой край родной,
с твоими тёмными лесами,
с великой Волгою рекой
и неоглядными полями!
Привет на ниве трудовой
тебе, народ страны родимой,
герой труда неутомимый!
Привет тебе, мой край родной!

С. Дрожжин.

4. Весна.

Гонимы вешними лучами,
с окрестных гор уже снега
сбежали мутными ручьями
на потоплённые луга;
улыбкой ясною природа
сквозь сон встречает утро года.
Синея, блещут небеса;
ещё прозрачные, леса

как будто пухом зеленеют;
пчела за данью полевой
летит из кельи восковой;
долины сохнут и пестреют;
стада шумят, и соловей
уж пел в безмолвии ночей.

А. Пушкин.

5. Светлый май.

Дождались мы светлого мая:
цветы и деревья цветут,
и по небу синему, тая,
румяные тучки плывут.

Л. Мей.

6. Своя мельница.

На дворе становилось теплее и теплее. Потекли ручейки. Все дети выбежали на улицу. Копошатся у воды: кто с лопаткой, кто с палкой. Одни пропускают ручьи, другие делают запруды, третьи строят мосты. Кто на что горазд. Серёжа стал строить мельницу. Взял палочку, приделал к ней лучинки—крылья и положил поперек ручейка. Вода в ручье течёт, задевает крылья и вертит. Настоящее колесо на мельнице! Дети кругом прыгают. Прицепил Серёжа к колесу ниточку, а к ниточке привязал щепку и пустил. Колесо вертится, ниточка наматывается, щепка, что лодка, тихо подымается вверх по ручью. Молодец Серёжа! Дети дивятся, а Серёжа говорит: „Вырасту большой, построю настоящую мельницу, а сам буду мельник"...

7. Горькая доля.

Соловьём залетным
юность пролетела,
волной в непогоду
радость прошумела.

Пора золотая
была, да сокрылась;
сила молодая
с телом износилась.

От кручины-думы
в сердце кровь застыла;
что любил, как душу—
и то изменило.

Как былинку, ветер
молодца шатает;
зима лицо знобит,
солнце—сожигает.

До поры, до *время*
всем я весь изжился
и кафтан мой синий
с плеч долой свалился!..

А. Кольцов.

8. Урожай.

Красным *полымем*
заря вспыхнула;
по лицу земли
туман стелется.

Разгорелся день
огнем солнечным,
подобрал туман
выше *темя* гор,

нагустил его
в тучу черную.
Туча черная
понахмурилась,

понахмурилась,
что задумалась,
словно вспомнила
свою родину . . .

Понесут её
ветры буйные
во все стороны
света белого . . .

Ополчается
громом, бурею,
огнём, молнией,
дугой—радугой;

ополчилася
и расширилась,
и ударила,
и пролилася

слезой крупною—
проливным дождём
на земную грудь,
на широкую . . .

А. Кольцов.

Задача: из приведенных отрывков выбрать слова, обозначающие название предметов, расположив их по группам в том виде, как это сделано выше, и отметить те из слов, которые по своей форме не подходят ни к одной из указанных выше групп.

В первом из приведенных выше отрывков мы встретили, между прочим, слово *дети*; формою единственного числа для этого слово будет—*дитя*.

Во втором отрывке мы встретили, между прочим, слово—*муравей*. Это слово есть название предмета, оно мужеского рода и по форме представляет собою, как и слова *друг* и *царь*, слово—основу, т. е. тоже не имеет никакого окончания, в чем мы убеждаемся, сравнив форму слова *муравей* с другими формами того же слова, напр., с формами: к *муравью;* с *муравьем* и т. д., которые представляют собою не что иное как: муравей—у, муравей—ом.

В третьем отрывке мы встретили, между прочим, слова—*край* и *герой*. Оба эти слова по значению представляют собою тоже названия предметов муж. рода, а по форме они, как и слова *друг*, *царь*, *муравей*—слова основы; в этом мы убедимся, если формы *край* и *герой* сопоставим с формами *края—героя, краю—герою* и т. д., т. е. с формами: *край-а, герой-а, край-у, герой-у*.

К этой же группе имен существительных муж. р. мы отнесем также и слова: *ручей* (4-ый и 6-ый отрывки), *соловей* (4-ый и 7-ой отр.), *май* (5-ый отр.).

В шестом отрывке встретилось, между прочим, слово—*время*. Это слово обозначает название предмета; оно среднего рода; сходны с ним по форме слова — *полымя,* или *пламя* и *темя* (8-ой отр.).

Таким образом, все слова современного русского языка (литературного), обозначающие названия предметов, по *форме* представляют собою или слова-основы *(друг, царь ночь, край, соловей)* или основу с окончанием — *а*, — *я*, — *о*, — *е*; кроме того, к этой же группе слов относятся и такие слова, как: *дитя, время, пламя, темя* и им подобные. Обозначая собою названия предметов разных родов, формы имен суще-

ствительных тоже различаются по родам—мужеский, женский и средний. Формы имен муж. рода обыкновенно представляют собою только одну основу без какого либо окончания — *друг, царь, край, соловей*, при чем основа может оканчиваться на твердый или на мягкий согласный (в том числе и на—*й*); формы имен женск. рода или представляют собою одну основу с мягким конечным согласным *(ночь, кость)* или же имеют окончания—*а*,—*я*; формы имен среднего р. или представляют собою основы (*время = времен*) или же имеют окончания—*о*,—*е*.

Задачи: 1) придумать рассказ, в который входили бы имена существительные муж. рода, или муж. и женск. рода, или всех трех родов;

2) нарисовать картину, на которой были бы предметы, названием которых служат имена сущ. муж., ж. и ср. рода, составит описание картинки или придумать к ней рассказ.

§ 32.

1) И *царица* у окна
села ждать его одна . . .

2) Царь *с царицею* простился,
в путь-дорогу снарядился . . .

3) Вот в сочельник в самый, в ночь,
бог дает *царице* дочь . . .

---

1) Смотрит *в поле*, инда очи
разболелись, глядючи . . .

2) Только видит: вьется вьюга,
снег валится *на поля* . . .

3) Девять месяцев проходит,
с поля глаз она не сводит . . .

---

1) Ждет-пождет с утра *до ночи* . . .

2) Вот в сочельник в самый, *в ночь*,
бог дает царице дочь . . .

Мы уже знаем, что *форму* слова образуют его главные составные части: основа и окончание.

Слова: *царица*, с *царицею, царице*; в *поле*, с *поля*, на *поля*; в *ночь*, до *ночи* представляют собою различные *формы* слов: *царица, поле, ночь*. Различие форм одного и того же слова: *царица*, с *царицею, царице* и т. д. зависит от изменения его

окончаний: в одном случае это слово оканчивается на—*а*, в другом случае на—*ею*, в третьем на—*е*.

Формы: *царица*, с *царицею*, *царице* представляют собою различные **падежи** имени существительного *царица*; формы: в *поле*, с *поля*, на *поля*—представляют собою различные падежи имени существительного *поле*; формы: до *ночи*, в *ночь*—представляют собою различные падежи имени существительного *ночь*. **Изменение слова по падежам называется склонением.**

В русском языке имеется *шесть* падежей, но названий для них *семь*: *именительный* (кто? что?), *родительный* (кого? чего?), *дательный* (кому? чему?), *винительный* (кого? что?), *звательный*, *творительный* (кем? чем?) и *предложный* (о ком? о чем?). Для звательного пад. в современном русском языке нет особой падежной формы; вместо особой формы звательного падежа, существовавшей в древне-русском языке, но затем с течением времени исчезнувшей, мы пользуемся теперь формою именительного падежа. Такие слова, как: *Господи*, *Боже*—представляют собою остатки старых форм звательного падежа; вот почему мы и говорим, что в современном русском языке у нас имеется только шесть падежей, т. е. шесть падежных форм, но названий-то падежей от старины сохранилось семь.

Именительный и звательный падежи называются *прямыми*, а все прочие—*косвенными*.

§ 33.

1) Ждет-пождет с утра до ночи,
смотрит в *поле* инда очи
разболелись, глядючи
с белой зори до ночи . . .

2) Только видит: вьется вьюга,
снег валится на *поля* . . .

3) Гонимы вешними лучами,
с окрестных гор уже *снега*
сбежали мутными *ручьями*
на потопленные луга . . .

4) . . . Одни пропускают *ручьи*, другие делают запруды, третьи строят мосты.

5) . . . Вода в *ручье* течет, задевает крылья и вертит.

6) . . . Колесо вертится, ниточка наматывается, щепка, что лодка, тихо подымается вверх по *ручью*.

7) Как былинку, *ветер*
молодца шатает . . .

8) Понесут ее
ветры буйные
во все стороны
света белого . . .

Мы уже знаем, что одно и тоже имя существительное может иметь различные падежные формы, напр.: в *поле*, с *поля*, на *поля*; в *ночь*, до *ночи*; *царица*, с *царицею*, *царице* и т. п. Если теперь мы сопоставим формы: в *поле* и на *поля*, *снег* и *снега*; в *ручье*, по *ручью* и *ручьи*, *ручьями*; *ветер* и *ветры*, то мы увидим, что разными формами одного и того же слова мы обозначаем не только разные падежи, но также и число, единственное или множественное, предметов, названия которых обозначаются данным словом; поэтому мы говорим, что формы: в *поле*, *снег*, в *ручье*, по *ручью*, *ветер*—это формы имен существительных **единственного числа**, а формы: на *поля*, *снега*, *ручьи*, *ручьями*, *ветры*—это формы тех же имен существительных, но **множественного числа**. При этом, если слова: в *поле*, с *поля* представляют собою разные падежные формы единственного числа, то формы: *ручьи*, *ручьями* — представляют собою разные падежные формы множественного числа.

Таким образом, *склонение есть изменение слова по падежам и по числам.*

Задачи: 1) составить несколько фраз или коротенький рассказ, в который входило бы одно и то же слово, одно или несколько, как в единств., так и во множеств. числе;

2) нарисовать картину, на которой были бы представлены предметы в ед. и мн. числе, и составить ее описание или придумать к ней рассказ.

Сказка про козу с орехами.

Дело было осенью. Поспели орехи славные. Послал дед козу за орехами. Ждёт-пождёт—нет козы с орехами, нет козы с каленьми! — Добро же, коза! Пошлю же на тебя волка.—Волк не идёт козу гнать: нет козы с орехами, нет козы с калёными!—Добро же, волк! Пошлю на тебя медведя. — Медведь не идет волка драть, волк не идет козу гнать: нет козы с орехами, нет козы с каленьми! — Добро же, медведь! Пошлю на тебя дубье.—Дубье не идет медведя бить, медведь не идет волка драть, волк не идет козу гнать: нет козы с орехами, нет козы с каленьми! Добро же, дубье! Пошлю на тебя топор.—Топор не идет дубье рубить,

дубье не идет медведя бить, медведь не идет волка драть, олк не идет козу гнать: нет козы с орехами, нет козы с каленьми!—Добро же, топор! Пошлю на тебя камень.— Камень не идет топор тупить, шопор не идет дубье рубить, дубье не идет медведя бить, медведь не идет волка драть, олк не идет козу гнать: нет козы с орехами, нет козы с каленьми! — Добро же, камень! Пошлю на тебя огонь. — Огонь не идет камень палить, камень не идет топор ту-ить, топор не идет дубье рубить, дубье не идет медведя бить, медведь не идет волка драть, волк не идет козу гнать; ет козы с орехами, нет козы с каленьми! Добро же, огонь! Пошлю на тебя воду.—Вода не идет огонь лить, огонь не дет камень палить, камень не идет топор тупить, топор е идет дубье рубить, дубье не идет медведя бить, медведь е идет волка драть, волк не идет козу гнать; нет козы с орехами, нет козы с каленьми!—Добро же, вода! Пошлю на тебя бурю.—Буря пошла воду гнать, вода пошла огонь лить, гонь пошел камень палить, камень пошел топор тупить, топор пошел дубье рубить, дубье пошло медведя бить, мед-едь пошел волка драть, волк пошел козу гнать. Пришла оза с орехами, пришла коза с каленьми!

Задача: упражняться в определении рода, числа и падежных форм имен существительных в этой сказке.

§ 34.

Склонение имён существительных.

Имена мужеского рода.

Единственное число.

И. Зв.	топор,	волк,	медведь,	камень,
Р.	топор-а,	волк-а,	медвед-я,	камн-я,
Д.	топор-у,	волк-у,	медвед-ю,	камн-ю,
В.	топор,	волк-а,	медвед-я,	камень,
Тв.	топор-ом,	волк-ом,	медвед-ем,	камн-ем,
П. о	топор-е,	волк-е,	медвед-е,	камн-е.

Множественное число.

И. Зв.	топор-ы,	волк-и,	медвед-и,	камн-и,
Р.	топор-ов,	волк-ов,	медвед-ей,	камн-ей,
Д.	топор-ам,	волк-ам,	медвед-ям,	камн-ям,
В.	топор-ы,	волко-в,	медвед-ей,	камн-и,
Тв.	топор-ами,	волк-ами,	медвед-ями,	камн-ями,
П. о	топор-ах,	волка-х,	медвед-ях,	камн-ях.

Единственное число.

И. Зв.	край,	соловей,	путь,	жеребенок,
Р.	кра-я,	соловь-я,	пут-и,	жеребенк-а,
Д.	кра-ю,	соловь-ю,	пут-и,	жеребенк-у,
В.	края,	соловь-я,	путь,	жеребенк-а,
Тв.	кра-ем,	соловь-ём,	пут-ём,	жеребенк-ом,
П.	кра-е,	соловь-е,	пут-и,	жеребенк-е.

Множественное число.

И. Зв.	кра-и,	соловь-и,	пут-и,	жеребят-а,
Р.	кра-ёв,	соловь-ёв,	пут-ей,	жеребят,
Д.	кра-ям,	соловь-ям,	пут-ям,	жеребят-ам
В.	краи,	соловь-ёв,	пут-и,	жеребят,
Тв.	кра-ями,	соловь-ями,	пут-ями,	жеребят-ам
П.	кра-ях,	соловь-ях,	пут-ях,	жеребят-ах

Единственное число.

И. Зв.	дворянин,	брат,	Василий
Р.	дворянин-а,	брат-а,	Василия
Д.	дворянин-у,	брат-у,	Василию
В.	дворянин-а,	брат-а,	Василия
Тв.	дворянин-ом;	брат-ом,	Василием
П.	дворянин-е,	брат-е,	о Василии

Множественное число.

И. Зв.	дворян-е;	брать-я,
Р.	дворян;	брать-ев,
Д.	дворян-ам;	брать-ям,
В.	дворян;	брать-ев,
Тв.	дворян-ами;	брать-ями,
П.	дворян-ах;	брать-ях.

Имена женского рода.

Единственное число.

И. Зв.	коз-а,	бур-я,	чаш-а,	кость,	земл-я,	дочь,
Р.	коз-ы,	бур-и,	чаш-и,	кост-и,	земл-и,	дочер-и
Д.	коз-е,	бур-е,	чаш-е,	кост-и,	земл-е,	дочер-и
В.	коз-у,	бур-ю,	чаш-у,	кость,	земл-ю,	дочь,
Тв.	коз-ою,	бур-ею,	чаш-ею,	кость ю,	земл-ёю,	дочер-ь
П.	о коз-е,	бур-е,	чаш-е,	кост-и,	земл-е,	дочер-и

Множественное число.

Зв.	коз-ы,	бур-и,	чаш-и,	кост-и,	земл-и,	дочер-и,
	коз,	бурь,	чаш,	кост-ей,	земель,	дочер-ей,
	коз-ам,	бур-ям,	чаш-ам,	кост-ям,	земл-ям,	дочер-ям,
	коз,	бур-и,	чаш-и,	кост-и,	земл-и,	дочер-ей,
в.	коз-ами,	бур-ями,	чаша-ми,	кост-ями,	земл-ями,	дочер-ями,
	коз-ах,	бур-ях,	чаш-ях,	кост-ях,	земл-ях,	дочер-ях.

Единственное число.

Зв.	змея,	семь-я,	певунь-я,	нян-я,	песн-я,	Евгения,
	зме-и,	семь-и,	певунь-и,	нян-и,	песн-и,	Евгении,
	зме-е,	семь-е,	певунь-е,	нян-е,	песн-е,	Евгении,
	зме-ю,	семь-ю,	певунь-ю,	нян-ю,	песн-ю,	Евгению,
в.	зме-ёю,	семь-ёю,	певунь-ею,	нян-ею,	песн-ею,	Евгениею,
	змее,	семь-е,	певунь-е,	нян-е,	песн-е,	Евгении.

Множественное число.

Зв.	зме-и,	семь-и,	певунь-и,	нян-и,	песн-и,
	зме-й,	семь-ей,	певун-ий,	нян-ь,	песен,
	зме-ям,	семь-ям,	певунь-ям,	нян-ям,	песн-ям,
	зме-й,	семь-и,	певун-ий,	нян-ей,	песн-и,
в.	зме-ями,	семь-ями,	певунь-ями,	нян-ями,	песн-ями,
	зме-ях,	семь-ях,	певунь-ях,	нян-ях,	песн-ях.

Имена среднего рода

Единственное число.

Зв.	сел-о,	пол-е,	дитя,	время,	чуд-о,
	сел-а,	пол-я,	дитят-и,	времен-и,	чуд-а,
	сел-у,	пол-ю,	дитят-и,	времен-и,	чуд-у,
	сел-о,	пол-е,	дитя,	время,	чуд-о,
в.	сел-ом,	пол-ем,	дитят-ею,	времен-ем,	чуд-ом,
о	сел-е,	пол-е,	дитя-ти	времен-и,	чуд-е.

Множественное число.

Зв.	сёл-а,	пол-я,	дети,	времен-а,	чудес-а,
	сёл,	пол-ей,	дет-ей,	времён,	чудес,
	сёл-ам,	пол-ям,	дет-ям,	времен-ам,	чудес-ам,
	сёл-а,	пол-я,	дет-ей,	времен-а,	чудес-а,
в.	сёл-ами,	пол-ями,	деть-ми,	времен-ами,	чудес-ами,
о	сёл-ах,	пол-ях,	дет-ях,	времен-ах,	чудес-ах,

Единственное число.

И. Зв.	селение,	платье,	ружьё,
Р.	селения,	платья,	ружья,
Д.	селению,	платью,	ружью,
В.	селение,	платье,	ружьё,
Тв.	селением,	платьем,	ружьём,
П.	селении,	платье,	ружье.

Множественное число.

И. Зв.	селения,	платья,	ружья,
Р.	селений,	платьев,	ружей,
Д.	селениям,	платьям,	ружьям,
В.	селения,	платья,	ружья,
Тв.	селениями,	платьями,	ружьями,
П.	селениях,	платьях,	ружьях.

§ 35.

Рассмотрим теперь подробнее склонение имен существительных мужеского, женского и среднего рода.

1) Сравнивая падежные формы слов с твердым конечным согласным основы (топор, волк) и формы слов с мягким конечным согласным, основы (медведь, камень, край) мы убеждаемся в том, что *все слова муж. р., за исключением слова п у т ь, имеют одинаковые падежные окончания, и что разница падежных форм этих имён заключается только в конечном согласном основы.* В самом деле, какая разница между формами *топор-а* и *волк-а* с одной стороны, и *медвед-я, камн-я, кра-я* с другой? Разницы в окончаниях у этих форм нет никакой, в чем мы убедимся, если более точно передадим на письме наше произношение слов: *медвед-я, камн-я, кра-я*; обозначив мягкие согласные звуки маленьким знаком мягкости над ними с правой стороны, мы получим *медвед*ъ — *а*, *камен*ъ — *а*; что же касается слова *кра-я*, то зная, что буква *я* после гласных обозначает на письме двойной звук—*йа;* мы могли бы эти слова написать так: *край-а*.

Теперь мы видим ясно, что между формами *топора — волка* и формами *медвед*ъ *- а, камен*ъ *- а, край-а* в окончаниях действительно нет никакой разницы; разница этих форм заключается только в конечном согласном основы: в слове *топор* конечный согласный основы твердый, а в слове *медвед*ъ —

он мягкий. То же самое сходство падежных окончаний видим мы и дальше:

Д. п.	топор-у,	медвед^{ь} - у,	край-у,
Тв.	топор-о́м,		соловьй-ом,
П.	о топор-е,	о медвед^{ь} - е,	о край-е,
Им. мн. ч.	*топоры* (или *и* после *г, к, х*: *волки*)	медвед^{ь} - и,	край-и,
Р.	топор-ов,	— край-ов,	соловьй-ов,
Д.	топор-ам,	медвед^{ь} - ам,	край-ам и т. д.

И только одна форма род. п. мн. числа основ с мягким конечным согласным звуком—*медведей*, *камней* выделяется своим окончанием из ряда других форм.

Нет никакой разницы также и в падежных окончаниях слов: *коза—буря*, *козы—бури*, *козу — бурю*, *козам — бурям* и т. д., а равно и в окончаниях падежных форм: *села—поля*, *селу — полю*, *селам — полям*, *селами — полями;* разница в этих формах заключается только в конечных согласных основы: в словах — *коза*, *село* конечные согласные основы твердые, а в словах: *буря*, *поле* - мягкие.

2) Формы винит. п. единств. и множ. ч. у слов мужеск. рода, представляющих собою названия неодушевленных предметов—*топор*, *камень*, *край; топоры*, *камни*, *краи*—сходны с формами именит. п., а формы винит. п. единств. и множеств. ч. у слов, представляющих собою названия одушевленных предметов —*волка*, *медведя*, *соловья*, *жеребенка*, *дворянина* сходны с формами родительного п.; то же и во множ. числе: *топоры*, *камни*, *краи* и *волков*, *медведей*, *соловьев*, *жеребят*, *дворян*.

3. Склонение слова *путь* в формах множественного числа совпадает с склонением имен с основою на мягкий согласный звук: *медведь* и *камень*, но падежные формы единственного числа этого слова резко отличаются от форм единственного же числа других имен сущ. муж. рода и совпадают скорее с формами склонения слова женск. рода—*кость*; падежные же формы слов *жеребёнок* и *дворянин* в ед. и мн. ч. имеют разные основы. Следовательно, с точки зрения падежных форм склонение имен существительных мужеского рода имеет два вида: один вид склонения называется *правильным* склонением, а другой—*неправильным*; все слова мужеского рода с твердым и мягким конечным согласным основы — *топор*, *медведь*, а также и с окончанием основы — *й (край)* имеют падежные ф. правильного склонения; слова же *путь*, *жеребенок*, *дворянин* и им подобные имеют неправильное склонение, так как у них или падежные формы единств. ч. не совпадают с такими же формами других слов мужеск. рода, в то врема как формы множ. числа совпадают *(путь)*,

или же падежные формы в единственном и множественном числе имеют разные основы.

1. В склонении имен сущ. *средн. р.* формы именительного и винительного падежей единств. и множеств. числа сходны: село, поле, время, чудо; сёла, поля, времена, чудеса;

2. склонение имен сущ. *время, дитя* и *чудо* резко отличается от склонения слов *село* и *поле*: а) падежные формы единств. числа в склонении слова *время* не совпадают по своим окончаниям с такими же формами слов *село* и *поле*, а формы множ. числа совпадают, следовательно: слово *время* в единств. и во множеств. числе склоняется по разному; б) слова же *дитя* и *чудо* имеют падежные формы в единств; и множ, числе с разными основами: *дитят-и, дитят-ей, чуд-а*, а во множ. числе—*дет-и, дет-ей, чудес-а, чудес-ам* и пр. Следовательно, с точки зрения падежных форм, и склонение имен существительных среднего рода тоже имеет два вида: *правильное* склонение *(село, поле)* и *неправильное* склоннние *(время, чудо, дитя)*.

3. Падежные формы правильного склонения имен среднего рода *(села, селу . . . , селам, селами . . . , поля, полю . . . , полей, полям, полями* и т. д.) сходны с падежными формами правильного склонения имен мужеск. рода *(топора, топору . . . , топорам, топорами; медведя, медведю . . . , медведей, медведям, медведями* и т. д.), Следовательно, правильное склонение имен сущ. муж. род, *(топор, медведь, край)* и среднего рода можно обдединить в одно склонение, и это будет у нас *1. правильное склонение.*

1. Склонение имен существительных женского рода *коза* и *буря* отличается своими падежными формами от склонения имен муж. и средн. рода, поэтому мы и можем эти слова выделить в особую группу склонения и назвать его *2-м правильным склонением.*

2. Что касается склонения елов *кость* и *дочь*, то падежные формы этого склонения в ед. ч. отличаются от форм склонения слов *коза* и *буря*, но вместе с тем сходны между собою: имеют одинаковые падежные окончания и одну основу для единственного и множ. числа (не так, как это мы видели выше в словах—*дитя* и *чудо)*. Все это дает нам основание склонение слов *кость* и *дочь* выделить в особую группу склонения и назвать его—*третьим правильным склонением.*

Итак, в русском языке различаются *два склонения* имен существительных: *правильное* и *неправильное.*

В правильном склонении различаются:

1) *Первое правильное склонение*; по этому склонению склоняются все имена существ., представляющие по своей форме слова-основы муж. рода (*волк, медведь, край)*, а также имена сущ. среднего рода, оканчивающиеся на—*о,—е (село, поле)*.

2) *Второе правильное склонение*; по этому склонению склоняются имена сущ. женского р., оканчивающиеся на—*а* и—*я (коза, буря)*.

3) *Третье правильное склонение*; по этому склонению склоняются имена сущ. женск. рода, представляющие собою слова—основы с мягким кнечным согласным звуком *(кость)*.

Склонение имени существительного муж. рода *путь*; имен существ. муж. же рода *теленок, жеребенок, ребенок* и подобных им, а также имен сущ. *дворянин, мещанин* и пр.; имени существительного среднего р.—*дитя* и имен существ. среднего же рода: *время, бремя, племя* и подобных им—образует *неправильное склонение*.

§ 36.

Особенности склонения имен существительных.

I. Некоторые имена существительные муж. рода односложные *(сад, дом)* или обозначающие название какого либо вещества *(сахар, чай* и т. п.) в род. п. единств. ч. могут оканчиваться на—*у* или—*ю* вм.—*а* или—*я*.

1. *С миру* по нитке—голому рубашка.
2. Ходит спесь надуваючись, *с боку* на бок переваливаясь.
3. Так подчевал сосед Демьян соседа Фоку и на давал ему *ни отдыха ни сроку* . . .
4. Еду, еду — *следу* нету; режу, режу — крови нету.

   Загадка (лодка).
5. Работай *до поту*, так поешь в охоту.
6. Не спросясь *броду*, не суйся в воду.
7. У дядюшки у Якова
   про баб *товару* всякого:
   ситцу хорошего—
   нарядно, дёшево!

   Некр.
8. Волк *из лесу* в деревню забежал не в гости, но живот спасая.

   Крыл.
9. Вороне где-то Бог послал кусочек *сыру*.

   Крыл.

10. —„Помилуй, мне ещё и *от роду* нет *году*, ягненок говорит.—„Так это был твой брат".—„Нет братьев у меня".—„Так это кум иль сват и, словом, кто-нибудь из вашего же *роду*.

Крыл.

11. Не от росы урожай, а *от поту*.

Нар. посл.

12. А Костылин, заместо того, чтобы подождать, только увидал татар, закатился, что есть *духу*, к крепости.

Л. Толстой.

13. Нива, моя нива! . . . По тебе *от ветру*, словно в синем море, волны так и ходят, ходят на просторе . . .

Ю. Жадовская.

14. Видит—барин—материк,
„генерал"—смекает;
поспешил фуражку снять.
„Здравия желаю!
что угодно приказать,
водки или *чаю*? . . .

Некрасов.

15. Я затоплю свечу
воску ярого,
распояю кольцо
друга милого

Кольцов.

16. Из кожи лезут вон, а *возу* все нет ходу.

Крыл.

II. Те же имена сущ. в предл. пад. ед. ч. могут оканчиваться на—*у*,—*ю* вм.=*е*:

1. Раз царица *на лугу*, на зеленом *берегу* ручейка была одна; горько плакала она...

Жук.

2. Вещуньина с похвал вскружилась голова, от радости *в зобу* дыханье сперло...

Крыл.

3. Лягушка, *на лугу* увидевши вола, затеяла в дородстве с ним сравняться...

Крыл.

4. Но что же возвратясь он видит? *На полу* объедки пирога; а Васька кот *в углу*, припав за уксусным боченком, мурлыча и ворча, трудится над курчонком.

Крыл.

5. *В лесу* стояла та особенная тишина, которая бывает только осенью.

Серафимович.

6. Саша, салазки свои погоняя,
весело мчится. На полном *бегу*
на бол салазки—и Саша *в снегу*...

Некр.

7. Сорвём *в саду* по цветку,
совьем себе по венку.
Понесем венки к батюшке,
ко родной матушке...

Нар. песня.

8. Свил себе *на дубу* дятел гнёздышко, снес три яичка и высидел трех детёнышей.

Нар. сказка.

9. *На краю* села, досками
заколоченный кругом,
спит покинутый, забытый,
обветшалый барский дом.

Я. Полонский.

10. „Как ты сплетешь теперь венок?
В твоем *саду* нет больше роз!“

Плещеев.

III. Имена сущ. муж. р. во множ. ч. могут иметь двойные формы: с окончанием *ы—и* и с окончанием *а—я*.

1. Нянька оправила наши платья и *волосы*, взяла обоих нас за руки и повела в лакейскую.

Аксаков.

2. Внук пугливо смотрит с печи; все вскосматил *волоса* поднял худенькие плечи, локотками подперся.

Полонский.

3. Росой окропились
цветы на полях;
стада пробудились
на мягких лугах...

Пушк.

4. Полем идешь—все *цветы* да *цветы*;
в небо глядишь—с голубой высоты
солнце смеется...

Некрасов.

5. Весело текли вы,
детские *года!*
Вас не омрачили горе и беда.

Суриков.

6. Две мухи собрались лететь в чужие *краи*
и стали подзывать к себе туда пчелу.

Крыл.

7. „Ты любишь, птичка, лес и поле,
и я люблю их! Но куда,
скажи, ты спрячешься, бедняжка,
когда наступят холода“?
—„Я полечу в *края* иные,
где вечно зелены луга,
и к вам вернусь, когда растают
под вешним солнышком *снега*...

N.

8. Я прижмусь к старушке,
тихо речь журчит,—
и глаза мне крепко
сладкий сон смежит,
и во сне мне снятся
чудные *края:*
и Иван—царевич—
это будто я...

Суриков.

9. Молитву-ль тихую читали,
иль пели песни старины,
когда *листы* твои сплетали
Салима бедные сыны...

Лерм.

10. Я пришел к тебе с приветом,
рассказать, что солнце встало,
что оно горячим светом
по *листам* затрепетало . . .

Фет.

11. В прекрасный летний день, бросая по долине тень,
листы на дереве с зефирами шептали...

Крыл.

12. Подобно всем змеям, у ужа кровь холодная; поэтому, с наступлением осенних морозов, чтобы не замерзнуть, он прячется в дупла и под *коренья* деревьев, закрывается в гниющие, опавшие *листья*. Но русский мороз шутить не любит и губит ежегодно бесчисленное множество ужей. Чтобы спасти себя, уж старается забраться на зиму в такое место, где его не достанет мороз: в стога сена, в копны хлеба, в овины, в навозные кучи.

Богданов.

13. Ой, *стоги*, *стоги*,
на лугу широком,
вас не перечесть,
не окинуть оком!

А. Толстой.

14. Страданий моей матери описать невозможно; но восторженное присутствие духа и надежда спасти дитя никогда её не оставляли. „Матушка, Софья Николаевна", — не один раз говорила, как я сам слышал, преданная ей душою дальняя родственница Чупрунова: — „перестань ты мучить свое дитя; ведь уж и доктор, и священник сказали тебе, что он не жилец. Покорись воле Божьей: положи дитя под *образа*, затепли свечку и дай его ангельской душеньке выйти с покоем из тела...

С. Аксаков.

15. Обилие мыслей мешало Рудину выражаться определительно и точно. *Образы* сменялись *образами*; сравнения, то неожиданно смелые, то поразительно верные, возникали за сравнениями.

Тург.

16. — Да, полно, что за *счёты!* Лишь стало бы охоты,— а то во здравье ешь до дна!

Крыл.

17. Гонимы вешними лучами,
с окрестных гор уже *снега*
сбежали мутными ручьями
на потопленные луга...

Пушк.

18. Вот и месяц—засквозили сучьев сети и *рога*;
свет его, как свет лампады, лег на бледные *снега*.

Полонский.

19. Не думай, что везде по нашему хоромы;
что там за *домы?*
В один двоим за нужду влезть.

Крыл.

IV. Некоторые имена существительные муж. рода, представляющие собою названия парных предметов, напр: *глаз, берег*, во множ. ч. оканчиваются только на—*а*: *глаза, берега.*

Брега с недвижною рекою
сравняла пухлой пеленою...

Пушк.

Когда то в русском языке существовали не только формы единственного и множ. числа, но и формы *двойственного* числа для обозначения двух предметов: от этих форм двойств. ч. и остались нынешние формы: глаза, берега и т. п.; под влиянием этих же былых форм двойственного числа мы говорим теперь: два *брата,* два *сына,* два *человека* и т. д., вм. два *браты,* или два *братья,* два *сыны,* два *человеки.*

Шли *два приятеля* вечернею порой и
дельный разговор вели между собой.

Крыл.

Жили по разным деревням *два брата*: один был богатый, а другой бедный...

Нар. сказка.

Старые формы двойственного числа представляют собою наши слова: *очи, уши, колени*; теперь это формы именительного п. множ. ч., равно как и все другие их падежные формы—формы множ. ч.

V. Иногда с формами одного и того же слова на *ы—и* или *а—я* связываются разные значения; например: *цветы на полях* и *цвета радуги, цвета материй*; *листья деревьев* и *листы железа; образы*—художественные картины и *образа*—иконы; *счёты* и *счета* и т. д.; слово же *колено* имеет три формы множ. числа: *колена, коленья, колени*, и с каждой из них мы связываем особое значение: *колена* — племена; *коленья*—изгибы; *колени*—часть ноги.

VI. Формы имен. п. мн. числа имен. муж. р. *листья, сучья, зубья, коренья, колья, каменья* и т. п. оканчиваются на—*ья;* эти же слова могут иметь и формы множ. ч. на *ы—и: листы, суки, зубы, корни, колы, камни* и пр. Когда то эти слова в ед. ч. оканчивались на—*ие* или—*ье*: листие, зубие, корение, и означали предметы, представлявшие собою *собрание*, совокупность, массу однородных предметов; теперь по-

добные слова оканчиваются у нас обыкновенно на—ьё: *зубьё, дубьё, бельё, тряпьё, вороньё.*

И давай пахать
землю плугами,
да кривой сохой
перепахивать
бороны *зубьём*
порасчосывать.

Кольц.

В минуту псарня стала адом.
Бегут: иной *с дубьём,*
иной с ружьем...

Крыл.

С истертою и ветхою сумой
бедняжка—нищенький под *оконьем* таскался.

Крыл.

Пошел Илья к родителю ко батюшку
на тую на работу на крестьянскую:
очистить надо пал *от дубья-колодья:*
он дубьё-колодье все повырубил,
в глубокую реку повыгрузил,
а сам сошел домой.

Нар. былина.

Кроме указанных выше, к этой же группе форм принадлежат: *мужья, зятья, братья, друзья* и др.

VII. Формы типа—*листья, коренья, колья* могут иметь также и имена существ. среднего р. —*деревья, крылья, поленья* и т. п.

Ты знаешь край, где все обильем дышит,
где реки льются чище серебра,
где ветерок степной ковыль колышет,
в вишневых рощах тонут хутора,
среди садов *деревья* гнутся долу,
и до земли висит их плод тяжелый?

А. Толстой.

На твоих церквах старинных
выростают *дерева;*
глаз не схватит улиц длинных...
Это матушка Москва.

Глинка.

Тишине и солнцу радо,
по равнине вод
лебедей ручное стадо
медленно плывет.
Вот один взмахнул лениво
крыльями,—и вдруг
влага брызнула игриво
жемчугом вокруг...

Никитин.

VIII. Слово *сын* во множ. ч. имеет две формы: *сыны* *сыновья*.

Сыны любимые победы,
сквозь огнь окопов рвутся шведы.

Пушк.

„*Сыны* мои, *сыны* мои милые! что будет с вами, чт
ждет вас"?—говорила она, и слёзы остановились в мо
щинах, изменивших прекрасное когда-то лицо её.

Гоголь.

Сыновья его были заняты другими мыслями. Но нужн
сказать поболее *о сыновьях* его. Они были отданы н
двенадцатом году в киевскую академию...

Гоголь.

IX. Слово *господин* во множ. ч. имеет форму *господа*.

X. Мы знаем уже, что имена муж. р. с мягким коне
ным согласным основы — *медведь, камень* и т. п. в форм
множ. ч. имеют окончание—*и* : *медведи, камни*; имена сущ
муж. р. с основою на согласный звук—имеют окончание—*ы*
топоры, а после зв. *г, к, х, ж, ч (щ), ш*—окончание—*и* : *волк*
боги, грехи, ножи, шалаши, калачи, плащи. Это же оконча
ние *и* имеют во множ. ч. и слова: *сосед* и *чорт* — *сосед*
черти, хотя они и принадлежат к именам сущ. с тверды
конечным согласным основы.

XI. Некоторые слова имеют форму род. п. мн. ч. сход
ную с формой именительного единств. ч., напр. *рота солдат*
остаться без *глаз*; говорить много *раз* об одном и том ж
купить пять *аршин* сукна; лишиться после болезни свои
волос.

Другие слова в этом же п. имеют двоякие формы: *са*
пог и *сапогов, чулок* и *чулков*.

XII. Имена сущ. средн. р., оканчивающиеся на — *о*
имеющие перед этим окончанием конечный согласный осно
вы—*к*: *яблоко, окошко, очко* и др., во множ. числе оканчи
ваются не на—*а*, как все имена средн. р., но на—*и*: *яблоки*

окошки, очки; слова же *войско* и *облако* имеют формы: *войска, облака.*

XIII. Все собств. имена и фамилии на—о: *Павло, Петро, Михайло, Шевченко, Павленко* и т. п. склоняются как имена ср. р. на—*о*, напр.,—*село*: *Шевченка, Шевченку, Шевченком, о Шевченке.*

XIV. Наконец, в русском языке есть ряд слов, имеющих одну только форму мн числа: *ворота, щипцы, ножницы, сани, крестины, святки* и др.; это обстоятельство затрудняет определение, какого они рода, а следовательно и решение вопроса, как они склоняются. Род этих имен различается так:

1) если в род. п. подобное слово оканчивается на—*ов,—ев,* то оно мужского рода: *щипцов*;
2) если в род. п. подобное же слово оканчивается на—*ей* или же оказывается вовсе без окончания, т. е. предоставляет собою основу, то оно женск. рода: *сани—саней, ножницы — ножниц, крестины — крестин, святки—святок* и др.;
3) если в форме именительного п. слово оканчивается на—*а*, а в родит. представляет основу без окончания, то такое слово—среднего рода: *ворота.*

XV. Имена женск. р., имеющие в окончании слог—*ня*: *няня, башня, песня, деревня* и т. п., в форме род. п. множеств. ч., как и другие имена того же рода, склоняющиеся по 2-му правильному склонению, в род. п. множ. числа не имеют никакого окончания: *коз-а—коз*; *бур-я-бурь*, т. е. форма род. п. мн. ч. этих слов представляет собою основу с твердым *(коз)* или мягким *(бурь)* конечным согласным; в словах на—*ня* форма родительного п. будет оканчиваться мягким согласным в тех случаях, если перед—*ня* стоит гласный звук *(няня—нянь)*; если же перед—*ня* стоит согласный, то форма родительного пад. мн. ч. будет оканчиваться на твердый согласный звук *(башня—башен, песня—песен)*; слово же *деревня* в форме род. падежа оканчивается на мягкий согласный—*деревень*, хотя перед слогом — *ня* в нем и стоит согласный звук—*в.*

XVI. В 3-ьем правильном склонении (*кость*) следует особенное внимание обратить на окончание формы творительного п. ед. ч. *(костью) — ью* и никогда не смешивать его с окончанием формы твор. п. имен., склоняющихся по 2-му склонению *(бурею) — ею*; в творительном же падеже множеств. ч. имена третьего склонения оканчиваются или на—*ьми (костьми)*, это их собственное окончание, или на—*ями, (костями)*, заимствованное из 2-го правильн. склонения *(буями).*

XVII. В формах дат. и предл. падежей единств. ч. у некоторых имен сущ. муж., женск. и средн. рода (Василий, Евгения, селение), если основа формы оканчивается на—*и*, окончание ее должно быть тоже—*и*: кому? *Евгении*; о ком? *о Василии, о Евгении, о селении*; но если основа формы будет оканчиваться на мягкий согласный звук, то после него может быть только—*е*: *о Васильe, о Евгенье, о селенье.*

XVIII. Имена сущ. *судья, воевода*, городской *голова* и т. д. **по форме** имена сущ. женского рода и склоняются так же, как имена женского рода, а **по значению** они имена мужеского рода.

§ 37.

Суффиксы имен существительных.

Румяной зарею
покрылся восток.
В селе за рекою
потух огонёк.

Пушкин.

Дети, в школу собирайтесь!
Петушок пропел давно;
попроворней одевайтесь,
смотрит солнышко в окно.

Ушинский.

Выплыло на небо красное *солнышко* и стало рассылать повсюду свои золотые лучи—будить землю. Первый луч полетел и попал на *жаворонка*. Встрепенулся *жаворонок*, выпорхнул из *гнёздышка*, поднялся высоко-высоко и запел свою звонкую *песенку*: „на свободе, на просторе я пою здесь над землею! в свежем воздухе приволье, в чистом небе здесь раздолье!“ Второй луч попал на *зайчика*. Передернул ушами *зайчик* и весело запрыгал по росистому лугу: побежал он добывать себе сочной *травки* на завтрак. Третий луч попал в *курятник*. Петух захлопал крыльями и запел: „*Ку-ку-реку*“. Куры слетели с нашестей, закудахтали, стали загребать сор и червяков искать. Четвертый луч попал в улей. Выползла *пчёлка* из восковой кельи, села на *окошечко*, расправила крылья, зажужжала и полетела собирать *медок* с душистых цветов. Пятый луч попал в детскую, на *постельку* к маленькому лентяю: режет ему прямо в глаза, а он повернулся на другой бок и опять заснул.

Ушинский.

Помертвело чисто поле,
нет уж дней тех светлых боле,
как под каждым ей *листком*
был готов и стол и дом...

Крылов.

.... Да работала-ль ты в лето?"—
говорит ей Муравей.
— „До того-ль, *голубчик*, было?
В мягких муравах у нас
песни, *резвость* всякий час,
так что голову вскружило..."

Крылов.

„Соседка, слышала-ль ты добрую молву?
вбежавши, Крысе Мышь сказала:
ведь *кошка*, говорят, попалась в когти льву?..

Крылов.

Журавль приготовил *окрошку*, положил в кувшин с ким *горлышком*, поставил на стол и говорит: „кушай, *ку-шка*, кушай, *голубушка*, больше нечем потчевать".—

„*Соседушка*, мой свет!
Пожалуйста, покушай"...
„Потешь же, миленький *дружочек!*
вот *лещик*, потроха, вот стерляди *кусочек!*
Еще хоть *ложечку!*...

Крылов.

Вот север, тучи нагоняя,
дохнул, завыл, и вот сама
идет *волшебница*-зима...
Опрятней модного паркета
блистает *речка*, льдом одета.
Мальчишек радостный народ
коньками звучно режет лед;
на красных *лапках* гусь тяжелый
задумав плыть по лону вод,
ступает бережно на лед,
скользит и падает...

Пушкин.

В синем небе звезды блещут,
в синем море волны хлещут;
туча по небу идет,
бочка по морю плывет.

Словно горькая вдовица,
плачет, бьется в ней *царица*,
и растет *ребенок* там
не по дням, а по часам...

Пушк.

И послушалась волна:
тут же на берег она
бочку вынесла легонько
и отхлынула тихонько.
Мать с *младенцем* спасена;
землю чувствует она...

Пушк.

Князю лебедь отвечает:
„Вот что, князь, тебя смущает?
Не тужи, душа моя,
это чудо знаю я.
Эти витязи морские
мне ведь *братцы* все родные.
Не печалься же, ступай,
в гости *братцев* поджидай...

Пушк.

Милая моя *сестрица* была верной моей подругой и *по мощницей* в собирании трав и цветов, в наблюдениях за гнездами маленьких *птичек*, которых много водилось в старых смородинных и березовых кустах, в собираньи червяков *бабочек* и разных *букашек*.

С. Аксаков.

Здравствуй, русская *молодка*,
раскрасавица—душа,
белоснежная *лебёдка*,
здравствуй *матушка*—зима!..

В низенькой *светёлке*
с створчатым окном
светится лампада
в сумраке ночном:
слабый *огонёчек*
то совсем замрет,
то дрожащим светом
стены обольет.

Л. Мей.

Серенькая *птичка* с удивлением озиралась вокруг и вдруг чирикнула в ответ той, которая сидела на липе. Затем *пухляк* отряхнулся, вытянул маленькую *головку* и совершенно неожиданно спорхнул с руки на ближайшую *ветку*. Яша поднял голову и следил с замиранием *сердца* Серенькая *птичка*, перепрыгивая с ветки на ветку, поднималась все выше и выше, и все громче становилось ее *чириканье*, словно она благодарила *мальчика* за дарованную ей свободу. Солнечный луч пронизал густые сучья дерева, откуда-то прилетел теплый *ветерок*, пахнул в лице Яши, и *мальчик* увидел, как серенькая *птичка*, достигнув *верхушки* дерева, взмахнула своими маленькими *крылышками* и потонула в голубоватой дали неба...

Баранцевич.

С *Мушенькой* я был знаком,
будучи *ребёнком*;
и тогда на вид он был
сущим *медвеженком*.
Помню я, как он сидел
около *крылечка*,
как привязан был к столбу
за одно *колечко*...

Полонский.

Вышел внук на пашню к деду
в рубашонке, босиком;
улыбнулся и промолвил:
„здравствуй, *дедушка* Пахом!
Ты, я вижу, притомился:
научи меня пахать,
как учил зимой, бывало
„*Богородицу*“ читать!
— „Что-ж, изволь, коли охота
и *силёнка* есть в руках;
поучися, будь *помощник*
деду старому в трудах“!
И Пахом к сохе с молитвой
внука за руку подвел;
внук, крестяся, бороздою
за *лошадкою* пошел...

Дрожжин.

Зайнька у *ёлочки* попрыгивает,
лапочкой об *лапку* поколачивает;
„экие *морозцы*, прости Господи, стоят!
ёлочки под инеем от холода трещат,

ёлочки от холода потрескивают,
лапочки от холода совсем свело.
Вот кабы мне, *зайке*, *мужичонком* быть:
жить бы мне да греться в *избушечке*
со своей *хозяюшкой* серенькой.
Пироги бы есть да все с *капусткою*,
пироги бы со сладкою *морковкою*.
На полатях *зимушку* пролеживать,
по *морозцу* в *саночках* покатывать

Нар. сказка.

Ну, тащися, *сивка*,
пашней, десятиной,
выбелим железо
о сырую землю.
Красавица зорька
в небе загорелась,
из большого леса
солнышко выходит...
Пашенку мы рано
с *сивкою* распашем,
зернышку сготовим
колыбель святую...

Кольц.

... Кажется, шепчут колосья друг-другу:
„Скучно нам слушать осеннюю вьюгу,
скучно склоняться до самой земли,
тучные зерна купая в пыли!
Нас, что ни ночь, разоряют станицы
всякой пролетной прожорливой птицы;
заяц нас топчет, и буря нас бьет...
Где же наш *пахарь?* чего еще ждет?

Некрасов.

... В такой именно день, рано утром, *Ванюша* про
щался с своим *семейством*. *Окрестность* нарочно, казалос
приняла самый тусклый, серенький вид, чтобы возбудить
сердце молодого парня как можно меньше *сожаления* пр
расставании с родными местами. Семейство *рыбака* стояло н
дворе...

Григорович.

... Русский *мужик* — *семьянин* и домосед по преиму
ществу. Мне довелось раз видеть, как семейство *пахаря*
добровольно отправляясь в плодородные южные губерни

прощалось со своим полем — жалкими двумя *десятинами* глинистой, никуда почти негодной почвы. Я в жизнь не видал такого страшного прощанья, таких горьких слез! Мать родная, прощаясь с любимыми детьми, не обнимает их так страстно, не целует их так горячо, как целовали *мужички* землю, кормившую их столько лет. Они оставляли, казалось, на этих двух нивах часть самих себя. *Кусочки* земли были зашиты даже в *ладонки* грудных *младенцев!..*

Григорович.

Мы уже знаем, что форму любого имени существительного образуют его составные этимологические части: основа и окончание *(дорога, заря, друга, снега, краям)* или иногда одна только основа с утраченным окончанием *(друг, день, край, ночь)*, причем различаются основы простые *(друг, день, край, ночь, конь, заря)* и основы распространенные (*извозчик*), т. е. основы, в состав которых входят представки и суффиксы, но главным образом — суффиксы. В жизни языка суффиксам принадлежит очень большая роль: с помощью суффиксов от одного и того же корня мы можем создавать бесчисленное количество новых слов, которые все вместе, будучи образованы от одного и того же корня, составляют так называемое *семейство* слов этого корня. Так, напр., от корня *воз,* помощью различных суффиксов мы можем образовать следующие слова:

воз-ок, воз-ик, воз-ище, воз-овица, воз-чик, воз-ница и т. д.,

причем каждый суффикс придает вновь образуемому от того же корня слову новый оттенок мысли, новое значение: *возик*—это маленький *воз*, а *возище*—это большой *воз;* то же: *домик—домище* и т. д.

Выпишем из приведенных выше отрывков все подчеркнутые слова и расположим их по одинаковости их суффиксов:

Суффиксы: 1) *к* (в косв. падежах—*ек*,—*ок*):

кош-к-а, кош-ек; окрош-к-а; реч-к-а; боч-к-а; молод-к-а; молод-ок, молод-к-ам; лебед-к-а; светел-к-а; вет-к-а; сив-к-а; а также: нянь-к-а;

тот же суффикс в названиях малых предметов (имена уменьшительные):

трав-к-а; пчёл-к-а; постель-к-а; лап-к-а; птич-к-а; голов-к-а; лошад-к-а; капуст-к-а; морков-к-а; зорь-к-а; постель-к-а; Вань-к-а;

—*ик* (то же и в косв. п.),—*ок*,—*ёк* (в косв. п.—*к*)

лещ-ик, лещ-ик-а; муж-ик; петуш-ок, петуш-к-а; лист-ок, лист-к-а; ветер-ок; ребен-ок; огон-ек; конек — (названия уменьшительные);

-н-ик, -н-иц-

курят-н-ик; помощ-н-ик; волшеб-н-иц-а; помощ-н-иц-а;

-он-ок, -он-к, -ён-к, -ень-к

медвеж-он-ок; рубаш-он-к-а; сил-ен-к-а; Миш-ень-к-а; паш-ен-к-а (названия уменьшительные и ласкательные);

-чик

зай-чик; голуб-чик, маль-чик (то же);

-оч-ек, -ёч-ек, -еч-к, -оч-к

друж-оч-ек; кус-оч-ек; огон-еч-ек; избуш-еч-к-а; окош-еч-ко; ёл-оч-к-а; лап-оч-к-а; крыл-еч-к-о; кол-еч-к-о; сан-оч-к-и (то же);

-ец (в косв. п. *-ц*) *-иц*

брат-ец, мороз-ец, вдов-иц-а, цар-иц-а, сестр-иц-а, красав-иц-а, Богород-иц-а; а также: куп-ец; молод-ец;

е-не-ц

млад-ен-е-ц;

-ц (в род. п. *-ец*):

серд-ц-е, серд-ец.

Все названные суффиксы представляют собою различные звуковые изменения старинных суффиксов *-ьк-* и *-ък-*, в которых буквы *ь* и *ъ* означали особые гласные звуки, перешедшие потом в нашем языке в гласные *е* и *о*; вот отчего мы и имеем теперь в одних формах только согласный *к*: *кошка*, в других слоги — *ек* или — *ок*; *кош-ек*; *све-тёл-ок*; а в третьих: *-ьк*; нянь-к-а, в котором *ь* утратил свое звуковое значение, но след его остался в мягкости произношения предыдущего согласного.

2. *-ак-, -як-*, а также: *-ач, -яч-*

рыб-ак, пухл-як; рыб-ач-к-а; бог-ач; сп-яч-к-а;

3. *-ар-*, а также: *-р, -л, -ал*

пах-арь; жи-р; са-ло; кварт-ал;

4. *-ышк-, -ишк-, -ушк-*

солн-ышко, гнезд-ышк-о, горл-ышк-о, кр-л-ышк-о, зерн-ышк-о; маль-ч-ишк-а, кум-ушк-а, голуб-ушк-а,

мат-ушк-а, сосед ушк-а, зим-ушк-а, дед-ушк-а (названия уменьшительные; для имен ср. р.-ышк; для мужск. и женск. -ушк);

5. *-ян-, -ян-ин-*, тоже *ан-ин*; *-н-, -ын*

семь-ян-ин; а также: горож-ан-ин, двор-ян-ин; восста-н-ие; пуст-ын-я;

6. *-ст-, -ств-*, а также: *-т, -тв:*

резво-сть, окрестно-сть; семей-ств-о; моли-тв-а; кро-т.

Кроме названных суффиксов, надо отметить еще следующее:

-чик,—щик

извоз-чик; разнос-чик; перепис чик; поме-щик; времен-щик;

-их-, -ух:

дья-ч-их-а; куп-ч-их-а;
повар-их-а; стар-ух-а;

-ищ-

город-ищ-е; пепел-ищ-е; пожар-ищ-е; нож-ищ-а глаз-ищ а;
первые слова показывают место, где что-либо было, происходило или находилось; вторые — название предметов в увеличенном размере (имена увеличительные);

-чин-, -щин-

муж-чин-а; жен-щин-а;

-от-, -тай, -тель

добр-от-а; быстр-от-а; выс от-а; завсегда-тай; учитель;

-б-, -еб-

молоть-б-а; моль-б-а; мол-еб-ен; похваль-б-а.

Кроме того, начальные формы имен сущ., т. е. формы именительного п. ед. ч. имеют своим суффиксом то, что выше мы назвали окончанием: *о, е* (село, поле), *-а, -я* (коза, буря); к суффиксам относятся также *-ей* в слове, напр., *соловей*; *-й* в словах: *край, сарай* и т. п.

Заключение.

Подводя итог всему, что мы теперь знаем об имени существительном, мы можем сказать:

Слова мужеского, женского и среднего рода, представляющие собою или чистую основу (*волк, камень, край, ночь, кость, день, дитя, время и под.*) или оканчивающиеся на *-о, -е, -а, -я (село, поле, коза, буря)* и изменяющиеся по падежам, — называются **именами существительными**. Они отвечают на вопрос *—кто?* и означают название предмета.

§ 38.

Имя прилагательное.

Ветер и солнце.

Однажды солнце и сердитый северный ветер затеяли спор о том, кто из них сильнее. Долго спорили они и, наконец, решили померяться силами над путешественником, который в это самое время ехал верхом по большой дороге.

„Посмотри“, сказал ветер: „как я налечу на него; мигом сорву с него плащ!“ Сказал и начал дуть, что было мочи. Но чем более старался ветер, тем крепче закутывался путешественник в свой плащ; он ворчал на непогоду, но ехал все дальше и дальше. Ветер сердился, свирепел, осыпал путника дождем и снегом; проклиная ветер, путешественник надел свой плащ в рукава и подпоясался поясом. Тут же ветер и сам убедился, что ему плаща не сдёрнуть.

Солнце, видя бессилие своего соперника, улыбнулось, выглянуло из-за облаков, обогрело, осушило землю, а вместе с тем и бедного полузамерзшего путешественника. Почувствовав теплоту солнечных лучей, он приободрился, благословил солнце, сам снял свой плащ, свернул его и привязал к седлу.

„Видишь ли“, сказало тогда кроткое солнце сердитому ветру: „лаской и добротой можно сделать гораздо более, чем гневом“.

К. Ушинский.

Первые воспоминания.

Я начинаю себя помнить очень больным, и не в начале болезни, которая тянулась слишком полтора года, не в конце её, когда я уже оправлялся,—нет, именно помню себя в такой слабости, что каждую минуту опасались за мою жизнь.

Один раз, рано утром, я проснулся или очнулся—и не узнаю, где я. Всё было незнакомо мне: высокая большая комната, голые стены из претолстых новых сосновых брёвен, сильный смолистый запах; яркое, кажется, летнее солнце только что восходит. Подле меня тревожно спит, без подушек и не раздетая, моя мать. Как теперь гляжу на чёрную её косу, растрепавшуюся по худому и жёлтому её лицу. Меня накануне перевезли в подгородную деревню Зубовку, верстах в десяти от Уфы. Видно, дорога и произведенный движением спокойный сон подкрепили меня; мне стало хорошо и весело, так что я несколько минут с любопытством и удовольствием рассматривал окружающие меня новые предметы. Я не сумел поберечь сна бедной моей матери, тронул её рукою и сказал: „ах, какое солнышко! как хорошо пахнет!“ Мать вскочила, в испуге сначала, и потом обрадовалась, вслушавшись в мой крепкий голос и взглянув на мое посвежевшее лицо. Как она меня ласкала, какими называла именами, как радостно плакала,—этого не расскажешь!—

С. Аксаков.

Днепр.

Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои. Ни зашелохнет, ни прогремит. Глядишь, и не знаешь, идёт или не идёт его величавая ширина; и чудится, будто весь вылит он из стекла, и будто голубая зеркальная дорога, без меры в ширину, без конца в длину, реет и вьётся по зелёному миру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядеться с вышины и погрузить лучи в холод стеклянных вод, и прибрежным лесам ярко отсветиться в водах. Зеленокудрые! они толпятся вместе с полевыми цветами к водам и, наклонившись, глядят в них и не наглядятся, и не налюбуются светлым своим зраком, и усмехаются сму, и приветствуют его, кивая ветвями. В середину же Днепра они не смеют глянуть: никто, кроме солнца и голубого неба, не глядит

в него; редкая птица долетит до середины Днепра. Пышный! ему нет равной реки в мире. Чуден Днепр и при теплой летней ночи, когда все засыпает: и человек, и зверь, и птица, а Бог один величаво озирает небо и землю и величаво сотрясает ризу. От ризы сыплются звезды; звезды горят и светят над миром и все разом отдаются в Днепре. Всех их держит Днепр в темном лоне своем; ни одна не убежит от него—разве погаснет на небе. Черный лес, унизанный спящими воронами, и древле разломанные горы, свесясь, силятся закрыть его хотя длинною тенью своею—напрасно! Нет ничего в мире, чтобы могло прикрыть Днепр. Синий, синий ходит он плавным разливом и середь ночи, как середь дня, виден за столько в даль, за сколько видеть может человечье око. Нежась и прижимаясь ближе к берегам от ночного холода, дает он по себе серебрянную струю, и она вспыхивает, будто полоса дамасской сабли; а он, синий, снова заснул. Чуден и тогда Днепр, и нет реки равной ему в мире! Когда же пойдут горами по небу синие тучи, черный лес шатается до корня, дубы трещат, и молния, изламываясь между туч, разом осветит целый мир,—страшен тогда Днепр! Водяные холмы гремят, ударяясь о горы, и с блеском и стоном отбегают назад, и плачут, и заливаются вдали. Так убивается старая мать казака, выпровожая своего сына в войско: разгульный и бодрый, едет он на вороном коне, подбоченившись и молодецки заломив шапку; а она, рыдая, бежит за ним, хватает его за стремя, ловит удила и ломает над ним руки, и заливается горючими слезами.—

Н. Гоголь.

Выберем из приведенных отрывков слова, обозначающие названия **признаков** предметов, обратим затем внимание на их форму, рассмотрим все особенности формы этих слов и на основании формальных признаков этих слов постараемся определить, какие слова в речи называются *именем прилагательным.*

Сердитый ветер;	Большая дорога;	Кроткое солнце:
бедный путник;	высокая комната;	претолстое бревно;
солнечный луч;	голая стена;	яркое летнее солнце;
больной;	черная коса;	худое, желтое лицо;
сильный;	подгородная деревня;	жаркое солнце;
смолистый запах;		голубое небо;
спокойный сон;	бедная мать;	тёмное лоно;
новый предмет;	тихая погода;	человечье око;
крепкий голос;	полная вода;	
чуден Днепр;	величавая ширина;	

зеленый мир; голубая зеркальная дорога;
прибрежный лес; стеклянная вода;
зелёнокудрый; редкая птица;
полевой цветок; равная река;
светлый зрак; теплая летняя ночь;
пышный; длинная тень;
чёрный лес; серебрянная струя;
синий Днепр; дамасская сабля;
плавный разлив; синяя туча;
ночной холод; старая мать;
целый мир; горючая слеза.
страшен Днепр;
водяной холм;
разгульный и бодрый сын;
вороной конь.

В первом столбце у нас расположены имена существительные мужеск. рода и связанные с ними по смыслу имена прилагательные; во втором столбце—то же ж. р.; в 3-м то же ср. р. Обратив внимание на форму слов, обозначающих название признаков, мы видим, что форма этих слов в каждом столбце разная, что эта разность форм заключается в окончаниях, и что окончания их изменяются по родам. Сравним, напр., формы: *бедный* путник и *бедная* мать; или *синий* Днепр и *синяя* туча: в форме мужеского рода имя прилагательное имеет окончание *-ый* или *-ий*, а в женском роде *-ая* или *-яя*.

Если мы рассмотрим имена прилагательные муж. рода, то увидим, что одни из них имеют окончание—*ый (сердитый, бедный, солнечный* и т. д.), другие *-ой (больной, полевой, ночной* и др.), третьи *-ий (крепкий, синий)*; наконец, есть и такие формы, как: *чуден* и *страшен*, т. е. формы, не имеющие никакого окончания, а представляющие собою одну только основу слова.

Имена прилагательные женского рода оканчиваются на *-ая (большая, высокая, голая, черная* и т. д.) или *-яя (синяя)*.

Имена прилагательные среднего рода оканчиваются на *-ое (кроткое, яркое, худое, жаркое* и др.) или—*ее (летнее)*.

В формах *сердитый, бедный, солнечный* и т. п., т. е. во всех формах, имеющих окончание *-ый*, основа слова всегда оканчивается на твердый согласный; то же и в формах, оканчивающихся на *-ой*; в форме же, оканчивающейся на *-ий*: *синий*, основа оканчивается на согласный мягкий.

Такое же различие окончаний мы наблюдаем и в формах имен прилагательных женского р.: *бедная* и *синяя*; то же и в формах среднего р.: *худое, жёлтое* и *летнее, человечье*.

Таким образом, мы можем установить следующие **родовые окончания** имен прилагательных: *-ый* или *ой; -ая; -ое*
-ий, -яя, -ее.

§ 39.

Однако, среди выписанных нами выше примеров имен прилагательных мы находим наряду с формами: *сердитый, бедный, солнечный* также и формы: *чуден* и *страшен*, т. е. формы-основы, формы без родового окончания, в сравнении с формами *сердитый, бедный* несколько укороченные; соответствующими для этих укороченных форм муж. рода формами женского рода будут:

чудна, страшна, а для форм среднего рода—*чудно, страшно*.

Так, напр., у Кольцова встречается такой стих:

Загорись, разгорись,
роковой огонь,
распаяй, растопи
чисто золото...

В стихотворении „*Песня пахаря*“ тот же поэт говорит:

Заблестит наш серп здесь,
зазвенят здесь косы;
сладок будет отдых
на снопах тяжелых!.,

В стихотворении Кольцова „*Урожай*“ есть, между прочим, такие слова:

Но *жарка* свеча
поселянина
пред иконою
Божьей Матери.

Подобные формы имен прилагательных часто встречаются у Крылова:

„Хотел бы очень я
сам посудить, твое услышав пенье,
велико-ль, подлинно, твое уменье“...

А мельник говорит: „Далеко до беды!
Не море надо мне воды,
и ею мельница на весь мой век *богата*“.

А щука, чуть *жива*, лежит разинув рот —
и крысы хвост у ней отъели...

Кипящий водопад, свергаяся со скал,
целебному ключу с надменностью сказал,

(который под горой едва лишь был *приметен*,
но силой славился целебною своей):
„Не странно-ль это? Ты так *мал*, водой так *беден*,
а у тебя всегда премножество гостей“?

Счастлив, кто на чреде трудится знаменитой:
ему и то уж силы придает,
что подвигов его свидетель целый свет.

Увидя, как пчела хлопочет вкруг цветка,
сказал орел однажды ей с презреньем:
„Как ты, бедняжка, мне *жалка*
со всей твоей работой и с уменьем“!..

Такие формы имен прилагательных мы находим и у Пушкина.

Как вольность, *весел* их ночлег
и мирный сон под небесами...
Всё *живо* посреди степей...

...Из шатра,
толпой любимцев окруженный,
выходит Петр. Его глаза
сияют. Лик его *ужасен*.
Движенья *быстры*. Он *прекрасен*,
он весь, как Божия гроза.
Идет. Ему коня подводят.
Ретив и *смирен* верный конь...

И он промчался пред полками,
могущ и *радостен*, как бой...

Но *близок*, *близок* миг победы...
Ура! мы ломим, гнутся шведы.

Такие же формы имен прилагательных встречаются и у других писателей:

...Её дом был совершенно *похоже* на химическую лабораторию.

Гоголь: „*Старосветские помещики*“.

Комната, в которой спали Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна, была так *жарка*, что редкий был бы в состоянии остаться в ней несколько часов...

Там же.

— „Здорово, парнище“!—„Ступай себе мимо“!
— „Уж больно ты *грозен*, как я погляжу!“...

Некрасов.

Полон скорбью неутешною,
смуглолиц, *высок* и *прям*,
ходит он стопой неспешною
по селениям, городам...

Некрасов.

Пахарь-ли песню вдали запоёт—
долгая песня за сердце берет;
лес ли начнется—сосна да осина...
Не *весела* ты, родная картина!

Некрасов.

Воздух *тих*, *прозрачен* и *свеж*. Ночь *темна*, но видно всю деревню с её белыми крышами и струйками дыма, идущими из труб, деревья, посеребренные инеем, сугробы...

Чехов.

Снова князь у моря ходит,
с *синя* моря глаз не сводит...

Пушкин.

Во всех приведенных выше примерах слова:

сладок, *приметен*, *мал*, *беден*, *счастлив*, *весел*, *ужасен*, *прекрасен* и т. п.—представляют собою укороченные или *краткие* формы имен прилагательных мужеского рода; слова: *жарка*, *богата*, *жива*, *жалка*, *весела*—краткие формы имен прилагательных женского рода; слова: *чисто* (золото), *велико* (уменье), *живо* (всё), *сине* (море)—такие же краткие формы имен прилаг. среднего рода.

Итак, формы имен прилагательных бывают *полные* и *краткие*. Полные формы оканчиваются на:

-ый или *-ой*, *-ая*, *-ое*
-ий *-яя*, *-ее*;

краткие формы в муж. роде не имеют никакого окончания; *сладок*, *мал*, *беден*, *весел*, *синь* и т. п., т. е. представляют собою слова—основы с твердым или мягким конечным согласным; краткие формы имен прилаг. женского р. оканчиваются на *-а* или *-я*, *(жарка, синя)*, а средн. р. на *о (чисто)*, или *-е (сине)*.

§ 40.

Среди выписанных выше примеров имен прилагательных мы имеем, кроме того, еще одну форму прилагательного, на которую до сих пор мы пока не обращали внимания; это именно форма: *человечье* око.

Подобные же формы мы имеем в следующих примерах.

Зубастой щуке в мысль пришло
за *кошачье* приняться ремесло...

Крылов.

Избушка там на *курьих* ножках
стоит без окон, без дверей...

Пушкин.

„А я не только впредь не трону здешних стад,
но сам за них с другими грызться рад,
и *волчьей* клятвой утверждаю,
что я"...—„Послушай-ка, сосед",
тут ловчий перервал его в ответ:
„Ты сер, а я, приятель, сед,
и *волчью* вашу я давно натуру знаю"...

Крылов.

Роздал Влас свое имение,
сам остался бос и гол,
и сбирать на построение
храма *Божьего* пошел...
Сила вся души великая
в дело *Божие* ушла:
словно сроду жадность дикая
непричастна ей была...

Некрасов.

Но как они уж понаелись,
и вежливые-ж псы при том
ни на кого не лают днем,
так рассуждать они пустилися вдвоём
о всякой всячине: об их *собачьей* дружбе
о худе, о добре и наконец о дружбе...

Крылов.

Смотрит: коршун в море тонет
и не *птичьим* криком стонет,
лебедь около плывет,
злого коршуна клюёт...

Пушкин.

Как взмолилась золотая рыбка,
голосом молвит *человечьим*:
„отпусти ты, старче, меня в море"...

Пушкин.

Таким образом, кроме указанных выше полных и кратких форм имен прилагательных, мы имеем еще формы с мягкою основою, оканчивающиеся на:

-ий, -я, -е

Божий храм; *птичий* крик; *человечий* голос; *курья* ножка; *волчья* клятва; *волчья* натура; *собачья* дружба; *кошачье* ремесло; дело *Божье*.

Если мы обратим внимание на значение слов этой последней группы, то увидим, что все они обозначают название **признака принадлежности** данного предмета кому-либо или чему-либо; такие имена прилагательные называются *притяжательными*.

Прилагательные: *высокий, красивый, белый, добрый*, обозначающие название **признака качества** предмета, называются *качественными*; а такие прилагательные, как, напр., *железный, деревянный, медный; деревенский; морской; лесной; лесистый; дорожный; домовой; уличный* и т. п. называются по значению—*относительными*, потому что они обозначают всегда название **признака отношения** данного предмета к какому либо другому предмету, т. е. название, напр., материала, из которого сделан данный предмет: из меди—*медный*, из железа—*железный* и пр.; места происхождения данного предмета, напр.: из деревни—*деревенский*, из лесу—*лесной*; цели назначения, например: для моря—*морской*, для дороги—*дорожный* и т. п.

Задачи: а) придумать по нескольку имен прилагательных качественных, относительных и притяжательных;
а) придумать по нескольку имен прилагательных полной и краткой формы;
в) составить какой-либо рассказ, в который входили бы имена прилагательные разной формы и разного значения;
г) нарисовать картинку и составить к ней рассказ, в котором были бы имена прилагательные.

Примечание: Имена прилагательные по форме — *городничий, лесничий, подъячий, леший, нищий, вожатый, прохожий* и т. п.—по значению имена существительные.

* * *

Только что на проталинах весенних
показались ранние цветочки,
как из царства воскового,
из душистой келейки медовой
вылетает первая пчелка.
Полетела по ранним цветочкам
о красной весне разведать:

скоро-ль будет гостья дорогая,
скоро-ль луга зазеленеют,
распустятся клейкие листочки,
зацветет черемуха душиста?..

А. Пушкин.

§ 41.

Склонение имен прилагательных.

Цыганский табор.

Цыганы шумною толпой
по Бессарабии кочуют.
Они сегодня над рекой
в шатрах изодранных ночуют.
Как вольность, весел их ночлег
и мирный сон под небесами.
Между колесами телег,
полузавешанных коврами,
горит огонь; семья кругом
готовит ужин; в чистом поле
пасутся кони; за шатром
ручной медведь лежит на воле.
Все живо посреди степей:
заботы мирные семей,
готовых с утром в путь не дальний,
и песни жон и крик детей,
и звон походной наковальни.
Но вот на табор кочевой
нисходит сонное молчанье,
и слышно в тишине степной
лишь лай собак да коней ржанье.
Огни везде погашены;
спокойно все; луна сияет
одна с небесной вышины
и тихий табор озаряет.
В шатре одном старик не спит;
он перед углями сидит,
согретый их последним жаром,
и в поле дальнее глядит,
ночным подернутое паром.

Пушкин.

Задача: выписать из этого стихотворения все имена прилагательные, расположив их, по формам, в группы.

Мы знаем уже, что имена прилагательные различаются по родам и имеют определенные родовые окончания; что они означают названия признаков предметов и, следовательно, отвечают всегда на вопрос—какой?

Однако, такие примеры, как: *шумною толпой*, в шатрах *изодранных* ночуют; в *чистом* поле и т. п., которые мы находим в приведенном выше стихотворении, показывают нам, что имена прилагательные изменяют свою форму по падежам; и так как *изменение формы слова по падежам мы называем склонением*, то, следовательно, об именах прилагательных мы должны сказать, что они к тому же еще и *склоняются*.

§ 42. Образцы склонения

1. Имена прилагательные

а) *полной формы:*

единствен. число:

И. З.	добрый,	добр-ая,	добро-е,
Р.	добр-ого,	добр-ой,	добр-ого,
Д.	добр-ому,	добр-ой,	добр-ому,
В.	= именит. или род. п.	добр-ую,	= именит.
Т.	добрым,	добр-ою (-ой),	добр-ым,
П.	о добром;	добр-ой;	о добр-ом,

множествен. число:

И. З.	добр-ые,
Р.	добр-ых,
Д.	добр-ым,
В.	= именит. или род. п.
Т.	добр-ыми,
П.	о добр-ых;

б) *краткой формы:*

единствен. число:

И. З.	Тургенев	Морозов-а	Астапов-о;
Р.	Тургенев-а	Морозов-ой	Астапов-а;
Д.	Тургенев-у	Морозов-ой	Астапов-у;
В.	Тургенев-а	Морозов-у	Астапово;
Т.	Тургенев-ым	Морозов-ою (-ой)	Астапов-ым;
П.	о Тургенев-е	о Морозов-ой	об Астапов-е;

множествен. число:

И. З.	Тургенев-ы	те же окончания
Р.	у Тургенев-ых	и для имен прил.
Д.	к Тургенев-ым	
В.	Тургенев-ы или-ых	женск. и средн. родов;
Т.	с Тургенев-ыми	в ср. р. вин. падеж.
П.	о Тургенев-ых	сходен с именительн.

имен прилагательных.

с твердой основой:

крепк-ий,	крепк-ая,	крепк-ое,
крепк-ого,	крепк-ой,	крепк-ого,
крепк-ому,	крепк-ой,	крепк-ому,
= (именит. или род. п.)	крепк-ую,	= (именит.)
крепк-им,	крепк-ою (-ой);	крепк-им,
о крепк-ом;	о крепк-ой;	о крепк-ом;

крепк-ие,
крепк-их,
крепк-им,
= (именит. или род. п.)
крепк-ими,
о крепк-их;

сестрин;	сестрин-а;	сестрин-о;
сестрин-а;	сестрин-ой;	сестрин-а;
сестрин-у	сестрин-ой;	сестрин-у;
= (именит. или род. п.)	сестрин-у	сестрин-о;
сестриным;	сестрин-ою (ой);	сестрин-ым;
о сестрин-ом;	о сестрин-ой;	о сестрин-ом;

сестрин-ы
сестрин-ых
сестрин-ым
= (именит. или род. п.)
сестрин-ыми
о сестрин-ых.

2. Имена прилагательные с мягкой основой:

единствен. число:

И. З.	син-ий,	син-яя,	син-ее,	волч-ий,	волчь-я,	волчь-е,
Р.	син-его,	син-ей,	син-его,	волчь-его,	волчь-ей,	волчь-его,
Д.	син-ему,	син-ей,	син-ему,	волчь-ему,	волчь-ей,	волчь-ему,
В.	= именит. или род. п.	син-юю,	син-ее,	= именит. или род. п.	волчь-ю,	волчь-е,
Т.	син-им,	син-ею (-ей),	син-им,	волчь-им,	волчь-ею (-ей)	волчь-им,
П.	о син-ем,	син-ей,	о син-ем,	волчь-ем,	волчь-ей,	о волчь-ем,

множествен. число:

И. З.	син-ие,	волчь-и,
Р.	син-их,	волчь-их,
Д.	син-им,	волчь-им,
В.	= именит. или род. п.	= именит. или род. п.
Т.	син-ими,	волчь-ими,
П	син-их,	волчь-их.

Примечание. Другие краткие формы имен прилагательных типа *добр, добра, добро*, мн. ч. *добры*, или *синь, синя, сине*, мн. ч. *сини* в современном русском литературном языке не изменяются по падежам.

§ 43.

Степени сравнения.

. . . — „Будь *счастливей*! Силу новую
благородных юных дней
в форму старую, готовую
наобдуманно не лей!
Жизни вольным впечатлениям
душу вольную отдай,
человеческим стремлениям
в ней проснуться не мешай.
С ними ты рожден природою—
возлелей их, сохрани!
Братством, Истиной, Свободою
называются они.
Возлюби их! на служенне
им отдайся до конца!
Нет *прекрасней* назначения,
лучезарней нет венца . . .

Некрасов.

Забравшись на сосну большую,
по веточкам палицей бьет,
и сам про себя удалую,
хвастливую песню поет:
„Вглядись, молодица, смелее,
каков воевода Мороз!
Навряд тебе парня *сильнее*
и *краше* видать привелось?..“

Некрасов.

„ . . . Коль до когтей у них дойдет,
то, верно, льву не быть живому:
сильнее кошки зверя нет!—“

Крыл.

Долго мы ехали межами, и вот начал слышаться издалека какой-то странный шум и говор людей. Чем ближе мы подъезжали, тем становился он *слышнее* . . .

С. Аксаков.

Не привыкши сызмала ни к какой работе, избалованный матерью, вздорной, взбаломошной бабой, он так хорошо повел дела свои, что в два года стал *беднейшим* мужиком своей деревни . . .

Григорович.

Но *интереснее* всего казались для меня старички в то время, когда были у них гости... Эти добрые люди, можно сказать, жили для гостей. Все, что у них ни было лучшего все это выносилось . . .

Гоголь.

Пульхерия Ивановна для меня была *занимательнее* всего тогда, когда подводила гостя к закуске . . .

Гоголь.

В приведенных выше отрывках слова: *счастливей, прекрасней, лучезарней, краше* и т. п. обозначают названия признака предмета, т. е. все они имена прилагательные, но и по значению и по форме они существенно отличаются от тех же прилагательных в их начальной форме: *счастливый, прекрасный, лучезарный* и т. п., отличаются тем именно, что не только обозначают название признака данного предмета, но обозначают его *сравнительно* с таким же признаком другого предмета. Словом *счастливей* мы говорим, что в данном предмете заключено признака счастливости в большей мере, чем в каком то ином предмете; а когда мы употребляем начальную форму имени прилагательного и говорим просто—*счастливый*, этим мы обозначаем только название признака, находящегося в предмете, или присущего данному предмету положительно, без сравнения его степени, количества или качества с таким же признаком другого предмета. Итак, форма имени прилагательного может не только изменяться по падежам, но изменяться и в целях обозначения сравнительности признака данного предмета с таким же признаком какого-то иного предмета. Эти формы имен прилагательных называются формами *степеней сравнения*; всех таких форм в русском языке две: *сравнительная* и *превосходная*. Формы сравнительной степени оканчиваются на: *е — краше*, или на—*ее* или—*ей*: *сильнее, слышнее, интересней, смелей* и т. п.; формы прилагательных на—*ейший* или *-ший* называются теперь формами превосходной степени, напр., *беднейший* или *лучший*.

Кроме окончания *-ейший*, форма превосходной степени может оканчиваться также на *-айший: легчайший, нижайший, тишайший*. Как можно видеть из этих примеров, окончание *-айший* вм. *-ейший* появляется после согласных: *ж, ч, ш*.

§ 44.

Если, однако, мы обратим внимание на формы сравнительной степени: *краше*, *сильнее* и т. п. во всех приведенных выше примерах и сопоставим их с формою *беднейший*, *-ая*, *-ее* и т. п., мы заметим, что формы сравнительной степени, оканчивающиеся на *-е* и на *-ее* или *-ей*, не меняют своих окончаний ни по родам, ни по падежам; напр., в фразе:

нет *прекрасней* назначения,
лучезарней нет венца—

форма *прекрасней* относится к родит. п. имени сущ. средн. рода—*назначения*; такая же форма *лучезарней*—относится к род. п. ед. числа муж. р—*венца*.

В фразе:

навряд тебе парня *сильнее*
и *краше* видать привелось—

формы *сильнее* и *краше* относятся к форме вин. п. муж. р.—*парня*;

в фразе:

чем ближе мы подъезжали, тем становился он (шум) *слышнее*—

форма сравн. степ.—*слышнее* относится к форме именит. пад. муж. р.—*он*;

но в фразе:

...он так хорошо повел дела свои, что в два года стал *беднейшим* мужиком своей деревни ..

форма превосходной степени *беднейшим*—того же муж. рода и стоит в том же падеже—творительном ед. ч., что и слово—*мужиком*, к которому она относится.

Из предыдущего мы уже знаем, что формы имен прилагательных не остаются неизменными, что они меняют свои окончания по родам (добрый, -ая, -ое синий, -яя, -ее) и по падежам (доброго, доброй; синего, синей и т. д.); это главный признак всех форм слов, которые мы относим к именам прилагательным. Поэтому, так как из форм степеней сравнения только формы, оканчивающиеся на *-ейший* или *-айший* имеют родовые окончания и изменяются по падежам, то только они одни и могут быть оставлены нами в группе имён прилагательных; формы же *сильнее*, *краше* и т. п., оканчивающиеся на *-е* и *-ей*, как не меняющие своих окончаний ни по родам ни по падежам, т. е., как остающиеся неизменяемыми, уже тем самым не имена прилагательные, а должны быть отнесены нами к группе *неизменяемых* частей речи, и именно к *наречиям*.

§ 45.

Суффиксы имен прилагательных.

1. Имена прилагательные: *бедный, солнечный, больной, сильный, спокойный, чуден, зеленый, прибрежный, пышный, черный, плавный, ночной, страшен, разгульный, черная, бедная, полная, ровная, длинная, летне, темное*—

имеют суффиксы: *-н-* или *-ен-*; если к форме женск. р. *полная* припомним краткую форму того же имени прилагательного мужск. р. *-полон*, мы будем иметь в этой форме суффикс *-он-*;

в формах: *водяной, стеклянная, серебряная* имеется суффикс: *-ян-*; вместо суф. *-ян*—надо писать *-янн-* в словах *деревянный, стеклянный, оловянный*;

формы: *сестрин, мамин, Пушкин*—образованы помощью суффикса *-ин*.

форма—*Голицын* образована помощью суффикса *—ын*.

2. Имена прилагательные:

крепкий, высокая, редкая,
кроткое, яркое, жаркое—

образованы помощью суффиксов: *-к, ок-*; в форму же *дамасский* входит суффикс *-ск-*.

3. Формы *полевой, величавая* — образованы помощью суффиксов: *-ев, -ав-*; к этой же группе суффиксов относятся также:

-в- : *живой*;
-яв- : *вертлявый, костлявый*;
-ив : *болтлив; криклив; стыдливый*;
-ов- : *здоровый; столовый, длинноголовый; ершовый, Петров, Иванов*;
-ёв- : *Муравьёв*.

4. Формы: *сердитый, смолистый, претолстое, жёлтое* образованы помощью суффиксов: *-т-; -ит-; -ст-; -ист-*; к этой же группе суффиксов относятся также *-ат-*: *богатый, волосатый*; очень часто этот суффикс стоит в соединении с суф. *-ов-*: *кругловат; туговат; шероховат; пустоват*;
а также и суффикс—*ит* в соединении с суффиксом *-ов-*: *деловит*; *сановит*.

5. Формы: *светлый, теплая* образованы помощью суффикса *-л-*.

6. Форма: *бодрый*—образована помощью суффикса *-р-*.

Кроме того, родовые окончания прилагательных *-а, -о (добра, дооро), -я, -е (синя, сине)*, а также: *-ый, -ой, -ая, -ое; -ий, -яя* или *-я, -ее* или *е (добрый, -ая, -ое; синий, -яя, -ее; олчий, -я, е)* представляет собой так называемые *гласные суффиксы* имен прилагательных.

Формы степеней сравнения образуются помощью суффиксов:

-е: краше, тише;

-ее или *-ей: смелее, сильнее; счастливей; прекрасней лучезарней;*

-ш-: больше, меньше; меньший, больший и т. п.;
-ейш-, -айш-: беднейший, легчайший.

Правописание имен прилагательных.

1. В формах родительного падежа единств. ч. муж. и ср. р. имен прилагательных на *-ый* и *-ой* следует писать *-ого (доброго, крепкого, большого, слепого)*; в формах имен прилагательных на *-ий* там же следует писать *-его: (синего)*; эти окончания следует хорошенько усвоить, так как в произносимом языке они звучат иначе.
2. В формах именит.—винит. п. множественного ч. во всех трех родах следует писать одно общее для всех родов окончание *-ые, -ие: красивые дома; быстрые реки; синие моря.*

§ 47.

Имя числительное.

В *один* из ближайших праздников вся деревня собралась на сход, чтобы осмотреться, сосчитать убылых, сообразить, что делать с землей, оставшейся без хозяев...

Потехин.

Шли *два* приятеля вечернею порой и дельный разговор вели между собой; как вдруг из подворотни дворняжка тявкнула на них...

Крыл.

— А что, у отца-то большая семья?—
„Семья то большая, да *два* человека всего мужиков то:
отец мой да я...“
— Так вот оно что! А как звать тебя?—„Власом“.
А кой тебе годик?—„*Шестой* миновал...
Ну, мертвая!“—крикнул малюточка басом,
Рванул под уздцы и быстрей зашагал.

Некрасов.

В некотором было царстве, в некотором государстве был-жил царь, по имени Выслав Андронович. У него было три сына царевича: первый Дмитрий — царевич, другой — Василий — царевич, а третий Иван — царевич... Царь Выслав Андронович весьма крушился о той яблоне, что жар-птица много яблок с неё сорвала; почему призвал к себе трёх своих сыновей и сказал им: „Дети мои любезные! кто из вас может поймать в моем саду жар-птицу? кто изловит ее живую, тому еще при жизни моей отдам половину царства, а по смерти и все...

На первую ночь пошел караулить в сад Дмитрий царевич...

Нар. сказка.

Заодно с весной
пробуждаются
их заветные
думы мирные.
Дума *первая*:
хлеб из закрома
насыпать в мешки,
убирать возы.
А *вторая* их
была думушка—
из села гужом
в пору выехать.

Кольцов.

Однажды лебедь, рак да щука
везти с поклажей воз взялись,
и вместе *трое* все в него впряглись...

Крылов.

Я плыл из Гамбурга в Лондон на небольшом пароходе. Нас было *двое* пассажиров; я да маленькая обезьяна, которую *один* гамбургский купец отправлял в подарок своему английскому компаньону...

Тургенев.

А, ведь, признайся, есть из кумушек
моих таких кривляк *пять—шесть*:
я даже их могу по пальцам перечесть.

Крылов.

Семён Иванов служил сторожем на железной дороге От его будки до одной станции было двенадцать, до другой—десять верст. Верстах в четырёх в прошлом году открыли большую прядильню; из-за леса её высокая труба чернела, а ближе, кроме соседних будок, и жилья не было.

Семён Иванов был человек больной и разбитый. Девять лет тому назад он побывал на войне: служил в денщиках у офицера и целый поход с ним сделал. Голодал он, и мерз, и на солнце жарился, и переходы делал по сорока и по пятидесяти верст в жару и в мороз; случалось и под пулями бывать, да, Слава Богу, ни одна не задела...

Гаршин.

В *двенадцатом* часу утра коляска и бричка стояли у подъезда. Николай был одет по дорожному. Я сидел у окна и с нетерпением ожидал окончаний всех приготовлений.

Л. Толстой.

Грянулась медведиха о сыру землю;
а мужик-то ей брюхо порол,
брюхо порол да шкуру снимал;
малых медвежат в мешок поклал,
а поклавши то, домой пошел:
„вот тебе, жена, подарочек—
что медвежья шуба в *пятьдесят* рублев;
а что вот тебе подарочек—
трое медвежат по *пяти* рублев".

Пушкин.

— „Где-то вздуется бурливо
окиан, подымет вой,
хлынет на берег пустой,
расплеснется в шумном беге,
и очутятся на бреге,
в чешуе, как жар, горя,
тридцать три богатыря;
все красавцы молодые,
великаны удалые,
все равны, как на подбор,
с ними дядька Черномор"...

Пушкин

В приведенных выше примерах мы имеем новую группу слов, сходных по форме отчасти с именами существительными, отчасти с именами прилагательными, но вместе с тем и отличных несколько от них по значению.

В самом деле, слова: *один, два, три, четыре, пять, шесть, девять, десять, двенадцать, двадцать, тридцать, сорок, девяносто, сто, тысяча, миллион* и т. п.—обозначают **название предмета по счету** и отвечают на вопрос *кто?* или *сколько? По дороге идут трое.* Вопр. *Кто идёт?* Отв. *Трое.*

Слова же: *первая, вторая, третья, шестой, двенадцатый, двадцатый, пятидесятый, сотый* и т. д. обозначают **название признака предмета по счету** и отвечают на вопрос—*какой?* или *который?*

Все это—имена *числительные;* первую группу составляют числительные *количественные* (по значению) или *числительные—существительные* (по форме); к этой же группе числительных относятся и числительные, обозначающие название какой либо части предмета по счету: *половина, треть, четверть, полтора* и т. п. (имена числительные дробные) и числительные—*собирательные (двое, трое, четверо, пятеро* и т. п.);

вторую группу составляют числительные *порядковые* (по значению) или *числительные — прилагательные* (по форме).

Первая группа форм имен числительных изменяется так же, как изменяются имена существительные; а вторая группа форм имен числительных изменяется так же, как изменяются имена прилагательные.

Следовательно, с точки зрения *формы* слова, имена числительные не образуют такой особой группы слов, какие образуют собою, например, имена существительные или имена прилагательные, или, как это мы дальше увидим, глагол; одни из имен числительных могут быть отнесены к именам существительным, другие к именам прилагательным, а потому мы и не выделяем имен числительных в особую часть речи, отдельную от имени существительного и прилагательного, а рассматриваем их вместе: имена числительные количественные с именами существительными, а имена числительные порядковые — с именами прилагательными.

§ 48.

Имена числительные: *один, одна, одно; два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, сорок, сто, тысяча, миллион*—по своей форме *простые;*

имена числительные: *одиннадцать, двенадцать, три-адцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, сем-адцать, восемнадцать, девятнадцать — сложные*; они со-тавлены из названия единиц — *один, два, три* и т. д., из лова *на* и слова — *дцать*, возникшего из слова — *десять*: дин—на—десять, два—на—десять, три—на—десять и т. д.;

имена числительные: *двадцать, тридцать, пятьдесят, естьдесят, семьдесят, восемьдесят*—тоже по своей форме ложные; они образовались из: два-дцать, три-дцать, пять-есят и т. д.;

имена числительные: *двести, триста, четыреста, пять-от, шестьсот, семьсот, восемьсот, девятьсот* — тоже по воей форме сложные; они образовались из две-сти (вместо: ве-сте), три-ста, четыре-ста, пять-сот и т. д.;

имя числительное *полтора* образовалась из *пол-втора*: орма же *втора* есть род. п. краткой формы числительного— рилагательного *втор*; следовательно, *полтора*—значит: по-овина второго.

§ 49.

Склонение имен числительных.

В приведенных выше отрывках мы имеем такие, между очим, фразы:

У него было *три* сына царевича...

Почему призвал к себе *трёх* своих сыновей и сказал им...

Тому еще при жизни отдам *половину* царства, а по смерти и всё...

От его будки до *одной* станции было двенадцать, до другой—десять верст...

Голодал он, и мерз, и на солнце жарился, и переходы делал по *сорока* и по *пятидесяти* верст в жару и в мороз... и т. д.

Формы: призвал *трёх* своих сыновей; отдам *половину* рства; до *одной* станции; переходы делал по *сорока* и по *тидесяти* верст—в сравнении с формами: *три* сына, *по-вина* царства, *сорок* и *пятьдесят* верст и т. д. свидетель-уют о том, что имена числительные количественные или к называемые числительные-существительные изменяют свои чальные формы по падежам, т. е. склоняются.

§ 50. Склонение числительных—существительных.

	Единств. ч.			Муж. и ср. р.		Женск. р.			
	м. р.	ж. р.	ср. р.						
И.	один	одна	одно	два	оба	две	обе	двое	пятеро
Р.	одного	одной	одного	двух	обоих	двух	обеих	двоих	пятерых
Д.	одному	одной	одному	двум	обоим	двум	обеим	двоим	пятерым
В.	= именит. или родит.	одну	одно	= именит. или родит.	—	—		= именит. или родит.	
				двумя	обоими	двумя	обеими	двоими	пятерыми
Т.	одним	одною (-ой)	одним	о двух	об обоих	о двух	об обеих	о двоих	о пятерых
П.	об одном	одной	одном						

	Множеств. ч.	Для всех родов:					
И.	для всех родов: одни	три;	четыре;	пять;	сорок;	девяносто;	сто;	тысяча
Р.	одних	трех;	четырех;	пяти;	сорока;	девяноста;	ста;	тысячи
Д.	одним	трем;	четырем	пяти;	сорока;	девяноста;	ста;	тысяче
В.	= именит. или родит.	= именит. или родит.		пять;	сорок;	девяносто;	сто;	тысячу
Т.	одними	тремя;	четырьмя;	пятью;	сорока;	девяноста;	ста;	тысячею
П.	об одних	о трех;	о четырех;	о пяти;	о сорока;	о девяноста;	ста;	о тысяче

	Муж. и ср. р.	*Женск. р.*
И.	полтора;	полторы;
Р.	полутора;	полуторы;
Д.	полутору;	полуторе;
В.	полтора;	полторы;
Т.	полуторым;	полуторою;
П.	о полуторе;	о полуторе;

И.	пятьдесят;	двести;	пятьсот;
Р.	пятидесяти;	двухсот;	пятисот;
Д.	пятидесяти;	двумстам;	пятистам;
В.	пятьдесят;	двести;	пятьсот;
Т.	пятьюдесятью;	двумястами;	пятьюстами;
П.	о пятидесяти;	о двухстах;	о пятистах.

Имена числительные — прилагательные (порядковые) склоняются так же, как и имена прилагательные.

§ 51.

К правописанию имен числительных.

1. Имена числительные: *пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, восемнадцать, девятнадцать*—пишутся без *ь* в середине.
2. Имена числительные; *пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят* пишутся с *ь*; следовательно, *ь* пишется в середине тех сложных числительных, у которых в склонении изменяются по падежам обе составные части—*пятидесяти* и т. д.
3. Следует обратить внимание на правописание формы—*двести.*

§ 52.

Местоимение.

Бурлак.

Эх, приятель, и *ты*, видно, горе видал,
коли плачешь от песни веселой!
Нет, послушай-ка *ты*, что вот *я* испытал,
так узнаешь о жизни тяжелой!
Девятнадцати лет, после смерти отца,

я остался один сиротою;
дочь соседа любила *меня*, молодца.
Я женился,—и зажил с женою!
Словно счастья на двор *мне она* принесла,—
дай Бог царство небесное бедной!—
Уж такая-то, братец, хозяйка была,
дорожила полушкою медной!
В зимний вечер, бывало, лучину зажжет
и прядет *себе*, глаз не смыкает;
петухи пропоют,—ну, тогда отдохнет
и приляжет, а чуть рассветает,—
уж *она* на ногах: поглядишь,—побежит
и овцам, и коровам даст корму,
печь истопит, и снова за прялкой сидит,
или что прибирает по дому.
Летом рожь станет жать, иль снопы подавать
с земли на воз,—и горя *ей* мало.
Я, бывало, скажу: „не пора-ль отдыхать".
— „Ничего, говорит, не устала".—
Иногда *ей* случится обновку купить
для утехи, так скажет: „напрасно!"
Мы без этого будем друг друга любить,
что *ты* тратишься, сокол *мой* ясный!"
Как в раю с *нею* жил!.. Да не нам верно знать,
где и как *нас* кручина застанет!
Улеглася жена в землю на-веки спать...
Вспомнишь,—жизнь не мила *тебе* станет!
Вся надежда была,—словно вылитый в мать,
темнорусый красавец—сынишка.
По складам уж псалтырь было начал читать...
Думал: „выйдет, мол, в люди мальчишка!"
Да не то *ему* Бог на роду написал:
заболел от *чего-то* весною,—
я и бабок к нему, знахарей призывал
и поил наговорной водою,
обещал рублёвую свечку купить,
пред иконою в церкви поставить,—
не услышал Господь... и пришлось положить
сына в гроб, на кладбище отправить...
Было горько *мне*, друг, в эти черные дни!
Опустились совсем *мои* руки!
Стали хлеб убирать,—в поле песни, огни,
а *я* сохну от горя и скуки!
Снега первого ждал: *я* продам, мол, вот рожь,
справлю сани, извозничать буду,—
вдруг,—беда за бедой,—на скотину падеж...
Чай по гроб *этот* год не забуду!
Кой-как зиму провел; вижу честь *мне* не *та*:

то на сходке *иной* посмеется;
„дескать,—*всякая* вот *что*-ни-есть мелкота
тоже в дело мирское суется!“
То бранят за глаза: „не с *его*-де умом
жить в нужде: видишь, как *он* ленится;
нет, по нашему так: коли быть молодцом,
не тужи, хоть и горе случится!“
Образумил *меня* людской смех, разговор;
видно, Бог свою помочь *мне* подал!
Запросилась душа на широкий простор...
Взял *я* паспорт, подушное отдал...
И пошел в бурлаки. Разгуляли тоску
Волги матушки синие волны!..
Коли отдых придет,—на крутом бережку
разведешь огонек в вечер темный,
из товарищей песню один заведет,
те подхватят,—и вмиг встрепенешься,
с головы и до ног жар и холод пойдет,
слёзы сдержишь,—и *сам* тут зальешься!
Непогода-ль случится, и вдруг посетит
мою душу забытое горе,—
есть разгул молодцу: Волга с шумом бежит
и про волю поет на просторе;
ретивое забьется,—и вспыхнешь огнем!
Осень, холод,—не надобна шуба!
Сядешь в лодку,—гуляй! размахнешься веслом,
силой с бурей померяться любо!
И летишь по волнам, только брызги кругом...
Крикнешь: „ну, теперь Божия воля!
Коли жить,—будем жить, умереть,—так умрем!“
И в душе словно не было горя!—

Никитин.

Вопросы для беседы: какую роль в жизни крестьянина играет его жена? как крестьянин относился к своему горю, боролся ли он с ним, и какие принимал меры к его предотвращению? почему крестьянин пошел в бурлаки? дала ли крестьянину удовлетворение бурлацкая жизнь, и в чем он находил в ней удовлетворение?—

В этом стихотворении мы встречаем новую группу слов, которые или обозначают название предмета *(я, ты, он, меня, тебе* и т. п.) или же обозначают название признака предмета (*мои* руки, *этот* год, *всякая* мелкота и т. п.), т. е. которые и по значению, а также и по форме могут быть отнесены или к именам существительным или к именам прилагательным, в виду чего они и называются в грамматике: *местоимения—существительные* и *местоимения—прилага-*

тельные; они рассматриваются вместе с именами существительными и прилагательными и не выделяются в особую часть речи.

К местоимениям—существительным относятся местоимения: *я, ты, он, она, оно; мы, вы, они; себя, кто? что? никто, ничто; некого, нечего; некто, нечто, кто-либо, кто-то* и т. п.; все они обозначают название предмета, изменяются по падежам и отвечают на вопрос—*кто?*

К местоимениям—прилагательным относятся:

мой, твой, свой, ваш, наш, этот; тот; чей, какой, который, весь, всякий, самый, каждый, который; — все они обозначают название признака предмета, имеют родовые окончания имен прилагательных, изменяются по падежам и отвечают на вопрос—*какой?*

§ 53.

По значению местоимения разделяются на:

1. *личные: я*—1-го лица ед. ч.; *ты*—2-го л. ед. ч.; *он, она, оно*—3 л. ед. ч.; *мы*—1 л. мн. ч., *вы*—2 л. мн. ч., *они*—3 л. мн. ч.
2. *возвратное: себя*;
3. *указательные: тот, этот, такой, сей, оный, этакий, сякой*;
4. *притяжательные: мой, твой, свой, наш, ваш*;
5. *вопросительные: кто, что, какой, кой, который, чей, каков*,—если они соединяются с вопросом;
6. *относительные*—те же местоимения, но без вопроса,
7. *определительные: весь, сам, самый, каждый, всякий, иной*;
8. *неопределённые: никто, ничто, некто, нечто, некоторый, некий, какой-нибудь, какой-либо, какой-то, кто-либо, кто-нибудь; кто-то.*

* * *

Ты—чудо из божьих чудес,
ты—мысли светильник и пламя,
ты—луч нам на землю с небес,
ты—нам человечества знамя.
Ты гонишь невежества ложь,
ты вечною жизнию ново,
ты к свету, ты к правде ведешь,
Свободное слово!

§ 54. Склонение местоимений—существительных.

	единств. ч.						
И. я	ты	он	она	оно	—	кто?	что?
Р. меня	тебя	его	ее	его	себя	кого	чего
Д. мне	тебе	ему	ей	ему	себе	кому	чему
В. меня	тебя	его	ее	его	себя	кого	что
Т. мною	тобою	им	ею	им	собою	кем	чем
П. обо мне	о тебе	о нём	о ней	о нем	о себе	о ком	о чем

	множеств. ч.				
И. мы	вы	они			
Р. нас	вас	их			
Д. нам	вам	им			
В. нас	вас	их	нет		нет
Т. нами	вами	ими			
П. о нас;	о вас;	о них;			

§ 55. Склонение местоимений прилагательных.

единств. число.

И.	мой,	моя,	моё,	наш,	наша,	наше,	этот,	эта,	это,
Р.	моего,	моей,	моего,	нашего,	нашей,	нашего,	этого,	этой,	этого,
Д.	моему,	моей,	моему,	нашему,	нашей,	нашему,	этому,	этой,	этому,
В.	= именит. или родит.	мою,	моё,	= именит. или родит.	нашу,	наше,	= именит. или род. п.	эту,	это,
Т.	моим,	моею (ей),	моим,	нашим,	нашею(ей)	нашим,	этим,	этою(ой),	этим,
П.	о моем,	о моей,	о моем,	о нашем,	о нашей,	о нашем;	об этом,	об этой,	об этом,

множеств. число.

И.	мои	наши	эти
Р.	моих	наших	этих
Д.	моим	нашим	этим
В.	= именит. или род. п.	= именит. или род. п.	= именит. или род. п.
Т.	моими	нашими	этими
П.	о моих;	о наших;	об этих;

Единств. число.

И.	чей	чья	чьё	какой	какая	какое	весь	вся	всё
Р.	чьего	чьей	чьего	какого	какой	какого	всего	всей	всего
Д.	чьему	чьей	чьему	какому	какой	какому	всему	всей	всему
В.	= имен. или род. п.	чью	чьё	= имен. или род. п.	какую	какое	= имен. или род. п.	всю	всё
Т.	чьим	чьею (ей)	чьим	каким	какою (ой)	каким	всем	всею (ей)	всем
П.	о чьём	о чьей	о чьём	о каком	о какой	о каком	обо всём, обо всей, обо всём;		

Множеств. число.

И.	чьи	какие	все
Р.	чьих	каких	всех
Д.	чьим	каким	всем
В.	= имен. или род. п.	= имен. или род. п.	= имен. или род. п.
Т.	чьими	какими	всеми
П.	о чьих	о каких	обо всех;

				единств. число.					
И.	сам	сама	само	некий	некая	некое	самый	самая	самое
Р.	самого	самой	самого	некоего	некоей	некоего	самого	самой	самого
Д.	самому	самой	самому	некоему	некоей	некоему	самому	самой	самому
В.	самого	самоё	само	некоего	некую	некое	= именит. или род. п.	самую	самое
Тв.	самим	самою(ой)	самим	некиим	некоею(ей)	некиим	самым	самою	самым
П.	о самом	о самой	о самом	о некоем	о некоей	о некоем	о самом	о самой	о самом;
				множеств. число.					
И.		сами			некие			самые	
Р.		самих			некиих			самых	
Д.		самим			некиим			самым	
В.		самих			= именит. или род. п.			= именит. или род. п.	
Тв.		самими			некиими			самыми	
П.		о самих			о некиих			о самых	

§ 56.

Местоимения: *никто, ничто* склоняются как—*кто, что: никого, ничего, никому, ничему* и т. д.; если при этих местоимениях стоит предлог, то частица отрицания *ни* отделяется от местоимения—*кто, что*, а предлог ставится между частицей отрицания и формою *кто, что*; напр.: *ни у кого, ни к чему; ни с кем; ни при чём* и т. д.;

местоимения *некого, нечего* не имеют формы именит. падежа; в других падежах изменяются так же, как и местоим. *никто, ничто: некому, нечему; некем, нечем; не к кому, не к чему; не с кем, не при чём, не у кого, не у чего;*

местоимения же *некто и нечто* в значении *кто-то, что-то* не склоняются вовсе;

при склонении местоимений *кто—нибудь, что—нибудь* вторая составная их часть не изменяется;

местоимения — *твой, свой* склоняются как *мой; ваш* склоняется как *наш; тот* как *этот; который, некоторый, всякий, самый, каждый* — склоняются как прилагательные с окончаниями: *-ый* или *-ий, -ая, -ое.*

§ 57.

Глагол.

Посев.

Как только *провяла* земля, *начались* полевые работы, т. е. посев ярового хлеба, и отец *стал ездить* всякий день на пашню. Всякий день я *просился* с ним, и только один раз *отпустила* меня мать. По моей усиленной просьбе отец *согласился* было *взять* с собою ружье, потому что в полях *водилось* множество полевой дичи; но мать *начала говорить*, что она *боится*, как-бы ружье не *выстрелило* и меня не *убило*, а потому отец, хотя *уверял*, что ружье *лежало бы* на дрогах незаряженное, *оставил* его дома. Я *заметил*, что ему самому *хотелось* взять ружье; я же очень горячо этого *желал*, а потому *поехал* несколько огорченный. Вид весенних полей скоро *привлёк* мое внимание, и радостное чувство, уничтожив неприятное, *овладело* моей душой. Поднимаясь от гумна на гору, я *увидел*, что все долочки весело *зеленели* сочною травою, а гривы или кулиги дикого персика, которые *тянулись* по скатам крутых холмов, были осыпаны розовыми цветочками, издававшими сильный ароматический запах. На горах *зацветала* вишня и дикая акация или чилижник. Жаворонки так и *рассыпались* песнями вверху; иногда

проносился крик журавлей, вдали *заливался* звонкими трелями кроншнеп, *слышался* хриплый голос кречоток, стрепета, *поднимались* с дороги и тут же *садились*. Не один раз отец говорил: „жалко, что нет с нами ружья“. Это был особый птичий мир, совсем не похожий на тот, который под горою населял воды и болота, и он показался мне еще прекрасней. Тут только, на горе, почувствовал я неизмеримую разность между атмосферами внизу и вверху! Там пахло стоячею водой, тяжелою сыростью, а здесь воздух был сух, ароматен и лёгок; тут только я почувствовал справедливость жалоб матери на низкое место в Багрове. Вскоре зачернелись полосы вспаханной земли, и, подъехав, я увидел, что крестьянин, уже не молодой, мерно и бодро ходит взад и вперед по десятине, рассевая вокруг себя хлебные семена, которые доставал он из лукошка, висящего у него через плечо. Издали за ним шли три крестьянина за сохами; запряженные в них лошадки казались мелки и слабы, но они, не останавливаясь и без напряженного усилия, взрывали черноземную почву, рассыпая рыхлую землю направо и налево, разумеется, не новь, а мякоть, как называлась там несколько раз пахатная земля; за ними тащились три бороны с железными зубьями, запряженные такими же лошадками: ими управляли мальчики. Несмотря на утро и еще весеннюю свежесть, все люди были в одних рубашках. И весь этот, повидимому, тяжелый труд производился легко, бодро и весело. Глядя на эти правильно и непрерывно движущиеся фигуры людей и лошадей, я забыл окружающую меня красоту весеннего утра. Важность и святость труда, которых я не мог тогда вполне ни понять, ни оценить, однако, глубоко поразили меня. Отец пошел на вспаханную, но еще не заборонованную десятину, стал что-то мерять своей палочкой и считать; а я, оглянувшись вокруг себя и увидя, что в разных местах много людей и лошадей двигались так же мерно и в таком же порядке взад и вперед,—я крепко задумался, сам хорошенько не зная, о чем. Отец воротясь ко мне и найдя меня в том же положении, спросил: „что ты, Сережа“? Я отвечал множеством вопросов о работающих крестьянах и мальчиках, на которые отец отвечал мне удовлетворительно и подробно. Слова его запали мне в сердце. Я сравнивал себя с крестьянскими мальчиками, которые целый день от восхода до заката солнечного бродили взад и вперед, как по песку, по рыхлым десятинам, которые кушали хлеб да воду,—*и мне стало совестно, стыдно, и я решился просить отца и мать, чтобы меня заставили бороновать землю.* Полный таких мыслей, воротился я домой и принялся передавать матери мои впечатления и желание работать. Она смеялась, а я горячился... Через несколько времени действительно мне позволили попробовать бороновать землю. Оказалось, *что* я

никуда не годен: не умею ходить по вспаханной земле, не умею держать вожжи и править лошадью, не умею заставить ее слушаться. *Крестьянский мальчик шел рядом со мной и смеялся. Мне было стыдно и досадно*, и я никогда уже не поминал об этом.

Аксаков.

Мы уже знаем, что в нашей речи есть слова, которые означают название признака предмета, но не находящегося в предмете, не пребывающего в нем, как его отличительная черта, а производимого действием самого предмета.

К числу таких слов в приведенном выше отрывке — „Посев" относятся:

провяла (земля); *начались* (работы); *стал ездить; я просился*; *отпустила* меня мать; отец *согласился* меня *взять; водилось* много дичи; мать *начала говорить* и др.

Эти слова называются *глаголами:*

Рассмотрим же теперь важнейшие формальные особенности этой группы слов, в сравнении с другими частями речи, и постараемся на основании этих особенностей определить, какие слова в речи не только по значению, но и по форме мы называем глаголами.

§ 58.

Залоговые глагольные формы.

Прежде всего, сопоставляя такие слова, как: *провяла, стал, ездить, отпустила, взять, начала, говорить, выстрелило, убило, уверял, лежало бы, оставил, я заметил, я желал, поехал* и т. д. с словами: *начались, я просился*, отец *согласился*, она *боится, водилось*, ему *хотелось; тянулись; рассыпались; проносился; заливался; слышался; поднимались, садились* и т. д., мы убеждаемся в том, что одни глаголы оканчиваются на *-ся* или *-сь*, а другие глаголы этого окончания не имеют. И сколько бы и каких бы глаголов мы ни взяли, всегда окажется, что тот или другой глагол или имеет окончание *-ся (-сь)* или его не имеет. Рассмотрите все глаголы в данной статье до конца её, и вы в этом легко сами убедитесь. Следовательно, одни глагольные формы имеют в окончании *-ся (-сь)*, другие его не имеют; глагольные формы с окончанием *-ся (-сь)* называются формами *возвратного залога*, а формы без *-ся (-сь)*—формами *невозвратного залога.*

Итак, первую формальную особенность глаголов русского языка составляет их способность изменяться по залогам; формальным признаком залога служит конечная частица *-ся* или *-сь*; есть она в глаголе—мы имеем форму *возвратного залога*, нет её—форму *невозвратного залога*.

§ 59.

Каждая форма слова в языке всегда бывает тесно связана со значением слова. Если изменяется форма слова, то изменяется непременно и значение слова.

Постараемся же выяснить, как изменяется значение слова—глагола в зависимости от изменения его по залогам.

В рассказе „Посев" мы находим, между прочим, такую фразу: *стрепета поднималась с дороги и тут же садились*. В этой фразе имеется два глагола возвратного залога: *поднималась* и *садились*. Эти же два глагола, взятые в форме невозвратного залога, изменились бы ты так; *поднимали, садили*.

Если бы мы сказали: *солдаты поднимали своих раненых товарищей и садили их в повозки* — мы употребили бы в этой фразе те же глаголы в форме невозвратного залога. На этих примерах мы видим существенную разницу в значении форм возвратного и невозвратного залога. В словах: стрепета *поднимались* и *садились* — говорится о действии предмета, происходящем в самом же предмете и вносящем известное изменение в его состояние; в словах: солдаты *поднимали своих* раненых *товарищей* и *садили их* в повозки— говорится о действии предмета, *переходящем на другой предмет*. При глаголах — *поднимали* и *садили* мы непременно спросим — *кого? Солдаты поднимали...* кого? Ответ: *своих раненых товарищей. Солдаты садили...* кого? Ответ: *их*, т. е. своих раненых товарищей.

Такой вопрос не мыслим при глаголах, оканчивающихся на *-ся (-сь)*: *стрепета поднимались с дороги и тут же садились*, так как глаголы *поднимались* и *садились* обозначают действие, происходящее в самом же действующем предмете и вызывающее изменение в его собственном состоянии. Глагольные формы, обозначающие действие, переходящее на другой предмет, называются *переходными*; остальные—*непереходными*.

Следовательно, глаголы невозвратного залога *(поднимали, садили)* бывают переходными по значению, но как только они изменяют свою форму и становятся глаголами возвратного залога, они вместе с тем по значению становятся непереходными. Особенно ясно видна эта зависимость между

залоговою формою глагола и значением слова—глагола на таких словах, как: *мою* и *моюсь*, *купаю* и *купаюсь*, *одеваю* и *одеваюсь*, *кормлю* и *кормлюсь* и т. п. Глаголы: *мою*, *купаю*, *одеваю*, *кормлю* —переходные по значению и невозвратного залога по форме; те же глагалы с *-ся (-сь)*: *моюсь*, *купаюсь*, *одеваюсь*, *кормлюсь*—непереходные по значению и возвратного залога по форме.

Итак, на вопрос, что такое *залог?* мы могли бы ответить: *залог это форма глагола, с которою в нашем сознании связывается всякий раз то или другое различие его значения.*

Глаголы *возвратного залога* по значению распадаются на несколько групп, важнейшие из этих групп следующие:

1) глаголы возвратного залога *возвратно-переходного* значения: *умываюсь*, *одеваюсь*, *купаюсь*;

2) глаголы возвратного залога *взаимно-переходного* значения: *сражаться*, *драться*, *ругаться*, *обниматься*, *препираться*;

3) глаголы возвратного залога, обозначающие перемену в состоянии действующего предмета; это самая многочисленная в нашем языке группа глаголов возвратного залога. В приведенном выше рассказе „Посев“ этих глаголов наибольшее количество: *начались* полевые работы; всякий день я *просился* с ним; по моей усиленной просьбе отец *согласился* было взять с собою ружье; в полях *водилось* множество полевой дичи; ему самому *хотелось* взять ружье; которые *тянулись* по скатам крутых холмов; жаворонки так и *рассыпались* песнями вверху *прочосился* крик журавлей; *заливался* кроншнеп; стрепета *поднимались* с дороги и тут же *садились*... и т. д.;

4) глаголы возвратного залога *страдательного* значения, обозначающие действие, испытываемое предметом от другого предмета:... лошадки... взрывали сошниками черноземную почву, рассыпая рыхлую землю направо и налево, разумеется, не новь, а мякоть, как *называлась* там несколько раз пахатная земля. И весь этот, повидимому, тяжелый труд *производился* легко, бодро и весело ..;

5) глаголы возвратного залога *общего* значения; это глаголы, не употребляющиеся без *-ся (-сь)*: мать начала говорить, что она *боится*, как бы ружье не выстрелило; крестьянский мальчик шел рядом со мной и *смеялся*.

§ 61.

Мы уже знаем, что глагольные формы возвратного залога всегда непереходного значения, т. е. обозначают признак, создаваемый деятельностью самого же предмета, но

деятельностью, не переходящею на другой предмет, т. е. при них никогда не может быть винительного падежа без предлога; действие, обозначаемое начальною формою возвратного залога, или переходит на самый же действующий предмет, или совершается действующим предметом взаимно с другим предметом, или сосредоточивается в самом же действующем предмете, вызывая изменения в его состоянии и т. п.

Глаголы же *невозвратного* залога по своему значению могут быть *переходными* и *непереходными*.

В нашем рассказе „Посев" имеются следующие глаголы *невозвратного залога* переходного значения: и только один раз *отпустила* меня мать; отец согласился было *взять* с собою ружье; как бы ружье меня не *убило*; отец... *оставил* его дома; вид весенних полей скоро *привлёк* мое внимание; который под горою *населял* воды и болота; *почувствовал* я неизмеримую разность и т. д.;

глаголы *невозвратного залога* непереходного значения: как только *провяла* земля; как бы ружье не *выстрелило*; ружье *лежало бы* на дрогах; я... *поехал* несколько огорченный; все долочки весело *зеленели* сочною травкою; крестьянин... мерно и бодро *ходит* взад и вперед; издали за ним *шли* три крестьянина; на горах *зацветала* вишня; там *пахло* стоячею водою; ими *управляли* мальчики и т. д.

Задачи: 1) Подчеркнуть в рассказе „Посев" все глаголы возвратного залога волнистою линией, а невозвратного залога — прямою линией;

2) выписать из этого рассказа глаголы возвратного залога той или иной группы по значению, двух любых групп и т. д.;

3) выписать из того же рассказа глаголы невозвратного залога непереходного значения; или — переходного значения;

4) составить ряд фраз с глаголами той или иной группы;

5) написать рассказ на какую либо тему, подчеркнуть в нем все глаголы и уметь определить их залог и значение;

6) нарисовать картинку и написать к ней рассказ, чтобы в него входили, согласно с содержанием картинки, глаголы какого угодно залога и значения.

§ 62.

Виды.

I.

В одну минуту *засверкали* серпы, горсти ржи *замелькали* над головами работников, и шум от резки жесткой соломы еще звучнее, сильнее разнесся по всему полю...

С. Аксаков.

Тут соловей являть свое искусство стал:
защёлкал, *засвистал*
на тысячу ладов, тянул, переливался...
...*Затихли* ветерки, *замолкли* птичек хоры,
и прилегли стада...

Крылов.

Журавль свой нос по шею
засунул волку в пасть, и с трудностью большою
кость вытащил...

Крылов.

Завистливый паук
на барыши купца прельстился;
задумал на продажу ткать,
купца *затеял* подорвать...

Крылов.

А если невпопад *залаю*,
то и побои принимаю.

Крылов.

Наконец „Зеркало добродетели“ перестало поглощать мое внимание и удовлетворять моему ребячьему любопытству; мне *захотелось* почитать других книжек.

С. Аксаков.

II.

День только что *начинался*. По бледному голубому небу там и сям точно клочьями повисли мохнатые, пушистые облака...

Гарин.

Я *возвращался* с охоты и *шел* по аллее сада. Собака *бежала* впереди меня...

Тургенев.

Набегавшись досыта, сидишь бывало за чайным столом на своем высоком креслице; уже поздно; давно выпил свою чашку молока с сахаром; сон *смыкает* глаза, но не *трогаешься* с места, *сидишь* и *слушаешь*...

Л. Толстой.

Тяжело, я думаю, было Наталье Саввишне *жить* и еще тяжелее *умирать* одной в большом Петровском доме без родных, без друзей.

Л. Толстой.

С некоторого времени стал я *замечать*, что моя мать нездорова. Она не *лежала* в постели, но *худела*, *бледнела* и *теряла* силы с каждым днем...

С. Аксаков.

Когда мы *проезжали* между хлебов... я попросил отца остановиться.

С. Аксаков.

Так *потчевал* сосед Демьян соседа Фоку и не *давал* ему ни отдыха ни сроку.

Крылов.

Ясно утро. Тихо *веет*
теплый ветерок;
луг, как бархат, *зеленеет*,
в зареве восток.
Окаймленное кустами
молодых ракит,
разноцветными огнями
озеро *блестит*.
Тишине и солнцу радо,
по равнине вод
лебедей ручное стадо
медленно *плывет*...

Никитин.

III.

Колокол *ударял* твердо и определенно по одному разу в две или даже в три секунды; но это был не набат, а какой-то приятный, плавный звон...

Достоевский.

Я не один уже раз *переправлялся* через Белую...

С. Аксаков.

Когда мы стали *подплывать* к другому, отлогому берегу и, по мелкому месту, пошли на шестах к пристани, я уже совершенно опомнился.

С. Аксаков.

Захар, как *бывало* нянька, натягивает ему чулки, надевает башмаки; а Ильюша, уже четырнадцатилитний мальчик, только и знает, что подставляет ему, лежа, то ту, то другую ногу...

Гончаров.

Волчиха была слабого здоровья, мнительная; она *вздрагивала* от малейшего шума и все думала о том, как бы дома без неё кто не обидел волчат.

Чехов.

Молодая рыжая собака, очень похожая мордой на лисицу, бегала взад и вперед по тротуару и беспокойно *оглядывалась* по сторонам. Изредка она *останавливалась* и, плача, *приподнимала* то одну озябшую лапу, то другую, старалась дать себе отчет: как это могло случиться, что она заблудилась?..

А. Чехов.

— И тут Ермил про мельницу
народу рассказал:
„давно купец Алтынников
присватывался к мельнице,
да не плошал и я“...

Некрасов.

Глядеть весь город съехался,
как в день базарный—пятницу,
через неделю вр мени,
Ермил на той же площади
рассчитывал народ...

Некрасов.

Осел увидел соловья
и говорит ему: „Послушай-ка, дружище,
ты, *сказывают*, петь великий мастерище...

Крылов.

„Негодные!“ кричит: „хохлатки, дуры!
Я и без вас воды не знаю где достать,
а вы пришли её здесь вдосталь *допивать*.

Крылов.

Какой-то муравей был силы непомерной,
какой не с[illegible]ано ни в древни времена...
при том и [illegible]рабрости за чудо почитался:
где-б ни завидел паука,
тотчас в него впивался,
и даже *хаживал* один на паука...

Крылов.

IV.

Тонкой глубокой щёлью *сверкнула* пред Тёмой в бесконечной глубине мрака неподвижная, прозрачная, точно зеркальная гладь зловонной поверхности, тесно обросшая со всех сторон слизистыми стенами полусгнившего сруба. Каким то ужасом смерти *пахнуло* на него со дна этой далёкой страшной глади...

Гарин.

Молча *прокрались* юные путешественники к лодкам, *выбрали*, какая была навзгляд получше и попрочнее, *нашли* тут же два весла, руль; осторожно озираясь, *спустили* лодку на воду, *сели*, *оттолкнулись* и стрелою *понеслись* в темноте ночной по темноводной, вздувшейся реке...

Гусев-Оренбургский.

Когда все *собрались* в гостиной около круглого стола чтобы в последний раз *провести* несколько минут вместе мне и в голову не приходило, какая грустная минута предстоит нам...

Л. Толстой.

В испуге, *вскочила* она на лавку,—кошка за нею; *перепрыгнула* на лестницу,—кошка и туда, и вдруг *бросилась* к ней на шею и душит её. С криком оторвавши от себя *кинула* ее.

Гоголь.

Прибежали в избу дети,
второпях зовут отца:
„тятя, тятя, наши сети
притащили мертвеца...

Пушкин.

Выпишем из приведенных выше примеров всё подчеркнутые глаголы и расположим их по группам сообразно группам примеров:

I. *засверкали* серпы, *замелькали*, соловей *защелкал*,—*засвистал, затихли* ветерки, *замолкли* хоры, журавль *засучил*, паук *задумал*,—*затеял*, а если *залаю*, мне *захотелось*;

II. день начинался, я возвращался, я шел, собака бежала, сон смыкает глаза, не трогаешься, слушаешь, жить, умирать, я стал замечать, она лежала, она худела, она бледнела, она теряла, мы проезжали, сосед потчевал, не давал, ветерок веет, луг зеленеет, озеро блестит, стадо плывет;

III. колокол *ударял* по одному разу в две или даже в три секунды; я не один уже раз *переправлялся;* мы стали *подплывать; бывало;* волчиха *вздрагивала*; собака *оглядывалась*, изредка *останавливалась* и *приподнимала* то одну озябшую лапу, то другую; купец давно *присматывался*; Ермил *рассчитывал* народ; *сказывают;* пришли *допивать*; и даже *сажывал* один на паука;

IV. гладь *сверкнула;* ужасом смерти *пахнуло;* путешественники *прокрались, нашли, спустили, сели, оттолкнулись* и стрелою *понеслись;* когда все *собрались*, чтобы *провести* несколько минут вместе; она *вскочила, перепрыгнула* и вдруг *бросилась, кинула;* дети *прибежали*; сети *притащили*.

Мы уже знаем, что с залоговыми глагольными формами в нашем сознании всегда связывается мысль об известных различиях значения одного и того же слова—глагола. Скажем ли мы слово—*мою* (форма невозвратного залога), мы этим словом связываем определенную мысль о действии, переходящем на другой предмет; скажем мы то же самое слово—глагол, но в форме возвратного залога—*моюсь*, и мы этою формою слова уже будем связывать мысль о подобном же действии, что и в слове—*мою*, но действии, переходящем не на другой предмет, а на самый же действующий предмет: *мою*—это значит „я мою какой то другой предмет“ *моюсь* значит— „я мою самого себя“.

Оказывается, однако, что особыми глагольными фор мами можно варажать не только оттенки различия значени одного и того же слова-глагола, но и различные оттенк момента выявления предметом чрез действие того или иног признака. Сравним, напр., глаголы: соловей *защелкал*; *засви стал*; *задумал*; а если *залаю* и т. п. (I) с теми же словами но взятыми несколько в иной форме: *щелкал*, *свистал*, *думал лаю* или: щелкнул, просвистал, подумал, пролаю и т. п В то время как глагольные формы: *щелкал*, *свистал*, *думал лаю*—обозначают действие, длившееся в прошлом *(щелкал свистал*, *думал)* или длящееся в настоящем времени *(лаю)* глагольные формы: *щелкнул*, *просвистал*, *подумал*, *пролаю*— обозначают действие или начавшееся и уже закончившеес (*щелкнул*, *просвистал*, *подумал*), или же такое, которое, есл и начнется, то сейчас же и закончится, не будет длительны *(пролаю)*. Если с формами: *щелкал*, *свистал*, *думал*, *лаю* и формами: *щёлкнул*, *просвистал*, *подумал*, *пролаю*—мы сопо ставим формы: *защёлкал*, *засвистал*, *задумал*, *залаю*, то мы легко убедимся в том, что с этими последними формам вовсе не связывается мысли о действии, которое длилос долгое время или и теперь еще длится, или о действии уж закончившемся или о таком, которое, будучи начатым, тот час же и закончится; напротив, глагольными формами: *за щёлкал*, *засвистал*, *задумал*, *залаю* обозначается начинатель ный момент действия, происходило ли дело в прошлом (з а щ е л к а л, з а с в и с т а л, з а д у м а л) или же оно сейчас на чинается для того, чтобы затем продолжаться (з а л а ю).

Глагольная форма, помощью которой обозначаются речи различные оттенки момента действия или момента вы явления действующим предметом в действии того или иног признака, называется в грамматике *видом* глагола.

Глагольная форма, выражающ я мысль о начальном моменте действия, называется *начальным видом* глагола.

С сравнении с глагольными формами: з а щ е л к а л, з а с в и с т а л, з а д у м а л и т. п. формы: день *начинался*, я *воз вращался*, я *шёл*, собака *бежала*, сон *смыкает* глаза, н *трогаешься* и т. д. (II) выражают действие, длившееся прошлом или длящееся в настоящем, т. е. действие длитель ное, не законченное, продолжающееся; такая глагольна форма называется *несовершённым видом*.

Сопоставим с формою несовершенного вида такие гла гольные формы, как: *ударял*, *переправлялся*, стали *подпл вать*, *бывало*, *вздрагивала*, *оглядывалась*, *приподнимала*, *при сватывался* и т. д. (III), и мы увидим, что эти формы обоз начают тоже не законченное, продолжающееся в прошлом ил в настоящем времени действие, т. е. что они тоже несовер шенного вида, но вместе с тем в них заключен новый до

олнительный оттенок мысли, именно: оттенок повторяемости ействия: колокол *ударял* по одному разу в две или даже три секунды; я не один раз уже *переправлялся* и т. д.; в тих примерах повторяемость действия *ударял* и *переправ-ялся* указана особыми дополнительными словами: *ударял* — о одному разу в две или даже в три секунды; *переправ-ялся* — не один уже раз; эти дополнительные слова и при-ают формам несовершенного вида — *ударял* и *переправлялся* ттенок значения повторяемости действия. Но в нашем языке сть и такие глагольные формы, с которыми мы всегда не-еременно связываем мысль о повторяемости действия, не уждаясь для этого ни в каких специальных дополнитель-ых словах, т. е. такие глагольные формы, которые уже сами обою, одни выражают мысль о повторяемости действия, апр.: мы стали *подплывать*, волчиха *вздрагивала;* собака *лядывалась*; купец *присватывался; хаживал* и т. п.

Такие глагольные формы называются — *несовершенным ногократным* видом.

Рассмотрим, наконец, гваголы нашей четвертой группы римеров: гладь *сверкнула;* путешественники *прокрались*, *шли, спустили, сели, оттолкнулись, понеслись* и т. д. акой оттенок значения выражается этими глагольными фор-ами? Чтобы ответить на этот вопрос, сопоставим глаголь-ые формы: сверкнула, прокрались, нашли и т. д., с кими, напр., формами: сверкала, крались, находили, пускали, садились, отталкивались, носились. и последние формы нам уже известны: они глагольные рмы несовершенного вида, т. как они обозначают действие одолжающееся. Если же формы: сверкала, крались, ходили и т. д. несовершенного вида, то в сопоставле-и с ними формы: *сверкнула, прокрались, нашли, спустили* пр. представляются формами *совершенного вида*, т. к. они означают действие начатое и уже оконченное.

Итак, глаголы в русском языке изменяются по *видам*, разуя четыре главнейших видовых формы: форму *начина-льного* вида, форму *несовершенного* вида, форму *несо-ршенного - многократного* вида, и форму *совершенного* да.

дачи: 1) Составить по нескольку фраз, в которые входили бы глаголы различных видовых форм.

2) Составить рассказ, в который входили бы глаголы различных видовых форм.

3) Упражняться в различении глагольных видовых форм по отрывку „Посев".

§ 63.

Спряжение.

Песня пахаря.

Ну, тащися, сивка,
пашней, десятиной,
выбелим железо
о сырую землю.
Красавица зорька
в небе загорелась,
из большого леса
солнышко выходит.
Весело на пашне;
ну, тащися, сивка!
Я сам—друг с тобою,
слуга и хозяин.
Весело я лажу
борону и соху,
телегу готовлю,
зёрна насыпаю.
Весело гляжу я
на гумно на скирды,
молочу и вею...
Ну, тащися, сивка!
Пашенку мы рано
с сивкою распашем,
зёрнышку сготовим
колыбель святую.
Его вспоит, вскормит
мать—земля сырая;
выйдет в поле травка—
ну, тащися, сивка!
Выйдет в поле травка—
вырастет и колос,
станет спеть, рядиться
в золотые ткани.
Заблестит наш серп здесь
зазвенят здесь косы;
сладок будет отдых
на снопах тяжелых!
Ну, тащися, сивка!
Накормлю досыта,
напою водою,
водой ключевою.
С тихою молитвой
Я вспашу, посею:
уроди мне, Боже,
хлеб—мое богатство!

Кольцов.

Вопросы для беседы: какие моменты крестьянской работ отмечены в этом стихотворении? как крестьянин относится своей лошади? почему крестьянину весело на пашне? ка крестьянин относится к своей работе?

Дорогая копеечка.

Я возвращался с работы один, с конвойным. Навстреч мне прошла мать с дочерью. Дочь была девочка лет девят Я уже видел их раз. Мать была солдатка, вдова. Муж е был под судом и умер в больнице, в арестантской палат В то время и я там лежал больной. Жена и дочь прихо дили в больницу прощаться с покойным; обе ужасно пла кали. Увидя меня, девочка закраснелась и прошептала что

то матери. Мать тотчас же остановилась, отыскала в узелке что-то и дала девочке. Девочка бросилась бежать за мной. Она сунула мне в руку монетку и сказала: „На, несчастненький, прими Христа-ради копеечку!“ Я взял копеечку, и девочка возвратилась к матери совершенно довольная. Эту копеечку я и теперь храню у себя.

Достоевский.

Вопросы для беседы: почему девочка подала Достоевскому копеечку? Почему Достоевский принял это подаяние? почему эту копеечку он „и теперь хранит у себя“.

На Волге.

Не торопись, мой верный пес!
Зачем на грудь ко мне скакать?
Еще успеем мы стрелять.
Ты удивлен, что я прирос
На Волге: целый час стою
недвижно, хмурюсь и молчу.
Я вспомнил молодость мою
И весь отдаться ей хочу
здесь на свободе. Я похож
на нищего; вот бедный дом;
тут, может, подали бы грош;
но вот другой—богаче: в нем,
авось, побольше подадут;
и нищий мимо; между тем
в богатом доме дворник-плут
не наделил его ничем.
Вот дом еще пышней, но там
чуть не прогнали по шеям!
И, как нарочно, все село
прошел—нигде не повезло!
Пуста, хоть выверни, сума.
Тогда вернулся он назад
к убогой хижине—и рад,
что корку бросили ему;
бедняк ее, как робкий пес,
подальше от людей унес
и гложет...

Некрасов.

Нива.

Нива, моя нива,
нива золотая!
зреешь ты на солнце,
колос наливая.
по тебе от ветра,
словно в синем море,
волны так и ходят,
ходят на просторе.
Над тобою с песней
жаворонок вьется;
над тобой и туча
грозно пронесётся.
Зреешь ты и спеешь
колос наливая,
о людских заботах
ничего не зная.
Унеси ты, ветер,
тучу градовую!
сбереги нам, Боже,
ниву трудовую!

Жадовская.

Казачья колыбельная песня.

Спи, младенец мой прекрасный,
баюшки—баю.
Тихо смотрит месяц ясный
в колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
песенку спою;
ты-ж дремли, закрывши глазки,
баюшки—баю.
По камням струится Терек,
плещет мутный вал;
злой чечен ползет на берег,
точит свой кинжал.
Но отец твой—старый воин
закалён в бою;
спи, малютка, будь спокоен,
баюшки—баю.
Сам узнаешь—будет время—
бранное житье.
Смело вденешь ногу в стремя
и возьмешь ружье.
Я седельце боевое
шелком разошью...
Спи, дитя мое родное,
баюшки—баю.
Богатырь ты будешь с виду
и казак душой.
Провожать тебя я выйду—
ты махнешь рукой...
Сколько горьких слез украдкой

я в ту ночь пролью!..
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
баюшки—баю.
Стану я тоской томиться,
безутешно ждать;
стану целый день молиться,
по ночам гадать;
стану думать, что скучаешь
ты в чужом краю...
Спи-ж пока забот не знаешь,
баюшки—баю.
Дам тебе я на дорогу
образок святой;
ты его, моляся Богу,
ставь перед собой,
да готовясь в бой опасный,
помни мать свою...
Спи, младенец мой прекрасный,
баюшки—баю.

Лермонтов.

Вопросы для беседы: Какие моменты в жизни казака отмечены в стихотворении? душевное состояние матери в минуты разлуки ее с сыном? какой завет дает мать своему сыну, и в чем заключается сила этого завета? Какими чертами в этом стихотворении рисуется жизнь казака?

Добрая лисица.

Стрелок весной малиновку убил.
Уж пусть бы кончилось на ней несчастье злое,
но нет, за ней еще должны погибнуть трое:
он бедных трех ее птенцов осиротил.
Едва из скорлупы, без смыслу и без сил,
малютки терпят голод и холод,
и писком жалобным зовут напрасно мать.
„Как можно не страдать,
малюток этих видя,
и сердце чье об них не заболит?“—
лисица птицам говорит,
на камушке против гнезда сироток сидя:
— „не киньте, милые, без помощи детей;
хотя по зернышку бедняжкам вы снесите,
хоть по соломинке к их гнездышку приткните:
вы этим жизнь их сохраните;
что дела доброго святей!

Кукушка, посмотри, ведь ты и так линяешь:
не лучше-ль дать себя немножко ощипать,
и перьем бы твоим постельку их устлать?
Ведь по-пусту-ж его ты растеряешь.
Ты, жаворонок, чем по верхам
тебе кувыркаться, кружиться,
ты-б корму поискал по нивам, по лугам,
чтоб с сиротами поделиться.
Ты горлинка, твои птенцы уж подросли,
промыслить корм они и сами бы могли:
так ты бы с своего гнезда слетела,
да вместо матери, к малюткам села,
а деток бы твоих пусть Бог берег.
Ты-б, ласточка, ловила мошек
полакомить безродных крошек.
А ты бы, милый соловей,
ты знаешь, как всех голос твой прельщает,
меж тем, пока зефир их с гнездышком качает;
ты-б убаюкивал их песенкой своей.
Такою нежностью, я твердо верю,
вы-б заменили им их горькую потерю.
Послушайте меня: докажем, что в лесах
есть добрые сердца, и что"... При сих словах
малютки бедные все трое,
не могши с голоду сидеть в покое,
попадали к лисе наниз.
Что-ж кумушка?—Тотчас их съела
и поученья не допела.

Крылов.

Слепой.

... На следующий день, сидя на том же месте, мальчик вспомнил о вчерашнем столкновении. В этом воспоминании теперь не было досады. Напротив, ему даже хотелось, чтобы опять пришла эта девочка с таким приятным, спокойным голосом, какого он никогда еще не слыхал. Знакомые ему дети так громко кричали, смеялись, дрались и плакали, но ни один из них не говорил так приятно. Ему стало жаль, что он обидел незнакомку, которая, вероятно, никогда более не вернется.

Действительно, дня три девочка совсем не приходила. Но на четвертый день Петрусь услышал ее шаги внизу, на берегу реки. Она шла тихо и напевала вполголоса песенку.

Послушайте!—окликнул он, когда она с ним поравнялась.—Это опять вы?

Девочка не ответила. В деланной беззаботности ее голоса, напевавшего песню, мальчику слышалась еще незабытая обида.

Однако, пройдя несколько шагов, незнакомка остановилась. Две-три секунды прошло в молчании. Она перебирала в это время букет полевых цветов, который держала в руках, а он ждал ответа. В этой остановке и последовавшем за нею молчании он уловил оттенок умышленного пренебрежения.

— Разве вы не видите, что это я? — спросила она, наконец, с большим достоинством, покончив с цветами.

Этот простой вопрос больно отозвался в сердце слепого. Он ничего не ответил, и только его руки, которыми он упирался в землю, как то судорожно схватились за траву. Но разговор уже начался, и девочка, все стоя на том же месте и занимаясь своим букетом, опять спросила:

— Кто тебя выучил так хорошо играть на дудке?..

— Іохим выучил,—ответил Петрусь.

— Очень хорошо! Только, отчего ты такой сердитый?

— Я... не сержусь на вас,—сказал мальчик тихо.

— Ну, так и я не сержусь... Давай играть вместе...

— Я не умею играть с вами,—ответил он, потупившись.

— Не умеешь играть?.. Почему?

— Так.

— Нет, почему же?

— Так, — ответил он чуть слышно и еще более потупился.

Ему не приходилось еще никогда говорить с кем-нибудь о своей слепоте, и простодушный тон девочки, предлагавшей с наивной настойчивостью этот вопрос, отозвался в нем опять тупой болью.

Незнакомка поднялась на холмик.

— Какой ты смешной!—заговорила она, усаживаясь рядом с ним на траве. Это ты, верно, оттого, что еще со мной незнаком. Вот, узнаешь меня, тогда перестанешь бояться. А я не боюсь никого.

Она говорила это с беспечной ясностью, и мальчик услышал, как она бросила к себе в передник груду цветов.

— Где вы взяли цветы?—спросил он.

— Там, мотнула она головой, указывая назад.

— На лугу?

— Нет, там...

— Значит, в роще. А какие это цветы?

— Разве ты не знаешь цветов?.. Ах, какой ты странный... право, ты очень странный...

Мальчик взял в руки цветок. Его пальцы быстро и легко тронули листья и венчик...

Короленко.

Гонец.

Кто при звездах и при луне
так поздно едет на коне?
Чей это конь неутомимый
бежит в степи необозримой?
Казак на север держит путь,
казак не хочет отдохнуть
ни в чистом поле, ни в дубраве,
ни при опасной переправе.
Как стекло, булат его блестит;
мешок за пазухой звенит;
не спотыкаясь конь ретивый
бежит, размахивая гривой.
Червонцы нужны для гонца;
булат—потеха молодца;
ретивый конь—потеха тоже,
но шапка для него дороже.
За шапку он оставить рад
коня, червонцы и булат;
но выдаст шапку только с бою
и то лишь с буйной головою.
Зачем он шапкой дорожит?
Затем, что в ней донос зашит,
донос на гетмана злодея
Царю Петру от Кочубея.

Пушкин.

Акула.

Наш корабль стоял на якоре у берегов Африки. День был прекрасный; с моря дул свежий ветер, но к вечеру погода изменилась: стало душно, и точно из топленой печки, несло на нас горячим воздухом с пустыни Сахары.

Перед закатом солнца капитан вышел на палубу, крикнул: „купаться!“ и в одну минуту матросы попрыгали в воду, спустили в воду парус, привязали его и в парусе устроили купальню.

На корабле с нами были два мальчика. Мальчики первые попрыгали в воду, но им тесно было в парусе, и они вздумали плавать на перегонки в открытом море.

Оба, как ящерицы, вытягивались в воде и, что было силы, поплыли к тому месту, где был боченок над якорем.

Один мальчик сначала перегнал товарища, но потом стал отставать. Отец мальчика, старый артиллерист, стоял на

палубе и любовался на своего сынишку. Когда сын стал отставать, отец крикнул ему: „не выдавай! понатужься!“

Вдруг с палубы кто-то крикнул: „акула!“ и все мы увидали в воде спину морского чудовища. Акула плыла прямо на мальчиков.

— „Назад! назад! вернитесь! акула!“ закричал артиллерист. Но ребята не слыхали его, плыли дальше, смеялись и кричали еще веселее и громче прежнего.

Артиллерист, бледный, как полотно, не шевелясь, смотрел на детей.

Матросы спустили лодку, бросились в нее и, сгибая весла, понеслись, что было силы, к мальчикам; но они были еще далеко от них, когда акула, уже была не дальше 20-ти шагов.

Мальчики сначала не слыхали того, что им кричали, и не видали акулы, но потом один из них оглянулся, и мы все услышали пронзительный визг, и мальчики поплыли в разные стороны.

Визг этот как будто разбудил артиллериста. Он сорвался с места и побежал к пушкам. Он перевернул хобот, прилег к пушке, прицелился и взял фитиль.

Мы все, сколько нас не было на корабле, замерли от страха и ждали, что будет.

Раздался выстрел, и мы увидали, что артиллерист упал подле пушки и закрыл лицо руками. Что сделалось с акулой и мальчиком, мы не видали, потому что на минуту дым застлал нам глаза.

Но когда дым разошелся над водою, со всех сторон послышался сначала тихий ропот, потом ропот этот стал сильнее, и наконец, со всех сторон раздался громкий, радостный крик.

Старый артиллерист открыл лицо, поднялся и посмотрел на море.

По волнам колыхалось желтое брюхо мертвой акулы. В несколько минут лодка подплыла к мальчикам и привезла их на корабль.

Л. Толстой.

Зеркало и обезьяна.

Мартышка, в зеркале увидя образ свой,
тихохонько медведя толк ногой:
„смотри-ка, говорит: кум милый мой!
что это там за рожа?
какие у неё ужимки и прыжки!
Я удавилась бы с тоски,
когда бы на неё хоть чуть была похожа.

А ведь, признайся, есть
из кумушек моих таких кривляк пять—шесть:
я даже их могу по пальцам перечесть".
— „Чем кумушек считать трудиться,
не лучше-ль на себя, кума, оборотиться?"—
ей Мишка отвечал.
Но мишенькин совет лишь попусту пропал.

Крылов.

Личные глагольные формы.

В стихотворении Кольцова „*Песня пахаря*" встречаются, между прочим, такие строки:

Весело я лажу
борону и соху,
телегу готовлю,
зерна насыпаю.
Весело гляжу я
на гумно, на скирды,
молочу и вею...

В этом отрывке мы имеем следующие глаголы: *я лажу, готовлю, насыпаю, молочу, вею, гляжу.* Все это глагольные формы невозвратного залога и несовершенного вида. Но вместе с тем этим глагольным формам присуща и еще одна особенность, которая оеобенно ясно видна в первом слове: *я лажу,* благодаря тому, что при нем стоит личное местоимение 1-го л.—*я.* Глагольная форма — *я лажу* обозначает название признака предмета (или, в данном случае, лица), выявляемого деятельностью самого же говорящего лица. При глагольных формах: *готовлю, насыпаю, молочу, вею, гляжу* личного местоимения 1-го лица нет, и однако, все эти глагольные формы таковы по своему этимологическому составу, что они сами собою и без личного местоимения совершенно определенно указывают на то, что действующим лицом здесь является само же лицо говорящее, т. е. 1-е лицо. Этот признак лица в глагольных формах заключается в их окончании—*у* или —*ю,* так что всякий раз, когда мы встречаемся с подобною глагольною формою, будет ли при ней стоять личное местоимение *я* или не будет, мы всегда в своем сознании соединяем с нею значение глагольной формы 1-го лица. В других же глагольных формах, не имеющих подобного окончания, показателем формы 1-го лица служит личное местоимение, напр.: *я возвращался* с работы; *я лежал; я взял* („Дорогая копеечка"); *я прирос; я вспомнил* („На Волге") и т. п.

В стихотворении „*Нива*“ говорится, между прочим:

Нива, моя нива,
Нива золотая!
зреешь ты на солнце,
колос наливая,
о людских заботах
ничего не зная...

В этом отрывке встречается глагольная форма: *зреешь ты*. Стоящее при этой форме местоимение 2 го лица — *ты* ясно указывает на то, что глагольная форма *зреешь ты* или *ты зреешь* есть форма 2-го лица, т. е. что эта форма обозначает название признака, создаваемого деятельностью, но не самого же говорящего лица, а его собеседника, к которому лицо говорящее обращается с речью, для которого собеседник есть второе ляцо, называемое им словом — *ты*. Таким образом, глагольная форма — *ты зреешь* есть форма 2-го лица, о чем мы судим прежде всего по личному местоимению *ты*. Но и помимо местоимения *ты* в самой форме *зреешь* уже заключается признак 2-го лица, по которому мы всегда с подобною глагольною формою, будет ли стоять при ней личное местоимение 2-го лица или не будет, будем связывать значение именно 2-го лица; таким признаком этой глагольной формы служит окончание—*шь*. Поэтому, и с глагольною формою—*спеешь* в фразе: *зреешь ты и спеешь, колос наливая* — мы связываем значение 2-го лица, хотя при ней и нет личного местоимения.

В стихотворении: „*Казачья колыбельная песня*“ формы: *ты будешь, ты махнешь, ты скучаешь*—глагольные формы 2-го лица; на это указывает и их окончание—*шь* и стоящее при них личное местоимение 2-го лица. Но в этом же стихотворении встречаются и формы 2-го лица без личного местоимения: *узнаешь, вденешь, возьмешь не знаешь*. Такие же формы встречаются и в отрывке „*Слепой*“: *не умеешь играть?.. Вот узнаешь меня, тогда перестанешь бояться...*

Если же глагольная форма 2-го лица не имеет своего отличительного окончания—*шь*, тогда показателем 2-го лица при глагольной форме останется только личное местоимение 2-го лица, как это мы имеем, напр., в басне „*Добрая лисица*“ в следующих случаях: ты, жаворонок... *ты-б корму поискал*; ты, горлинка,... так *ты бы с своего гнезда слетела*; *ты-б*, ласточка, *ловила* мошек; *ты-б убаюкивал* их песенкой своей...

В стихотворении Пушкина „*Гонец*“ мы имеем, между прочим, такую фразу:

зачем он шапкой дорожит?

Личное местоимемие 3-го лица *он* при глагольной форме *дорожит* указывает на то, что по своему значению глагольная форма *он дорожит* есть форма 3-го лица, т. е. форма обозначающая признак предмета или лица, но действующим лицом в этом случае является не лицо говорящее *(я)*, и не его собеседник, к которому он обращается с своею речью *(ты)*, а какое то постороннее для него и для его собеседника третье лицо *(он, она, оно)*.

В глагольной форме *он дорожит* показателем 3-го лица служит личное местоимение *он*; это личное местоимение *он*, как название третьего для говорящего и его собеседника лица или предмета, может быть заменено любым другим названием предмета, и глагольная форма при этом останется без изменения. Действительно, такие формы мы имеем в стихотворении „*Гонец*“: кто *едет*, конь *бежит* казак *держит*; казак не *хочет;* булат *блестит*; мешок *звенит*.

Из этих глагольных форм 3-го лица мы видим, что признаком этой формы служит окончание—*т*. Этого формального признака вполне достаточно для того, чтобы с подобною глагольною формою мы всегда связывали в своем сознании значение 3-го лица, не нуждаясь даже в прибавлении к форме личного местоимениями *он, она, оно;* такую форму мы и имеем в фразе:

но *выдаст* шапку только с бою
и то лишь с буйной головою.

В стих. „*Песня пахаря*“ мы можем отметить, между прочим, следующие глагольные формы 3-го лица: его *вспоит вскормит* мать-земля сырая; *выйдет* в поле травка; *вырастет* и колос; *станет* спеть; *заблестит* наш серп здесь; сладок *будет* отдых.

В стих. „*Нива*“ можно отметить глагольные формы 3-го л.: жаворонок *вьется (-ся* есть признак возвратного залога); туча *пронесется;*

в стих. „*Казачья колыбельная песня*“: месяц *смотрит* Терек *струится;* мутный вал *плещет*; злой чечен *ползет точит* и т. д.

Если же глагольная форма не имеет окончания *-т*, то тогда показателем 3-го лица при подобных формах будет личное местоимение 3-го лица: *он, она, оно* или другое слово—название предмета: *он не слыхал; девочка пришла; не один не говорил; он обидел*; *девочка не приходила; Петрусь услышал; она шла и напевала; он окликнул*—и т. д. („Слепой“); *корабль стоял*; *дул ветер*; *капитан вышел на палубу и крикнул*: *один мальчик перегнал; отец стоял; артиллерист закричал* и т. д.

Итак, глагол может изменять свою форму **по лицам**: всех лиц—три: **первое, второе** и **третье**; формальным признаком первого лица служит окончание *-у* и *-ю* в глаголах невозвратного залога, а в глаголах возвратного залога *-уся* или *усь* и *-юся* или *-юсь*; формальным признаком 2 го лица служит окончание *-ишь* или *-ишься*; формальным признаком 3-го лица служит окончание *-т* или *-тся*; все эти окончания называются *личными окончаниями*.

§ 64.

Глагольные формы единственного и множественного числа.

В стихотворении Кольцова „*Песня пахаря*“ крестьянин говорит о самом себе: весело *я лажу* борону и соху, телегу *готовлю*, зёрна *насыпаю*...

Глагольными формами первого лица здесь обозначен ряд признаков, производимых единоличною деятельностью самого же говорящего лица (предмета). Но когда тот же крестьянин говорит о какой либо работе (действии), выполняемой им не единолично, а совместно с его лошадкой, он говорит: *выбелим* железо о сырую землю; пашенку *мы* рано сивкою *распашем*, зернышку *сготовим* колыбель святую. Глагольные формы: *выбелим*, *мы распашем*, *сготовим* обозначают признаки, производимые деятельностью самого же предмета, но не единоличною деятельностью, а совместно с другим или другими предметами. В первом случае—*я лажу*, *готовлю*, *насыпаю* — признак предмета создается деятельностью одного лица, во втором случае—деятельностью многих лиц. Поэтому глагольные формы: *я лажу*, *готовлю*, *насыпаю* называются формами *единственного числа*, а формы: *выбелим*, *мы распашем*, *сготовим* называются глагольными формами *множественного числа*.

И как глагольные формы единственного числа могут иметь три разных личных формы: форму 1-го лица, 2 го лица и 3-го лица, так же точно три личных формы имеют и глагольные формы множественного числа.

Так, напр., приведенные нами формы множественного числа: *выбелим*, *мы распашем*, *сготовим* — это глагольные формы множественного числа 1-го лица, потому что они обозначают признак, производимый деятельностью самого же лица говорящего (или предмета) совместно с другими лицами или предметами).

Такие же глагольные формы множественного числа 1-го лица мы находим и в других наших отрывках: напр., в стих Некрасова „*На Волге*“ автор говорит:

Еще *успеем мы* стрелять. — В рассказе Л. Толстого— „А к у л а“: И все *мы увидали* в воде спину морского чудовища; *мы* все... *замерли* от страха. — Из этих примеров мы видим, что показателем глагольной формы 1-го лица множеств. числа служит местоимение *мы*: *мы распашем*, *мы замерзли*; что местоимение *мы*, однако, не всегда сопровождает собою глагольные формы 1-го лица множеств. числа, так как в самом этимологическом составе этой формы есть существенный признак, по которому мы всегда данную форму понимаем именно как глагольную форму 1-го лица множеств. числа; таким признаком является здесь личное окончание — *м* (*выбелим* железо о сырую землю; зернышку *сготовим* колыбель святую). Если же глагольная форма лишена этого окончания, то единственным показателем ее значения, как формы множеств. ч. 1-го лица, служит в таком случае личное местоимение—*мы* (*мы увидали* в воде спину морского чудовища).

В басне Крылова — „Д о б р а я л и с и ц а“ есть, между прочим, такие строки: „Не киньте, милые, без помощи детей хотя по зернышку бедняжкам вы снесите, хоть по соломинке к их гнездышку приткните: *вы* этим жизнь их *сохраните*“. В этих словах добрая лисица обращается к птицам, приглашая их помочь несчастным сиротам малиновки и спасти их от голодной смерти. Глагольная форма: *вы сохраните* обозначает признак, который должен быть создан деятельностью, но не самого говорящего лица совместно с другими лицами (*мы*), а только этими другими лицами, к которым лицо говорящее обращается с своей речью, как к своим собеседникам. Таким образом, названная выше глагольная форма *вы сохраните* —это глагольная форма множественного числа 2-го лица. Показателем формы служит здесь личное местоимение 2-го лица — *вы*; но и в самом этимологическом составе рассматриваемой формы есть существенный признак, по которому мы и без личного местоимения — *вы* понимаем данную форму именно как форму 2-го л. множ. ч.; таким признаком служит здесь личное окончание 2-го лица множеств. ч. — *те*. В рассказе „*Слепой*“ девочка говорит слепому: *Разве вы не видите, что это я?* В этой фразе форма— *вы видите* есть глагольная форма 2-го лица множ. ч. В этом же рассказе мальчик спрашивает свою собеседницу: *Где вы взяли цветы?*—В этой фразе глагольная форма — *вы взяли* есть форма 2-го л. множ. числа, но показателем этой формы служит здесь только местоимение—*вы*; в самой же форме— *взяли* необходимого признака глагольной формы 2-го л. мно

жественного числа нет вовсе, а потому без местоимения—*вы* мы и не поняли бы, что значит *взяли*, т. е. кто взял? *мы взяли* или *вы взяли* или, быть может, *они взяли*.

В стихотворении Кольцова „*Песня пахаря*“ есть такие слова:

Заблестит здесь серп наш,
зазвенят здесь косы;
сладок *будет* отдых
на снопах тяжелых!..

Мы безошибочно можем сказать, что глагольные формы—*заблестит, будет*—это формы 3-го лица ед. числа, потому что они обозначают признак, производимый деятельностью какого-то постороннего, третьего лица, с точки зрения лица говорящего (*заблестит* серп, сладок *будет* отдых—а не само лицо говорящее заблестит или будет сладким, а также и не его собеседник); и при том имеют в себе существенный признак формы—личное окончание 3-го лица единственного числа — *т*. Что же касается глагольной формы—*зазвенят* косы, то по значению это тоже форма 3-го лица, но только множественного числа, на что указывает слово—*косы*; признаком глагольной формы 3-го лица множ. числа служит здесь личное окончание — *ят*; то же окончание мы имеем и в форме—волны так и *ходят* (*„Нива“*); кроме того, личными окончаниями глагольных форм 3-го л. множ. ч. служит местоимение—*они:* Мальчики первые попрыгали в воду, но им тесно было в парусе, и *они вздумали* плавать на перегонки в открытом море („Акула“). Вместо — *они* может стоять любое слово-название предмета: Но ребята не *слыхали* его, *плыли* дальше, *смеялись* и *кричали* еще веселей... (там-же). Глагольные формы: *слыхали, плыли, смеялись, кричали* не имеют существенного признака—личного окончания, но мы признаем в них в данном случае формы 3-го лица множеств. числа потому, что все они обозначают признак, создаваемый деятельностью третьего, для лица говорящего, предмета, и при том взятого во множественном числе (ребята).

Таким образом, глагол обладает способностью изменять свою форму по лицам и по числам. Всех лиц три: *первое (я, мы), второе (ты, вы)* и *третье (он, она, оно, они)*, а чисел два: *единственное* и *множественное*. Важнейшим признаком личных глагольных форм служат *личные окончания*: для форм единственного числа: 1) *-у, -ю*, 2) *-ишь*, 3) *-т*; для форм множеств. числа: 1) *-м*, 2) *-те*, 3) *-ут, (зовут), -ют (гуляют); -ат (слышат), -ят (терпят)*.

§ 65.

Временные глагольные формы.

В „*Песне пахаря*“ крестьянин говорит: „Из большого леса солнышко *выходит*“, но—„красавица зорька в небе *загорелась*“, и наконец: „пашенку мы рано с сивкою *распашем*, зернышку *сготовим* колыбель святую“. В этих трех фразах различными глагольными формами указаны три момента времени действия. Когда пахарь говорит: „из большого леса солнышко *выходит*“, глагольною формою *выходит* он обозначает одновременность действия солнца с его разговором, с его нахождением или пребыванием на пашне и т. п. Такие глагольные формы называются формами *настоящего времени*. Когда тот же пахарь говорит: „пашенку мы рано с сивкою *распашем*“, то глагольною формою *распашем* он обозначает действие, которое должно наступить или наступит когда то после его настоящего разговора; такие глагольные формы называются формами *будущего времени*. Наконец, когда крестьянин говорит: „красавица зорька в небе *загорелась*“, глагольною формою *загорелась* он отмечает действие, которое уже совершилось или наступило до его разговора; такие глагольные формы называются формами *прошедшего* времени.

Глагольные формы: *я лажу, готовлю, насыпаю, гляжу* („Песня пахаря“)—это глагольные формы 1-го лица единств. числа наст. времени;

глагольные формы: *ты зреешь*; *спеешь* („Нива“); *скучаешь*, не *знаешь* („Казачья колыб. п.“); *ты линяешь* („Добрая лисица“); не *умеешь* („Слепой“) — это формы 2-го л. единств. числа настоящего времени.

Глагольные формы: солнышко *выходит* (Песня пах.“); жаворонок *вьется* („Нива“); месяц *смотрит*, Терек *струится*, вал *плещет*, злой чечен *ползет* и т. д. („Казачья колыб. п.“); кто *едет*; конь *бежит*; казак *держит* путь, не *хочет* отдохнуть и т. д. („Гонец“) — все это глагольные формы 3-го лица единств. ч. настоящего времени;

глагольные формы: малютки *терпят* голод и холод и писком жалобным *зовут* напрасно мать („Добрая лисица“)— формы 3-го лица множ. ч. настоящего времени;

от этих же глаголов формы 1-го и 2-го лиц множ. ч. настоящего времени были бы: *мы терпим, зовем*; *вы терпите, зовете*.

Итак, глагольные формы всех лиц ед. и множ. ч. настоящего времени имеют особые личные окончания: 1) *-у, -ю*; 2) *-шь*; 3) *-т*; 1) *-м*; 2) *-те*; 3) *-ут*, или *-ют*; *-ат* или *-ят*.

Обратим теперь внимание на глагольные формы прошедшего времени всех трех лиц и двух чисел:

единств. ч.

1) я лежал, я взял, я видел, я возвращался, я умер („Дор. к.“); я вспомнил, —прирос („На Волге“); 2) ты-б, жаворонок, поискал; ты-б, горлинка, слетела; —села; ты-б, ласточка, ловила („Добр. л.“); 3) мать просила, муж был, дочь была, девочка закраснелась; мать остановилась; девочка бросилась, —всунула, —сказала („Дор. к.“); дворник не наделил („На В.“); он вернулся, бедняк ее унес, он обидел, —ответил, —взял, девочка пришла, не было досады, ему стало жаль („Сл.“);

множ. ч.

1) мы увидали, —услышали, —замерли („Акула“); 2) вы взяли („Сл. м.“); 3) жена и дочь приходили, обе плакали („Дор. к.“); корку бросили („На В.“); малютки попадали („Добр. л.“); дети кричали, смеялись, дрались и плакали („Сл.“); матросы попрыгали, — спустили, — привязали („Ак.“).

Из этого списка глагольных форм прошедшего времени мы видим, что форма прошедшего времени не знает личных окончаний, а только родовые окончания, те самые, какие имеют и имена прилагательные: для ед. ч. —, *-а, -о*; для множ. ч. *-и*. Следовательно, **особой формы прошедшего времени**, которая бы имела свою особую формальную примету в виде своих особых личных окончаний, **в русском языке нет**.

Обратим внимание на глагольные формы будущего времени:

ед. ч.

1) накормлю, напою, я вспашу („П. пах.); —стану, —спою, —разошью, —выйду, —пролью („К. к. п.“); 2) сам узнаешь, —вденешь, возьмешь, будешь, махнешь („К. к. п.“); 3) земля вспоит („П. п.“), —вскормит, травка выйдет, колос вырастет, серп заблестит, отдых будет („П. п.“);

множ. ч.

1) выбелим железо, мы распашем, —сготовим („П. п.“); 2) зазвенят косы („П. п.“); подадут („На В.“).

Из этого списка глагольных форм будущего времени мы видим, что они все имеют те же личные окончания, что и глагольные формы настоящего времени, но вместе с тем мы видим также, что все это глагольные формы совершенного вида.

Если же мы возьмем любой глагол несовершенного вида напр., *читать* и образуем форму будущего времени, мы получим: *я буду читать, ты будешь читать, вы будете читать, они будут читать*, т. е. окажется, что глаголы несовершенного вида вовсе не имеют формы будущего времени, но обращаются за помощью к глаголу *буду*, который и изменяется по всем лицам и числам, а самый глагол (*читать*) остается без изменения. А если мы обратим внимание на личные окончания всех личных форм глагола *буду*, мы увидим, что формы *буду, будешь* и т. д. есть, собственно говоря, глагольные формы настоящего времени.

Итак, **в русском языке есть только одна временная глагольная форма**, а именно: форма **настоящего времени**. Особой глагольной формы прошедшего времени, которая имела бы свои особые личные окончания, в русском языке нет, но этою формою в русском языке сейчас служит какая то другая форма, изменяющаяся по родам, как имя прилагательное; что это за форма, мы узнаем дальше. Что же касается глагольной формы будущего времени, то и ее в русском языке тоже нет; глагольною формою будущ. вр. у глаголов совершенного вида служит их глагольная форма настоящего времени (*вспашу, спою, разошью, узнаешь, возьмешь; вспоит, вскормит, выйдет, вырастет; выбелим, зазвенят*), о которой мы, однако, уже давно забыли, что она глагольная форма, именно, настоящего времени, и понимаем ее теперь исключительно, как форму будущего времени для соответственных глаголов несовершенного вида (*пашу, пою, шью, знаю, беру, пою, кормлю, выхожу, выростаю, белю, звеню* и т. д.).

Таким образом, действительно, в русском языке особая глагольная форма времени имеется только одна: форма настоящего времени; специальных же глагольных форм для прошедшего и будущего времени нет.

§ 66.

Глагольные формы наклонения.

Сравним глагольные формы по их значению в следующих фразах:

1) Красавица зорька
в небе *загорелась*,
из большого леса
солнышко *выходит*...

2) *Унеси* ты, ветер,
тучу градовую!
Сбереги нам, Боже,
ниву трудовую!

3) *Ты-б,* ласточка, *ловила* мошек
полакомить безродных крошек.
А *ты бы,* милый соловей...,
ты-б *убаюкивал* их песенкой своей.

Когда крестьянин говорит: красавица зорька в небе *загорелась* — или: из большого леса солнышко *выходит,* то глагольными формами *загорелась* и *выходит* он совершенно определенно высказывает свою мысль о том, что в окружающей его природе происходило или происходит в действительности. Когда же лиса говорит, обращаясь к ласточке или к соловью: *ты-б,* ласточка, *ловила* мошек, а ты бы, милый соловей..., *убаюкивал* их песенкой своей,— глагольными формами: *ты-б ловила, ты бы убаюкивал* лиса высказывает мысль не о том, что есть уже в действительности, а о том, что ей желательно, чтобы было, но чего еще на самом деле нет, так как, если бы ласточка ловила уже для сирот мошек, а соловей своими песнями уже убаюкивал бы их, то птенцам малиновки не грозила бы голодная смерть, и лисе не зачем было бы взывать о помощи к птицам. Следовательно, глагольными формами: *ты-б ловила, ты бы убаюковал* здесь выражено желание, чтобы наступило или совершилось такое действие, которого еще нет в действительности. Если мы обратим внимание на форму этих слов, то увидим, что значение желательности эти формы приобретают вместе с присоединением к ним частицы—*бы* или той же частицы в неполной форме—*б.* Отбросив эту частицу, мы получим формы: *ты ловила, ты убаюковала,* т. е. формы, выражающие мысль о том, что было на самом деле, в действительности.

В басне Крылова *„Зеркало и обезьяна“* мартышка, пораженная странною физиономией, которую она невзначай увидела в зеркале, между прочим, говорит своему другу— медведю: *„Я удавилась бы* с тоски, когда *бы* на нее хоть чуть *была* похожа“. Встречающиеся в этой форме глагольные формы: *я удавилась бы, была бы*— выражают собою мысль о том, что такое то действие при известных условиях могло бы наступить, т. е., другими словами, этими формами выражается мысль о *возможности,* при известных условиях, совершения действия.

Такие глагольные формы, которые выражают собою мысль о том, что известное действие какого либо предмета несомненно уже совершилось, совершается или совершится,

называются формами *изъявительного наклонения*. Такие же глаг. ф., которые выражают собою мысль о желательности, чтобы известное действие совершилось, или о возможности его совершения при известных условиях, называются формами *условного* или *сослагательного* наклонения.

Наконец, в нашем языке есть особые глагольные формы, которыми мы выражаем мысль о том, что известное действие *должно* наступить во что бы то ни стало. Так, например, крестьянин, обращаясь к своей лошадке; говорит ей: „Ну, *тащися*, сивка!"... Обращаясь с молитвою к Богу, тот же крестьянин говорит: „*уроди* мне, Боже, хлеб — мое богатство!"—Поэт Некрасов говорит, обращаясь к своей собаке: „Не *торопись*, мой верный пес"!.. В стихотворении „Нива" мы читаем такие строки: „*Унеси* ты, ветер, тучу градовую! *сбереги* нам, Боже, ниву трудовую!"—Казачка мать, убаюкивая своего сына, говорит, обращаясь к нему: „*Спи*, младенец мой прекрасный! ...ты-ж *дремли*, закрывши глазки... ты его, моляся Богу, *ставь* перед собой, да готовясь в бой опасный, *помни* мать свою"...—Добрая лисица, обращаясь к птицам по поводу горькой участи сирот-малюток убитой бесчеловечным охотником малиновки, говорит им: не *киньте*, милые, без помощи детей; хотя по зёрнышку несчастным вы *снесите*, хоть по соломинке к их гнездышку *приткните*"... А дальше она же говорит, обращаясь к кукушке: „Кукушка, *посмотри*, ведь ты и так линяешь".. и т. д. В заключение лиса говорит: „*послушайте* меня: докажем, что в лесах есть добрые сердца"...

Такие глагольные формы, в которых выражается мысль о том, что известное действие *должно* наступить во что бы то ни стало, т. е., другими словами, выражается какое либо *повеление* или *приказание*, называются формами *повелительного наклонения*.

Следовательно, глагольные формы: *тащися, уроди, торопись, унеси, сбереги, спи, дремли ставь, помни, посмотри, киньте, снесите, приткните, послушайте*— все это глагольные формы *повелительного наклонения*, и при том формы повелительного наклонения 2-го лица единственного и множ. числа, так как этими формами лицо говорящее обращается с своим приказанием к своему, одному или многим, собеседнику, т. е. ко 2-му лицу единств. или множеств. ч. Других специальных глагольных форм повелительного наклонения в русском языке больше нет. Формальными признаками глагольной формы повелительного накл. ед. числа служат окончания: *и, й*, множественн. числа—*ите, -йте, те*. Повеление, обращенное к самому себе в единственном или множественном числе, выражается глагольною формою 1 го лица ед. или множ. ч. наст. вр. изъявительного наклонения; повеление, обращенное к какому

либо третьему лицу, выражается формою 3 го лица единств. или множ. числа настоящего времени изъявительного наклонения с присоединением к этой глагольной форме слова—*пусть: пусть он скажет; пусть они прочтут* и т. п.

Итак, в русском языке существуют три глагольных формы наклонения: 1) глагольные формы *изъявительного* наклонения; 2) глагольные формы *условного* или *сослагательного* наклонения и 3) глагольные формы *повелительного* наклонения.

Изменение глаголов по лицам, числам, временам и наклонениям называются *спряжением*.

Заключение.

Итак, *глаголами называются слова в речи, изменяющиеся по залогам, видам, лицам, числам, временам и наклонениям; они обозначают название признака, производимого деятельностью самого же предмета, и отвечают на вопрос—что делает?—предмет.*

§ 67.

Неопределенная форма глагола.

На ряду с глагольными формами изъявительного, условного (сослагательного) и повелительного наклонений, выражающими собою мысль о действии несомненно уже совершившемся или совершающемся в действительности (изъявительное наклонение) или о таком действии, которое может совершаться при известных условиях (условное наклонение), или о таком действии, которое, согласно воле лица говорящего, должно совершиться (повелительное накл.),—в русском языке есть еще одна особая глагольная форма, не выражающая собою никакой определенной мысли о том, как лицо говорящее представляет себе действие,—как несомненную ли действительность его или только как возможность его совершения при известных условиях или же как обязательность его совершения,—но обозначает собою название самого действия, выявляющего известный признак действующего лица. Так, напр., в стихотворении „Песня пахаря"—крестьянин говорит:

Выйдет в поле травка,
выростет и колос,
станет *спеть, рядиться*
в золотые ткани...

Глагольные формы — станет *спеть*, станет *рядиться* — представляют собою только названия действия предмета, выявляющего действием известный свой признак: колос станет *спеть*—это значит: колос в известном действии станет выявлять свой признак спелости.

— „Зачем на грудь ко мне *скакать*“? — говорит поэт, обращаясь к своей собаке. Глагольною формою *скакать* здесь только названо действие предмета.—„Еще успеем мы *стрелять*“ — говорит он дальше. Здесь еще нагляднее выступает значение этой глагольной формы. „*Еще успеем мы*“—что делать?—„*стрелять*“; ставя вопрос: *что делать?* мы просим обыкновенно назвать нам действие или дело предмета:—„*стрелять*“.

В словах:

Стану я тоской *томиться*,
безутешно *ждать*,
стану целый день *молиться*,
по ночам *гадать*;
стану *думать*, что скучаешь
ты в чужом краю...

казачка-мать дает целый ряд названий своих действий, которые она станет делать в разлуке с сыном: *томиться*, *ждать*, *молиться*, *гадать*, *думать*...

В стихотворении „Гонец“ Пушкин говорит: „казак не хочет *отдохнуть*“. Глагольная форма—*отдохнуть* представляет собою название действия, которого не хочет предпринять казак.

В рассказе Л. Н. Толстого „Акула“ есть такая фраза: „капитан вышел на палубу, крикнул: „*купаться*“! Своим возгласом—*купаться!* капитан назвал известное действие, и матросы попрыгали в воду, спустили в воду парус, привязали его и в парусе устроили купальню, т. е. матросы сделали то действие, которое капитан назвал словом — *купаться!*

В виду того, что эта форма не выражает никакого определенного отношения лица говорящего к действию, а представляет собою одно только простое название действия, она называется в грамматике *неопределённою формою глагола* (инфинитив) и рассматривается как отдельная часть речи.

Формальными признаками этой части речи служат окончания:—*ть (ждать, гадать), -ться (томиться, молиться)*, а также *ти (плести, цвести), —чи* (беда, коль пироги начнет *печи* сапожник), заменяемое более обычным—*чь (печь, стеречь, беречь)*.

Если от неопределенной формы глагола отнять эти окончания, мы получим ту часть ее, которая называется *основой*

неопределенной формы: *жда-, гада-, томи-, моли-, плес-, цвес-, пе-, стере-, бере-.*

По форме своей эта часть речи очень напоминает собою имена существительные женского рода, оканчивающиеся на—*ть* или—*чь*, напр.: *стать,* (с какой *статьи*; под *стать* и т. п.), *знать,* т. е. знатные люди; люди, которые все могут); *мочь* (со всей мочи), *печь* (что есть в печи, все на стол мечи); если мы сравним с этими формами имен существительных глагольные формы: *стать, знать, мочь, печь* мы не найдем между ними никакой разницы. Вот почему и думают, что *неопределённая форма глагола* по своему происхождению представляет собою в нашем языке окаменелый падеж имени существительного, забывшего другие свои падежи, понимаемый сейчас нами, однако, не как название предмета, а как название признака, создаваемого действием предмета.

---

§ 68.

Два спряжения.

Все спрягаемые глагольные формы, с точки зрения своих формальных признаков, делятся на *два спряжения*: 1-ое и 2-е. К 1-му спряжению относятся глагольные формы, оканчивающиеся в 3-м лице множ. числа настоящ. вр. на—*ут* или—*ют (зовут, поют, несут, зреют, спеют, ползут, скучают)*; все эти глаголы в формах 2-го и 3-го лица наст. вр. един. числа, а также и в формах 1-го и 2-го л. множеств. ч. перед своими личными окончаниями—*шь,—т,—м,—те* имеют обыкновенно гласный звук—*е* или, если на него падает ударение, то—*ё*: *ты зовёшь, он зовёт, мы зовём, вы зовёте; ты зреешь, он зреет, мы зреем, вы зреете* и т. д.

Ко 2-му спряжению относятся глагольные формы, оканчивающиеся в 3-м лице множ. ч. настоящего вр. на—*ат* или—*ят (зазвенят* здесь косы; волны *ходят,* малютки *терпят* голод); все эти глаголы в формах 2-го и 3-го л. ед. ч. наст. времени, а также в формах 1-го и 2-го л. множ. ч. перед своими личными окончаниями имеют гласный звук — *и* (ты *звенишь*, он *звенит*, мы *звеним*, вы *звените*; ты *терпишь*, он *терпит*, мы *терпим*, вы *терпите* и т. д.). Эти *соединительные* гласные *е* и *и*, как и окончания—*ут,—ют,—ат,—ят*, являются тоже формальными признаками глагольных форм 1-го и 2-го спряжений, так что если бы нам понадобилось определить, к какому спряжению отнести тот или другой глагол, мы должны были бы обратить внимание или

на окончание его формы 3-го л. мн. ч. или же на соединительную гласную.

Если от глагольной формы 2-го л. ед. ч. настоящего времени отбросить окончание—*шь*, получится *основа настоящего времени: зовё—, несё—, зрее—, спее—, скучае—, звени—, ходи—, терпи—.*

§ 69.

Временные глагольные формы.

1-е спряжение.

I. Изъявительное наклонение несовершенного вида:
Неопределенная форма:

нести, печь, мочь, знать, писать, вязать, пить.

а) *Настоящее время*

ед. ч.	1.	несу	пеку	могу	
	2.	несешь	печешь	можешь	
	3.	несет	печет	может	
мн. ч.	1.	несем	печем	можем	
	2.	несете	печете	можете	
	3.	несут	пекут	могут	
ед. ч.	1.	знаю	пишу	вяжу	пью
	2.	знаешь	пишешь	вяжешь	пьёшь
	3.	знает	пишет	вяжет	пьёт
мн. ч.	1.	знаем	пишем	вяжем	пьём
	2.	знаете	пишете	вяжете	пьёте
	3.	знают	пишут	вяжут	пьют;

б) *прошедшее время:*

ед. ч.: я, ты, он, она, оно—нёс, несла, несло
мн. ч.: мы, вы, они—несли;

ед. ч.: я, ты, он, она, оно—пёк, пекла, пекло;
мн. ч.: мы, вы, они—пекли;

ед. ч.: я, ты, он, она, оно—мог, могла, могло
мн. ч.: мы, вы, они—могли.

Примечание: глагольные формы: *нёс, пёк, мог* утратили после согласных *с, к, г* свое окончание *-л*, которое однако восстанавливается в формах женского и среднего рода ед. ч. и в формах множ. ч. *несла, несло, несли; пекла, пекло, пекли, могла, могли;* это же окончание после гласных сохранилось.

Ед. ч.: я, ты, он, она, оно—знал, знала, знало;
мн. ч.: мы, вы, они—знали;

ед. ч.: я, ты, он, она, оно—писал, писала, писало;
мн. ч.: мы, вы, они—писали;

ед. ч.: я, ты, он, она, оно—пил, пила, пило;
мн. ч.: мы, вы, они—пили;

ед. ч.: я, ты, он, она, оно вязал,—вязала, вязало;
мн. ч.: мы, вы, они—вязали;

в) *будущее время:*

ед. ч. 1) я буду		несть или нести,
2) ты будешь		печь,
3) он, она, оно будет		мочь
мн. ч.: 1) мы будем		знать
2) вы будете		писать
3) они будут		пить
		вязать.

Изъявительное наклонение совершенного вида.

Неопределенная форма:

принести; снести; испечь; смочь; узнать; написать; выпить; связать; крикнуть.

а) *Настоящее время.*

Глагольных форм наст. времени совершенного вида нет, потому что форма настоящего времени показывает, что действие совершается в то самое время, когда о нем говорится: я несу, я пеку и т. д.; формы же совершенного вида показывают действие уже совершившееся раньше того времени, когда о нем идет речь, следовательно, у глаголов соверш. вида настоящ. вр. не может быть.

б) *Прошедшее время:*

д. ч.: я, ты, он, она, оно	снёс, снесла, снесло
	испек, испекла, испекло
	смог, смогла, смогло
	узнал, узнала, узнало
	написал, написала, написало
	выпил, выпила, выпило
	связал, связала, связало
	крикнул, крикнула, крикнуло.

мн. ч.: мы, вы, они — снесли, испекли, смогли, узнали, написали, выпили, связали, крикнули;

в) *будущее время:*

ед. ч. 1.	я снесу	испеку	смогу	узнаю
2.	ты снесешь	испечешь	сможешь	узнаешь
3.	он, она, оно снесет	испечет	сможет	узнает
мн. ч. 1.	мы снесем	испечем	сможем	узнаем
2.	вы снесете	испечете	сможете	узнаете
3.	они снесут	испекут	смогут	узнают

напишу	выпью	свяжу	крикну
напишешь	выпьешь	свяжешь	крикнешь
напишет	выпьет	свяжет	крикнет
напишем	выпьем	свяжем	крикнем
напишете	выпьете	свяжете	крикните
напишут	выпьют	свяжут	крикнут

Изъявительное наклонение начинательного вида.

Неопределенная форма:

занести, запечь, занемочь, записать, запить, завязать.

Глагольных форм *настоящего вр.* нет.

Форма *прошедш.* и *будущ. вр.* те же, что и в совершенном виде с соответственным изменением представки.

Изъявительное наклонение многократного вида.

Неопределенная форма:

нашивать; изнашивать; переписывать, выпивать; связывать и т. п.

а) *Настоящее время:*

ед. ч. 1.	изнашиваю	выписываю	выпиваю	связываю
2.	изнашиваешь	выписываешь	выпиваешь	связываешь
3.	изнашивает	выписывает	выпивает	связывает
мн. ч. 1.	изнашиваем	выписываем	выпиваем	связываем
2.	изнншиваете	выписываете	выпиваете	связываете
3.	изнашивают	выписывают	выпивают	связывают;

б) *прошедшее время*:

ед. ч.: я, ты, он, она, оно — изнашивал, изнашивала, изнашивало; выписывал, выписывала, выписывало; выпивал, выпивала, выпивало; связывал, связывала, связывало;

мн. ч.: мы, вы, они — изнашивали, выписывали, выпивали, связывали

в) *будущее время*:

ед. ч.: буду, будешь, будет — изнашивать, выписывать, выпивать, связывать;

мн. ч.: будем, будете, будут — изнашивать, выписывать, выпивать, связывать.

II. Условное (сослагательное) наклонение.

Неопределенная форма:

несоверш. в.: нести бы; печь бы; мочь бы; знать бы и т. д.
соверш. в.: снесть бы; испечь бы; смочь бы; узнать бы и пр.
начинат. в.: занести бы; запечь бы; занемочь бы; записать бы и пр.
многокр. в.: нашивать бы; выписывать бы и пр.

Форм настоящего и будущего времени нет.

Прошедшее вр.:

ед. ч.: я, ты, он, она, оно — нес бы; пек бы; мог бы и т. д.; снес бы; испек бы; смог бы...; занес бы; запек бы; занемог бы...; нашивал бы; выписывал бы...

мн. ч.: мы, вы, они — несли бы... / снесли бы... / занесли бы... / нашивали бы...

III. Повелительное наклонение.

Ед. ч.:

несов. в.: неси; пеки; не моги (редкое!); знай; пиши; пей; вяжи; садись; лазь, ешь, режь;
соверш. в.: принеси; напеки; узнай; напиши; выпей; свяжи; стань; кинь; сядь; лезь; съешь; срежь;
начинает. в.: занеси; запеки; занемоги; запиши; запей; завяжи; застань; закинь; засядь; залезь; заешь; зарежь;
многокр. в.: вписывай; выпивай; связывай; становись; скидывай; усаживай; вырезывай.

Множ. ч.:

несов. в.: несите; пеките; знайте; пишите; пейте; вяжите; садитесь; лазьте; ешьте; режьте;
соверш. в.: принесите; снесите; испеките; узнайте; напишите; выпейте; свяжите; станьте; киньте; сядьте; лезьте; съешьте; срежьте;
начинат. в.: занесите, запеките, занеможьте, запишите, запейте, завяжите, застаньте, закиньте, засядьте; залезьте, заешьте, зарежьте.
многокр. в.: выписывайте; выпивайте; связывайте; становитесь; скидывайте; усаживайте; вырезайте.
Примечание: формы повелительного наклонения образуются от основы 1-го л. ед. ч. настоящего времени и оканчиваются в единств. числе на *-и* тогда, когда эта основа оканчивается согласным звуком, и когда на окончание пов. накл. падает ударение: *неси*, *пеки* и пр.: если же ударение не падает на это окончание, то после согласного звука основы 1-го л. ед. ч. настоящего вр. форма повелительного наклонения не имеет особого окончания и, следовательно, всегда оканчивается на смягченный конечный согласный звук этой основы: *стань*, *кинь*, *сядь*; а также: *съешь*, *режь*, где мягкость согласных *ш* и *ж*, как и во всех других случаях, у нас теперь утрачена.

После гласного основы 1-го л. ед. ч. наст вр. в форме повелительного наклонения всегда имеется окончание *-й*: *узнай*. Формы множественного числа повелит. накл. образуются от форм ед. числа через прибавление окончания *-те*: *несите*, *станьте*, *ешьте*; *узнайте*.

2-е спряжение.

I. Изъявительное наклонение несовершенного вида.

Неопределенная форма:

стоять; *сидеть*; *смотреть*; *держать*; *кричать*; *хвалить*.

а) *Настоящее время*:

ед. ч.	1.	стою	сижу	смотрю	держу
	2.	стоишь	сидишь	смотришь	держишь
	3.	стоит	сидит	смотрит	держит
мн. ч.	1.	стоим	сидим	смотрим	держим
	2.	стоите	сидите	смотрите	держите
	3.	стоят	сидят	смотрят	держат

кричу	хвалю
кричишь	хвалишь
кричит	хвалит
кричим	хвалим
кричите	хвалите
кричат	хвалят.

б) *Прошедшее время:*

ед. ч.: я, ты, он, она, оно—стоял, стояла, стояло.
мн. ч.: мы, вы, они—стояли;
ед. ч.: я ты и т. д. сидел, смотрел, держал, кричал, хвалил;
мн. ч.: мы, вы, они—сидели, смотрели, держали, кричали, хвалили.

ёлочки от холода потрескивают,
лапочки от холода совсем свело.
Вот кабы мне, *зайке*, *мужичонком* быть:
жить бы мне да греться в *избушечке*
со своей *хозяюшкой* серенькой.
Пироги бы есть да все с *капусткою*,
пироги бы со сладкою *морковкою*.
На полатях *зимушку* пролеживать,
по *морозцу* в *саночках* покатывать

Нар. сказка.

Ну, тащися, *сивка*,
пашней, десятиной,
выбелим железо
о сырую землю.
Красавица зорька
в небе загорелась,
из большого леса
солнышко выходит...
Пашенку мы рано
с *сивкою* распашем,
зернышку сготовим
колыбель святую...

Кольц.

... Кажется, шепчут колосья друг-другу:
„Скучно нам слушать осеннюю вьюгу,
скучно склоняться до самой земли,
тучные зерна купая в пыли!
Нас, что ни ночь, разоряют станицы
всякой пролетной прожорливой птицы;
заяц нас топчет, и буря нас бьет...
Где же наш *пахарь*? чего еще ждет?

Некрасов.

... В такой именно день, рано утром, *Ванюша* прощался с своим *семейством*. *Окрестность* нарочно, казалось, приняла самый тусклый, серенький вид, чтобы возбудить в сердце молодого парня как можно меньше *сожаления* при расставании с родными местами. Семейство *рыбака* стояло на дворе...

Григорович.

... Русский *мужик* — *семьянин* и домосед по преимуществу. Мне довелось раз видеть, как семейство *пахаря*, добровольно отправляясь в плодородные южные губернии,

прощалось со своим полем — жалкими двумя *десятинами* глинистой, никуда почти негодной почвы. Я в жизнь не видал такого страшного прощанья, таких горьких слез! Мать родная, прощаясь с любимыми детьми, не обнимает их так страстно, не целует их так горячо, как целовали *мужички* землю, кормившую их столько лет. Они оставляли, казалось, на этих двух нивах часть самих себя. *Кусочки* земли были зашиты даже в *ладонки* грудных *младенцев!..*

Григорович.

Мы уже знаем, что форму любого имени существительного образуют его составные этимологические части: основа и окончание *(дорога, заря, друга, снега, краям)* или иногда одна только основа с утраченным окончанием *(друг, день, край, ночь)*, причем различаются основы простые *(друг, день, край, ночь, конь, заря)* и основы распространенные *(извозчик)*, т. е. основы, в состав которых входят представки и суффиксы, но главным образом суффиксы. В жизни языка суффиксам принадлежит очень большая роль: с помощью суффиксов от одного и того же корня мы можем создавать бесчисленное количество новых слов, которые все вместе, будучи образованы от одного и того же корня, составляют так называемое *семейство* слов этого корня. Так, напр., от корня *воз,* помощью различных суффиксов мы можем образовать следующие слова:

воз-ок, воз-ик, воз-ище, воз-овица, воз-чик, воз-ница и т. д.,

причем каждый суффикс придает вновь образуемому от того же корня слову новый оттенок мысли, новое значение: *возик*—это маленький *воз,* а *возище*—это большой *воз;* то же: *домик—домище* и т. д.

Выпишем из приведенных выше отрывков все подчеркнутые слова и расположим их по одинаковости их суффиксов:

Суффиксы: 1) *к* (в косв. падежах—*ек,—ок*):

кош-к-а, кош-ек; окрош-к-а; реч-к-а; боч-к-а; молод-к-а; молод-ок, молод-к-ам; лебед-к-а; светел-к-а; вет-к-а; сив-к-а; а также: нянь-к-а;

от же суффикс в названиях малых предметов (имена уменьшительные):

трав-к-а; пчёл-к-а; постель-к-а; лап-к-а; птич-к-а; голов-к-а; лошад-к-а; капуст-к-а; морков-к-а; зорь-к-а; постель-к-а; Вань-к-а;

—ик (то же и в косв. п.),*—ок,—ёк* (в косв. п.—*к*)

II. Условное (сослагательное) наклонение.

Неопределенная форма:

стоять бы; сидеть бы; смотреть бы; держать бы; кричать бы; хвалить бы.

Форм настоящего и будущего вр. нет;

прошедшее время:

Ед. ч.: я, ты, он и пр. стоял бы; постоял бы; застоялся бы; простаивал бы:
сидел бы; посидел бы; засиделся бы; просиживал бы и т. д.

III. Повелительное наклонение.

ед. ч.

несов. в.—стой, сиди, смотри, держи, кричи, хвали
соверш. в.—постой, посмотри, сдержи, прокричи, похвали
начинат. в.—застойся, засидись, засмотрись, закричи, захвали.
многокр. в.—простаивай, усматривай, удерживай, покрикивай, похваливай;

множ. ч.

несов. в.—стойте; сидите; смотрите; держите; кричите; хвалите;
соверш. в.—постойте, посидите, посмотрите, сдержите, прокричите, похвалите;
начинат. в.—застойтесь, засидитесь, засмотритесь, задержитесь, закричите, захвалите;
многокр. в.—простаивайте, просиживайте, усматривайте, удерживайте, покрикивайте, похваливайте.

§ 69.

Причастие.

Дружная весна.

Весна долго не открывалась. Последние недели поста стояла ясная морозная погода. Днём таяло на солнце, а ночью доходило до семи градусов; наст [1]) был такой,

[1]) Осевший после оттепели и отвердевший от морозов снег.

что на возах ездили без дороги. Пасха была на снегу. Потом вдруг, на второй день святой, понесло тёплым ветром надвинулись тучи, и три дня и три ночи лил бурный и тёплый дождь. В четверг ветер затих, и надвинулся густой серый туман, как бы скрывая тайны совершавшихся в природе перемен. В тумане полились воды, затрещали и сдвинулись мутные вспенившиеся потоки, и на самую Красную Горку, с вечера, разорвался туман, тучи разбежались барашками, прояснело, и открылась настоящая весна. На утро поднявшееся яркое солнце быстро съело тонкий ледок, подернувший воды, и весь тёплый воздух задрожал от наполнивших его испарений ожившей земли. Зазеленела старая и вылезающая иглами молодая трава, надулись почки калины, смородины и липкой спиртовой берёзы, и на обсыпанной золотым цветом лозине загудела выставленная облетавшая пчела. Залились невидимые жаворонки над бархатом зеленей и обледеневшим жнивьём, заплакали чибисы над наливши мися бурою неубравшеюся водой низами и болотами, и высоко пролетели с весенним гоготаньем журавли и гуси. Заревела на выгонах облезшая, только местами еще не перелинявшая скотина, заиграли кривоногие ягнята вокруг теряющих волну блеющих матерей, побежали быстроногие ребята по просыхающим, с отпечатками босых ног, тропинкам, затрещали на пруду весёлые голоса баб с холстами, и застучали по дворам топоры мужиков, налаживающих сохи и бороны. Пришла настоящая весна.

Л. Толстой.

В приведенном выше отрывке из соч. Л. Толстого мы встречаемся с целым рядом новых глагольных форм, которые, будучи глагольными по смыслу слова и по своему образованию, вместе с тем по своей форме примыкают к именам прилагательным; это так называемые причастные формы или *причастия*.

В фразе: На утро *поднявшееся* яркое солнце быстро съело тонкий ледок, *подернувший* воды, и весь тёплый воздух задрожал от *наполнивших* его испарений *ожившей* земли... глагольные формы: *поднявшееся, подернувший, наполнивших, ожившей*—это причастия. Глагольными формами мы их называем потому, что они произошли от глаголов: подняться, подёрнуть, наполнить, ожить,—и как глаголы, все они обозначают название признака, производимого действием самого же предмета, признак которого обозначается данным словом: *поднявшееся* солнце, *подернувший* ледок, *наполнивших* испарений, *ожившей* земли. Но вместе с тем словом—*поднявшееся* солнце мы обозначаем и признак, в данный момент принадлежащий солнцу, признак, пребывающий в

XVII. В формах дат. и предл. падежей единств. ч. у некоторых имен сущ. муж., женск. и средн. рода (Василий, Евгения, селение), если основа формы оканчивается на—*и*, окончание ее должно быть тоже—*и*: кому? *Евгении*; о ком? *о Василии, о Евгении, о селении*; но если основа формы будет оканчиваться на мягкий согласный звук, то после него может быть только—*е*: *о Васильe, о Евгенье, о селенье.*

XVIII. Имена сущ. *судья*, *воевода*, городской *голова* и т. д. **по форме** имена сущ. женского рода и склоняются так же, как имена женского рода, а **по значению** они имена мужеского рода.

§ 37.

Суффиксы имен существительных.

Румяной зарею
покрылся восток.
В селе за рекою
потух огонёк.

Пушкин.

Дети, в школу собирайтесь!
Петушок пропел давно;
попроворней одевайтесь,
смотрит солнышко в окно.

Ушинский.

Выплыло на небо красное *солнышко* и стало рассылать повсюду свои золотые лучи—будить землю. Первый луч полетел и попал на *жаворонка*. Встрепенулся *жаворонок*, выпорхнул из *гнёздышка*, поднялся высоко-высоко и запел свою звонкую *песенку:* „на свободе, на просторе я пою здесь над землею! в свежем воздухе приволье, в чистом небе здесь раздолье!“ Второй луч попал на *зайчика*. Передернул ушами *зайчик* и весело запрыгал по росистому лугу: побежал он добывать себе сочной *травки* на завтрак. Третий луч попал в *курятник*. Петух захлопал крыльями и запел: „*Ку-ку-реку*“. Куры слетели с нашестей, закудахтали, стали загребать сор и червяков искать. Четвертый луч попал в улей. Выползла *пчёлка* из восковой кельи, села на *окошечко*, расправила крылья, зажужжала и полетела собирать *медок* с душистых цветов. Пятый луч попал в детскую, на *постельку* к маленькому лентяю: режет ему прямо в глаза, а он повернулся на другой бок и опять заснул.

Ушинский.

Помертвело чисто поле,
нет уж дней тех светлых боле,
как под каждым ей *листком*
был готов и стол и дом...

Крылов.

.... Да работала-ль ты в лето?"—
говорит ей Муравей.
— „До того-ль, *голубчик*, было?
В мягких муравах у нас
песни, *резвость* всякий час,
так что голову вскружило..."

Крылов.

„Соседка, слышала-ль ты добрую молву?
вбежавши, Крысе Мышь сказала:
ведь *кошка*, говорят, попалась в когти льву?..

Крылов.

Журавль приготовил *окрошку*, положил в кувшин с узким *горлышком*, поставил на стол и говорит: „кушай, *кумушка*, кушай, *голубушка*, больше нечем потчевать".—

„*Соседушка*, мой свет!
Пожалуйста, покушай"...
„Потешь же, миленький *дружочек!*
вот *лещик*, потроха, вот стерляди *кусочек!*
Еще хоть *ложечку!*...

Крылов.

Вот север, тучи нагоняя,
дохнул, завыл, и вот сама
идет *волшебница*-зима...
Опрятней модного паркета
блистает *речка*, льдом одета.
Мальчишек радостный народ
коньками звучно режет лед;
на красных *лапках* гусь тяжелый
задумав плыть по лону вод,
ступает бережно на лед,
скользит и падает...

Пушкин.

В синем небе звезды блещут,
в синем море волны хлещут;
туча по небу идет,
бочка по морю плывет.

Окончания: *-ущий, -ущая, -ущее* или *-ющий, -ющая, -ющее*, а также: *-ащий, -ащая, -ащее* или *-ящий, -ящая, -ящее*, это—окончания причастных форм настоящего времени, а окончания:

-вший, -вшая, -вшее или *-ший, -шая, -шее* это окончания причастных форм прошедшего времени, при чем окончания *-вший* и пр. имеют причастные формы тех глаголов, основа неопределенной формы которых оканчивается на гласный звук:

соверши-ть—*совершив-ший* и др.; если же основа неопределенной формы глагола оканчивается на согласный звук, то причастная форма прошедшего времени будет оканчиваться на *-ший*; напр.: нес ти—*несший* и т. п.

§ 70.

Причастные формы: *обсыпанная* (золотым цветом лозина), *выставленная* (пчелка); *невидимый* (жаворонок)—представляют собою причастные формы *страдательного* залога—единственный в русском яз. случай форм страдательного залога. Причастные формы страд. залога оканчиваются в настоящем времени на *-мый: невидимый, любимый, хвалимый, читаемый, делаемый, упражняемый* и т. п.

Причастные формы страд. залога прошедшего времени оканчиваются на:

-нный, -нная, -нное: обсыпанный, обсыпанная, обсыпанное, выставленный, выставленная, выставленное; прочитанный; сделанный;

-тый, -тая, -тое: битый, битая, битое; сшитый, сшитая, сшитое; взятый, мятый и т. п.

При образовании причастных форм практически поступают обыкновенно так:

1) для образования причастных форм *настоящего* времени возвратного и невозвр. залогов вспоминают форму 3-го лица множ. ч. наст. вр.: несут—несущий, пекут—пекущий, могут — могущий, знают — знающий, пишут — пишущий, пьют—пьющий, вяжут—вяжущий;

стоят—стоящий, сидят—сидящий, смотрят—смотрящий, кричат—кричащий;

2) для образования причастных форм настоящего времени страдательного залога вспоминают форму 1-го лица мн. ч. настоящего времени: мы знаем—знаемый, мы пишем—

пишемый, мы вяжем — вяжемый, мы хвалим — хвалимый, а также: несём—несомый, везём—везомый;

3) для образования причастных форм прошедшего времени возвратного и невозвратного залога вспоминают неопределенную форму глагола: несть—несший, печь—пекший, мочь—могший, знать—знавший, писать—писавший, пить—пивший, вязать—вязавший, стоять—стоявший, сидеть—сидевший, смотреть—смотревший, хвалить—хваливший, держать—державший, кричать—кричавший;

4) для образования причастных форм прошедшего времени страдат. залога вспоминают основу неопределенной формы: да-ть, данный; зна-ть, узнанный; писа-ть—написанный; пи ть—выпитый; вязать—связанный; смотре-ть—рассмотренный; держать— удержанный;

если основа неопределенной формы оканчивается на согласный, то перед окончанием причастной формы появляется еще гласный звук *-о (-о)* нес-ти, снесенный; печь (вм. пек-ти), испеченный и т. п.

Примечание 1. Имена существительные и прилагательные (по значению), вроде следующих: *береженый* (береженого Бог бережет); *браный* (скатерть); *бешеная* (собака); *вареный* (рак); *граненый* (стакан); *жареный* (гусь); *жданый* (друг); *званый* (гость); *названый* (брат); *мороженое*; *приданое*; *раненый; сушеный; суженый*; *ученый* — представляют собою по форме причастия, но пишутся через одно *н*.

Примечание 2. Рассматривая временные глагольные формы, мы, между прочим, обратили внимание на то, что форма прошедшего времени (я лежал, -ла, -ло; мы лежали и т. п.) не знает личных окончаний, а только родовые, что, следовательно, особых глагольных форм прошедшего времени, вроде, напр., форм настоящего вр., в русском яз. нет. Кстати теперь отметить, что нынешние наши формы прошедшего времени: знал, -ла, -ло, -ли; писал, -ла, ло, -ли; пил, -ла, -ло, -ли; взял, ла, -ло, ли; стоял, сидел, смотрел, держал, кричал, хвалил — все это старые причастия на *-л, -ла, -ло*. Теперь они утеряли свое значение причастных форм, но сохранились в нашем языке в форме прошедшего времени, сохранились потому, что в старом языке форма прошедшего времени составлялась из причастия на *-л* и спрягаемого глагола *есмь*, от которого у нас осталась только форма 3 л. наст. вр. *есть*, да изредка употребляется форма 3-го л. мн. ч. *-суть*; так что встарину формы прошедшего вр. были такие: 1 л. есмь знал; 2 л еси знал; 3 л. есть знал; 1 л. есмы знали; 2 л. есте знали; 3 л. суть знали. С течением времени перестали употреблять вспомогательный глагол *есмь, еси, есть* и т. д., и осталось одно причастие, которое и стали употреб-

Таким образом, мы можем установить следующие **родовые окончания** имен прилагательных: *-ый* или *ой; -ая; -ое -ий, -яя, -ее.*

§ 39.

Однако, среди выписанных нами выше примеров имен прилагательных мы находим наряду с формами: *сердитый, бедный, солнечный* также и формы: *чуден* и *страшен*, т. е. формы-основы, формы без родового окончания, в сравнении с формами *сердитый, бедный* несколько укороченные; соответствующими для этих укороченных форм муж. рода формами женского рода будут:

чудна, страшна, а для форм среднего рода—*чудно, страшно.*

Так, напр., у Кольцова встречается такой стих:

Загорись, разгорись,
роковой огонь,
распаяй, растопи
чисто золото...

В стихотворении „*Песня пахаря*“ тот же поэт говорит:

Заблестит наш серп здесь,
зазвенят здесь косы;
сладок будет отдых
на снопах тяжелых!.,

В стихотворении Кольцова „*Урожай*“ есть, между прочим, такие слова:

Но *жарка* свеча
поселянина
пред иконою
Божьей Матери.

Подобные формы имен прилагательных часто встречаются у Крылова:

„Хотел бы очень я
сам посудить, твое услышав пенье,
велико-ль, подлинно, твое уменье“...

А мельник говорит: „Далеко до беды!
Не море надо мне воды,
и ею мельница на весь мой век *богата*“.

А щука, чуть *жива*, лежит разинув рот —
и крысы хвост у ней отъели...

Кипящий водопад, свергаяся со скал,
целебному ключу с надменностью сказал,

(который под горой едва лишь был *приметен*,
но силой славился целебною своей):
„Не странно-ль это? Ты так *мал*, водой так *беден*,
а у тебя всегда премножество гостей“?

Счастлив, кто на чреде трудится знаменитой:
ему и то уж силы придает,
что подвигов его свидетель целый свет.

Увидя, как пчела хлопочет вкруг цветка,
сказал орел однажды ей с презреньем:
„Как ты, бедняжка, мне *жалка*
со всей твоей работой и с уменьем“!..

Такие формы имен прилагательных мы находим и у Пушкина.

Как вольность, *весел* их ночлег
и мирный сон под небесами...
Всё *живо* посреди степей...

...Из шатра,
толпой любимцев окруженный,
выходит Петр. Его глаза
сияют. Лик его *ужасен*.
Движенья *быстры*. Он *прекрасен*,
он весь, как Божия гроза.
Идет. Ему коня подводят.
Ретив и *смирен* верный конь...

И он промчался пред полками,
могущ и *радостен*, как бой...

Но *близок*, *близок* миг победы...
Ура! мы ломим, гнутся шведы.

Такие же формы имен прилагательных встречаются и у других писателей:

...Её дом был совершенно *похож* на химическую лабораторию.

Гоголь: „*Старосветские помещики*“.

Комната, в которой спали Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна, была так *жарка*, что редкий был бы в состоянии остаться в ней несколько часов...

Там же.

— „Здорово, парнище“!—„Ступай себе мимо“!
— „Уж больно ты *грозен*, как я погляжу!“...

Некрасов.

в) *будущее время:*

я съем	я продам
ты съешь	ты продашь
он, она, оно съест	он, она, оно продаст
мы съедим	мы продадим
вы съедите	вы продадите
они съедят;	они продадут.

Изъявительное накл. начинательного зал. Неопределенная форма: *заесть, заедать, задать, задавать, задаваться;*

а) *настоящее вр.*	заедаю		задаюсь	
	заедаешь		задаёшься	
	заедает		задаётся	
	заедаем		задаёмся	
	заедаете		задаётесь	
	заедают		задаются;	
б) *прошедшее вр.:*	заел;	заедал;	задал;	задавал;
в) *будущее вр.:*	заем;	(нет);	задам;	(нет);
	заешь		задашь	
	заест		задаст	
	заедим		зададим	
	заедите		зададите	
	заедят;		зададут.	

Изъявит. накл. многокр. вида. Неопределенная форма:

	бывать;	*едать;*	*давать;*
а) *настоящее вр.:*			
	бываю	съедаю	нет;
	бываешь	съедаешь	
	бывает	съедает	
	бываем	съедаем	
	бываете	съедаете	
	бывают	съедают	
б) *прошедшее вр.:*			
	бывал, -ла, -ло;	съедал	давал
	бывали	и пр.	и пр.

в) *будущее вр.:*

я буду ты будешь он будет мы будем вы будете они будут	бывать;	съедать;	давать.

II. Условное (сослагательное) наклонение.

Неопределенная форма:

быть бы, бывать бы, есть бы, съесть бы, съедать бы; дать бы, отдать бы, давать бы.

Форм настоящего и будущего вр. нет.

Прошедшее время:

был бы и пр.; бывал бы; ел бы; съел бы; съедал бы; дал бы; отдал бы; давал бы.

III. Повелительное наклонение:

будь,	будьте;	бывай	бывайте;
ешь,	ешьте;	съедай,	съедайте;
дай,	дайте;	давай,	давайте.

Причастия.

Настоящее вр.	сущий, -ая, -ее; бывающий;	ядущий, —	дающий, дающий;
прошедшее вр.	бывший, бывавший,	евший, едавший,	давший; дававший;
будущее вр.	будущий,	—	—
Страд. зал. наст. вр.	—	едомый,	даваемый,
— прош. вр.	—	съеденный,	данный.

Примечание. Неизменяемая частица *-бы,* служащая теперь для образования форм условного наклонения, по своему происхождению есть старая глагольная форма 3-го л. ед. ч. прош. времени глагола — *быть*: бых; бы, бы; быхом, бысте, быша. Нынешние наши формы условного наклонения по своему происхождению представляют собою остаток былых форм прошедшего времени: 1 л. читал бых; 2 л. читал бы; 3 л. читал бы; 1 л. мн. ч. читали быхом; 2 л. читали бысте; 3 л. читали быша.

Заключение.

Подводя итог всему, что мы теперь знаем об имени существительном, мы можем сказать:

Слова мужеского, женского и среднего рода, представляющие собою или чистую основу (*волк, камень, край, ночь, кость, день, дитя, время и под.*) или оканчивающиеся на *-о, -е, -а, -я (село, поле, коза, буря)* и изменяющиеся по падежам, — называются **именами существительными**. Они отвечают на вопрос *—кто?* и означают название предмета.

§ 38.

Имя прилагательное.

Ветер и солнце.

Однажды солнце и сердитый северный ветер затеяли спор о том, кто из них сильнее. Долго спорили они и, наконец, решили померяться силами над путешественником, который в это самое время ехал верхом по большой дороге.

„Посмотри", сказал ветер: „как я налечу на него; мигом сорву с него плащ!" Сказал и начал дуть, что было мочи. Но чем более старался ветер, тем крепче закутывался путешественник в свой плащ; он ворчал на непогоду, но ехал все дальше и дальше. Ветер сердился, свирепел, осыпал путника дождем и снегом; проклиная ветер, путешественник надел свой плащ в рукава и подпоясался поясом. Тут же ветер и сам убедился, что ему плаща не сдёрнуть.

Солнце, видя бессилие своего соперника, улыбнулось, выглянуло из-за облаков, обогрело, осушило землю, а вместе с тем и бедного полузамерзшего путешественника. Почувствовав теплоту солнечных лучей, он приободрился, благословил солнце, сам снял свой плащ, свернул его и привязал к седлу.

„Видишь ли", сказало тогда кроткое солнце сердитому ветру: „лаской и добротой можно сделать гораздо более, чем гневом".

К. Ушинский.

Первые воспоминания.

Я начинаю себя помнить очень больным, и не в начале болезни, которая тянулась слишком полтора года, не в конце её, когда я уже оправлялся,—нет, именно помню себя в такой слабости, что каждую минуту опасались за мою жизнь.

Один раз, рано утром, я проснулся или очнулся—и не узнаю, где я. Всё было незнакомо мне: высокая большая комната, голые стены из претолстых новых сосновых брёвен, сильный смолистый запах; яркое, кажется, летнее солнце только что восходит. Подле меня тревожно спит, без подушек и не раздетая, моя мать. Как теперь гляжу на чёрную её косу, растрепавшуюся по худому и жёлтому её лицу. Меня накануне перевезли в подгородную деревню Зубовку, верстах в десяти от Уфы. Видно, дорога и произведенный движением спокойный сон подкрепили меня; мне стало хорошо и весело, так что я несколько минут с любопытством и удовольствием рассматривал окружающие меня новые предметы. Я не сумел поберечь сна бедной моей матери, тронул её рукою и сказал: „ах, какое солнышко! как хорошо пахнет!“ Мать вскочила, в испуге сначала, и потом обрадовалась, вслушавшись в мой крепкий голос и взглянув на мое посвежевшее лицо. Как она меня ласкала, какими называла именами, как радостно плакала,—этого не расскажешь!—

С. Аксаков.

Днепр.

Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои. Ни зашелохнет, ни прогремит. Глядишь, и не знаешь, идёт или не идёт его величавая ширина; и чудится, будто весь вылит он из стекла, и будто голубая зеркальная дорога, без меры в ширину, без конца в длину, реет и вьётся по зелёному миру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядеться с вышины и погрузить лучи в холод стеклянных вод, и прибрежным лесам ярко отсветиться в водах. Зеленокудрые! они толпятся вместе с полевыми цветами к водам и, наклонившись, глядят в них и не наглядятся, и не налюбуются светлым своим зраком, и усмехаются сму, и приветствуют его, кивая ветвями. В середину же Днепра они не смеют глянуть: никто, кроме солнца и голубого неба, не глядит

§ 73.

Правописание некоторых глагольных форм.

1. Неопределенная форма глагола всегда оканчивается на *-ти, -тися, -чи,* или на смягченный согласный звук: *ть, -ться,* а также *-чь, -чься: нести, везти, цвести; нестися; стеречи; несть, знать, писать, вязать, беречь, мочь; знаться, хотеться, мочься.* Следует при этом помнить, что неопределенные формы отвечают на вопрос: *что делать?* и в сомнительных случаях надо поставить этот вопрос; если слово отвечает на этот вопрос, значит оно представляет собою неопределенную форму глагола и должно писаться с *-ь:* это дерево не может *гнуться;* если же слово отвечает на вопрос: *что делает?* то оно представляет собою форму 3 го л. множ. ч. наст. времени, где *ь* писать не надо: деревья *гнутся* от ветра.

2. В окончании 2 го л. ед. числа *-шь, -шься* пишется всегда *-ь: ты несешь, знаешь, пишешь, ходишь, стережешь, бережешь, можешь, толчешь, несешься, знаешься, бережешься, толчешься.*

3. Ь—пишется в формах повелительного наклонения: *садись, садитесь; лазь, лазьте; сядь, сядьте; закинь, закиньте; режь, режьте; не плачь, не плачьте; ешь, ешьте.*

4. Иногда бывает трудно определить, к какому спряжению относится глагол, к 1-му или ко 2-му, а между тем определить надо, потому что в 1-м спряжении во 2-м л. ед. ч. надо писать *-е,* а во 2-м спряжении *-и;* в 3-м лице множ. ч. в 1-м спряжении надо писать *-ут, -ют,* а во 2-м спряжении *-ат, -ят;* напр., как написать: *ты дышешь* или *ты дышишь?* Во всяком случае, прежде всего будем помнить, что если во 2-м лице ед. ч. имеется звук *-е,* то в 3-м л. мн. ч. надо писать *-ут,* или *-ют,* и наоборот: если в форме 3-го л. мн. ч. мы имеем окончания: *-ут* или *-ют,* то в форме 2-го л. наст. вр. надо писать *-е:* пишешь—пишут, мажут – мажешь, машут—машешь; если же во 2 м л. ед. ч. имеется звук—*и,* то в форме 3-го л. мн. ч. надо писать *-ат, -ят,* и наоборот: если в форме 3-го л. мн. ч. мы имеем *-ат, -ят.* то во 2-м л. ед. ч. надо писать—*и: слышишь — слышат; лазят — лазишь.*

Для сомнительных случаев обыкновенно рекомендуют придерживаться следующего правила:

а) если в глаголе перед окончанием его неопределенной формы имеются *-а, -е, -и,* выпадающие в форме настоящего времени, то такой глагол относится ко 2-му спряжению, следовательно, в форме 2 л. ед. ч. мы будем иметь звук — *и,*

а в 3-м л. мн. ч. окончание *-ат*, или *-ят:* смотреть—смотрю, *смотришь—смотрят*; любить — люблю — *любишь, любят*; слышать—слышу — *слышишь, слышат*; служить — служу—*служишь—служат*; если же эти звуки не выпадают, то глагол будет относиться к 1-му спряжению: греть — грею—*греешь—греют*; читать—читаю — *читаешь — читают*; утешать—утешаю—*утешаешь—утешают* и т. п. Поэтому: дышать—дышу (*а*—выпало!) — следовательно: *дышишь — дышат.*

Задачи: 1) Написать рассказ, в который входили бы глаголы различных форм, подчеркнуть глагольные формы и уметь объяснить их форму;

2) нарисовать картинку и составить к ней рассказ, в который входили бы глаголы, подчеркнуть их и уметь объяснить их форму;

3) составить несколько фраз, в которые входили бы глаголы различных форм, подчеркнуть их и уметь объяснить их.

§ 74.

Наречие.

Привязав к ракитам лодку,
мужики *вдвоем,*
близ осоки, *втихомолку*
тянут сеть с трудом.
По траве, в рубашках белых,
скачут *босиком*
два мальчишка загорелых
на прутах *верхом.*
Крупный пот с них градом льется,
и лицо горит;
звучно смех их раздается,
голосок звенит...

Никитин.

Когда перенимать с умом, *тогда* не чудо
и толку от того сыскать;
а без ума перенимать
и Боже сохрани, как худо!
Я приведу пример тому из дальних стран.
Кто обезьян видал, те знают,
как *жадно* все они перенимают...

Крылов.

Охотно мы дарим,
что нам не надобно самим...
Лиса, курятинки накушавшись *досыта*...
под стогом прилегла вздремнуть в вечерний час...
И серый рыцарь мой,
обласкан по уши кумой,
пошел без ужина *домой*.

Крылов.

Однажды Лебедь, Рак да Щука
везти с поклажей воз взялись,
и *вместе* трое все в него впряглись;
из кожи лезут *вон*, а возу *все* нет ходу!
Поклажа бы для них казалась и легка:
да Лебедь рвется в облака,
рак пятится *назад*, а Щука тянет в воду.
Кто виноват из них, кто прав—судить не нам;
да только воз и *ныне там*.

Крылов.

С крыльца нашего была видна река Белая, и я с нетерпением ожидал, *когда* она вскроется. И *наконец*, пришел этот желанный день и час! *Торопливо* заглянул Евсеич в мою детскую и *тревожно*-радостным голосом сказал: „Белая тронулась". Мать позволила, и в одну минуту, *тепло* одетый, я уже стоял на крыльце и *жадно* следил глазами, *как* шла *между* неподвижных берегов огромная полоса синего, темного, а иногда желтого льда...

С. Аксаков.

С горшками шел обоз,
и надобно с крутой горы спускаться;
вот, на горе других оставя дожидаться,
хозяин стал сводить *легонько* первый воз.
Конь добрый на крестце почти его понес,
катиться возу не давая;
а лошадь *сверху* молодая
ругает бедного коня за каждый шаг:
„Ай, конь хваленый! то-то диво!
Смотрите: лепится, *как* рак!
Вот чуть не зацепил за камень... Косо! Криво!
Смелее! Вот толчок *опять!*
А тут бы *влево лишь* принять!
Какой осел! Добро бы было *вгору*
или в ночную пору;
а то и *подгору* и *днем!*..

Крылов.

Нам не стать привыкать—
пусть мороз твой трещит:
наша русская кровь
на морозе горит.
Искони уж таков
православный народ:
летом, смотришь, жара,—
в полушубке идёт;
жгучий холод пахнул,—
все равно для него;
по колени в снегу,
говорит: „Ничего!"

Никитин.

Мы уже знаем, что глагол обозначает название признака, производимого действием самого же предмета. Поэтому, если мы говорим: „мужики вдвоём, втихомолку тянут сеть с трудом", то словом *тянут* мы обозначаем известный признак мужиков, который, однако, не пребывает в них постоянно, как признак всегда им принадлежащий, но появляется в них благодаря их же собственному действию, благодаря тому, что в данный момент они *тянут* сеть. Но о мужиках, тянущих сеть, еще сказано, что они тянут её *вдвоём* и *втихомолку*, т. е. указан известный признак, но уже не мужиков, а их действия. Следовательно, слова *вдвоём* и *втихомолку* обозначают названия признака действия, обозначенного глаголом — *тянут*. А так как всякий глагол есть название признака, производимого действием самого же предмета, то можно сказать, что слова *вдвоём* и *втихомолку* представляют собою **названия признаков признака предмета.**

В том же отрывке из стиха Никитина „*Утро на берегу озера*" говорится дальше про двух мальчишек загорелых, что они „по траве, в рубашонках белых, скачут *босиком* на прутах *верхом*". Слова—*босиком* и *верхом* обозначают названия признаков того признака мальчишек, который они сами создают своим скаканием: скачут босиком на прутах верхом.

Слова, обозначающие признак признака, называются *наречиями*.

Задача: рассмотреть с этой же точки зрения наречия во всех приведенных отрывках.

§ 75.

Форма наречий.

Если мы сравним наречные формы: *верхом, сверху, днём, летом* и т. п. с наречными же формами: *однажды, вдвоём* и т. п., мы легко заметим, что наречия по форме не одинаковы, и что одни из них напоминают собою какие то падежные формы имен существительных, другие — формы имен прилагательных, третьи—имена числительные и т. д. И действительно, с точки зрения формы все наречия представляют собою окаменевшие формы различных частей речи, остающиеся в речи всегда неизменными.

Такие наречные формы, как, напр., *сегодня, завтра* (вм. заутра), *свечера, вчера, исстари, издали, искони, снаружи, сначала, сдетства, сызмальства, отроду, исподтишка, сразмаху* и т. п.—все это формы родительного пад. имен существительных; наречия: *домой, долой, кроме* — представляют собою формы дательных падежей от слов: дом (домови—домой), дол (долови—долой), крома (ср. кромка); сюда же относятся наречия: *поправде, поистине, по-латыни* и т. п.; наречия: *назад, вперёд, наконец, между, вгору, подгору, вверх, вниз, вновь, вкривь, вкось, вплавь, въявь, впрямь, наземь, насквозь, вглубь, вскачь, вовремя, ввиду, втихомолку* и т. п.—это винительные падежи имен существ. с предлогами; наречия: *босиком, верхом, днём, летом, ночью, вечером, утром, кубарем, бегом*—это творительные падежи ед. ч. имен существ.;

наречия: *втайне, накануне, поневоле, навеселе, вначале, вправе, наготове, вдалеке, вкратце*—это предложные падежи имен существительных;

наречия: *звучно, жадно, охотно, торопливо, тепло, косо, криво, легонько, тихо, громко, быстро* и т. п.—все это краткие формы имен прилагат. средн. рода;

наречия: *досыта, докрасна, добела, слева, справа, снова* и т. п.—это формы родит. п. имен прилагат.;

наречия: *вправо, влево, налево, направо* — это формы винит. п. имен прилагат.;

наречия: *однажды, дважды; вдвоём, втроём*—это наречные формы, образованные от числительных;

наречия: *всё, вовсе, совсем, где, везде, негде, нигде, здесь, там, сям, так, сяк, тогда, когда, отколе, оттоле, дотоле, доколе* и т. п. это наречные формы, образованные от местоимений помощью специальных наречных суффиксов: *-де (где* возникло из старого къде; *везде* из вьсьде; *здесь* местоим. сь+де+сь); *-м, -ак, -як, -ле, -гда.*

Примечание: К числу наречий, как было указано выше, относятся также по своей форме и сравнительные степени имен прилагательных: смелее, тише, больше, реже, лучше, выше и т. п., будучи в одних случаях по значению именами прилагательными, если отвечают на вопрос: какой? или каков? (весною река бывает красивее, глубже и шире), и оставаясь наречиями по значению в других случаях: рыба уходит глубже в воду; я стал писать красивее (вопрос—как?). Превосходная степень наречия образуется чрез прибавление к сравнительной слов: *всех* или *всего* (он поет лучше всех; географию я знаю лучше всего), *очень, весьма* (он поет очень хорошо; географию я знаю весьма худо).

§ 76.

Значение наречий.

Всякое наречие обозначает какой-либо признак признака предмета, но кроме того, каждое в отдельности наречие обозначает или признак времени, или признак места, или признак причины и т. п. Сообразно с этим, *по значению*, наречия разделяются на наречия *времени:* когда, тогда, всегда, теперь, сегодня, вчера, раньше, прежде, снова, наконец, уже, летом, ночью, однажды и т. п.;

наречия *места:* здесь, там, всюду, куда, туда, откуда, отколе, вверх, вниз, сверху, вблизи, вдали, вдаль, вдалеке; домой, назад;

наречия *образа действия:* как, так, вплавь, наизусть, насквозь, вскачь, босиком, верхом, кубарем, бегом, втайне, вкратце, звучно, жадно, охотно, тепло, тихо, досыта, докрасна, дважды, вдвоем, сколько, столько, много, мало и т. п.;

наречия *причины:* почему, потому, оттого, сдуру, спьяна, сослепу, спросонья, спроста.

§ 77.

Правописание наречий.

По своей форме наречия представляют собою, как мы теперь знаем, различные формы имен существительных, прилагательных, числительных и местоимений, при чем некоторые наречия представляют собою простые падежные формы, напр., *домой, верхом, низом* и т. п., другие же — падежные формы с предлогами: *вверх, вниз, вскачь, вглубь, наконец, вкратце* и т. п.; если форма слова вместе с предлогом имеет в речи значение наречия, то в этом случае предлог с фор-

мою, вместе с которою он образует наречие, пишется всегда слитно;

ь—следует писать в конце следующих наречий:
вглубь, вкось, вкривь, вновь, вплавь, впрямь, здесь, наземь, насквозь, наизусть, чуть-чуть.

Пишутся не слитно составные части в наречиях: по-латыни, по-французски, по-детски, когда-то, точь вточь, чуть-чуть, соединяясь друг с другом посредством *тире* (-).

§ 78.

Деепричастие.

Лебедь.

Лебедь по своей величине, силе, красоте и величавой осанке давно и справедливо назван царём всей водяной птицы. Белый, как снег, с блестящими прозрачными, небольшими глазами, с чёрным носом и чёрными лапами, с длинною, гибкою и красивою шеей, он невыразимо прекрасен, когда спокойно плывёт между зелёных камышей, по тёмно-синей гладкой поверхности воды. Но и все его движения исполнены прелести: начнёт ли он пить, зачерпнув носом воды, поднимает голову вверх и вытянет шею; начнёт ли купаться, нырять и плескать своими могучими крыльями, далеко разбрасывая брызги воды, скатывающейся с его пушистого тела; начнёт ли потом охорашиваться, легко и свободно закинув дугою назад свою белоснежную шею, поправляя и чистя носом на спине, боках и в хвосте смятые или замаранные перья; распустит ли крыло по воздуху, как будто длинный косой парус, и начнёт также носом перебирать в нём каждое перо, проветривая и суша его на солнце: все живописно и великолепно в нём.

С. Аксаков.

Подобно тому как причастие по значению есть часть речи объединяющая в себе одновременно значение глагола и значение прилагательного, т. е. обозначающая собою и название признака, производимого деятельностью предмета, и в то же время и название признака, пребывающего в предмете,—так и деепричастие, по значению, объединяет в себе и значение глагола и значение наречия, отчего деепричастие, наряду с глаголом и наречием, и выделяется в особую самостоятельную часть речи.

В приведенном выше отрывке говорится о лебеде, между прочим, следующее: начнет ли он купаться, нырять и плескаться своими могучими крыльями, далеко *разбрасывая* брызги воды... и т. д., — все живописно и великолепно в нем;—т. е. лебедь купается, ныряет и плескается, *разбрасывая* брызги воды. Словом *купается* в этой фразе обозначен признак лебедя, создаваемый деятельностью его же самого, а словом—*разбрасывая* обозначен признак того, как лебедь купается, т. е., другими словами, признак признака предмета, и этим то деепричастие и отличается от обыкновенного наречия.

Деепричастия имеют две временные формы: настоящего и прошедшего времени. Деепричастные формы настоящего вр. оканчиваются на *-а* или *-я*, иногда даже на *-учи, -ючи*: разбрасывая, поправляя, чистя, проветривая, суша; эти окончания присоединяются к основе 1-го л. наст. вр. изъявит. накл. Деепричастные формы прошедшего вр. оканчиваются на *-в, -вши* или *-ши:* зачерпнув, закинув: волк *евши* никогда костей не разбирает. Эти окончания присоединяются к основе неопред. формы глагола, при чем окончания *-в* и *-вши* присоединяются к основам, оканчивающимся на гласный звук, а окончание *-ши* к основам на согласный: нес-ти, несши; вез-ти, везши и т. п. Глаголы возвратного залога, помимо указанных окончаний—сохраняют на конце слова свое залоговое окончание *-ся* или *-сь*.

Задача: указать деепричастные формы в следующих отрывках:

Ни звезд блестящих, ни луны
на небе нет; и тишины
ночной ничто не нарушает;
порой проезжий лишь играет,
и колокольчик почтовой,
звеня над тройкой удалой,
на миг молчанье прерывает.
Между возов огонь горит;
на тагане котёл висит;
чумак раздетый, бородатый
поджавшись на ногах сидить
и кашу с салом кипятит...

Кольцов.

И под лавкой сундук
опрокинут лежит;
и погнувшись изба,
как старушка, стоит.

Кольцов.

Лягушка, на лугу увидевши вола,
затеяла сама в дородстве с ним сравняться...
И кончила моя затейница на том,
что, не сравнявшися с волом,
с натуги лопнула и—околела.

Крылов.

Когда мамаша вышла замуж, желая чем-нибудь отблагодарить Наталью Саввишну за её двадцатилетние труды и привязанность, она позвала её к себе и, выразив в самых лестных словах всю свою к ней признательность и любовь, вручила ей лист гербовой бумаги, на котором была написана вольная Наталье Саввишне, и сказала, что, несмотря на то, будет ли она или нет продолжать служить в нашем доме, она всегда будет получать ежегодную пенсию в 300 рублей. Наталья Саввишна молча выслушала все это; потом, взяв в руки документ, злобно взглянула на него, пробормотала что-то сквозь зубы и выбежала из комнаты, хлопнув дверью. Не понимая причины такого странного поступка, мамаша, немного погодя, вошла в комнашу Натальи Саввишны. Она сидела с заплаканными глазами на сундуке, перебирая пальцами носовой платок, и пристально смотрела на валявшиеся на полу перед ней клочки изорванной вольной.

— Что с вами, голубушка Наталья Саввишна? спросила мамаша, взяв её за руку.

— Ничего матушка, отвечала она:—должно быть, я вам чем-нибудь противна, что вы меня со двора гоните... Что-же, я пойду.

Она вырвала свою руку и, едва удерживаясь от слёз, хотела уйти из комнаты. Мамаша удержала её, обняла, и обе они расплакались.

Л. Толстой.

И я рада бы гадала,
кабы знала, ведала!
Через поле идучи,
русу косу плетучи,
златом пересыпаючи...
Ах, вы, кумушки, вы голубушки,
вы скажите, не утайте,
мое золото отдайте...

Святочная нар. песня.

Деепричастные формы глагола *быть:* будучи, быв, бывши; глагола *есть:* едучи, ев, евши; глагола *итти:* идя, шедши; глагола *хотеть:* хотя, хотев, хотевши; глагола: *хо-*

дить: ходя, ходив, ходивши. Деепричастный оборот сложной глагольной формы страдательного значения: будучи любим или — любимым; будучи несом, будучи принесен; быв любим и пр.

Как! быв честным котом до этих пор,
бывало, за пример тебя смиренства кажут...

Крылов.

Волк евши никогда костей не разбирает...

Крылов.

§ 79.

Предлог.

Детские годы.

Шлю привет родному краю,
уголку живой природы,
и с любовью вспоминаю
детства прожитые годы.
Вот мелькают предо мною
деревенские картины:
храм на горке за рекою,
дальше избы и овины.
Над широкими полями
много звуков раздается:
вьются пчелы над цветами,
песня жаворонка льется.
Вот брожу я одиноко
меж травою-муравою,
светит солнышко высоко
над моею головою;
быстро тени пробегают,
тихо травка шевелится,
щоки рдятся и пылают.
От жары хочу я скрыться
с поля к речке, в рожь густую
иль в дремучий лес сосновый...
Вот под сосну вековую
на ковер я лег дерновый;
леса темные вершины,
как живые, шевелятся,
сосны, ели-исполины
в небо синее вглядятся.
Векши, вздернув хвост пушистый,
по деревьям пробегают;
птички пеньем голосистым
лес дремучий оглашают.
Рад бы слушать я душою
эту музыку до ночи,
но за чащею лесною
мне блеснули чьи-то очи.
И со страхом поневоле
выхожу я на опушку
и отсюда через поле
убегаю в деревушку.
Дома бабушка слепая
на постель со мною ляжет
и, крестяся и зевая,
сказку чудную расскажет.
Их она не мало знает,
только слушай со вниманьем:
вот в окошко змей влетает,
жжет меня своим дыханьем;
кто-то грозно из-под шапки
смотрит с длинной бородою...
и я в страхе жмуся к бабке
под дерюгою [1]) худою.

С. Дрожжин.

[1]) Толстая, грубая ткань.

Все части речи, с которыми мы до сих пор познакомились: имя существительное, имя прилагательное, глагол, причастие, наречие и деепричастие,—каждая в отдельности, обозначают или название предмета или название признака предмета или название признака признака предмета, поэтому они и называются *знаменательными* частями речи. Но в нашем языке есть целый ряд слов, не обозначающих ни названия предмета, ни названия признака и вообще не имеющих самостоятельного значения, но приобретающих его только в тесной связи с другими словами. Так, напр., в стих. Дрожжина „*Детские годы*“ мы имеем, между прочим, такую фразу:

От жары хочу я скрыться
с поля к речке, в рожь густую
иль в дремучий лес сосновый...

В этой фразе наряду с словами знаменательными: жары, хочу, я, скрыться, поля, речке и т. д. мы имеем также и несколько слов, не имеющих самостоятельного значения, но приобретающих его только в связи с другими словами: *от, с, к, в*; я хочу скрыться *от жары, с поля, к речке, в рожь* густую. Не имея самостоятельного значения, эти слова обозначают различные отношения между другими словами: я хочу скрыться *от жары*; я хочу скрыться *с поля, к речке, в рожь*. Другое отношение будет обозначено, напр., словом—*при:* я чувствую себя хорошо *при жаре*; я живу *при речке*; еще другое отношение между словами будет обозначено словом—*на:* я был *на поле*; я работал *на жаре*; я катался *на речке* и т. д. Эти не знаменательные или *служебные* слова в речи, служащие для обозначения **того или иного отношения между предметами**, называются *предлогами*. Формы своей предлоги, как и наречия и деепричастия, никогда не меняют, отчего они и называются *неизменяемою* частью речи.

§ 80.

Если мы обратим внимание на предлоги и те слова, при которых предлоги стоят, в приведенном выше стихотворении „Детские годы“, то мы заметим, что предлоги стоят при именах существительных и местоимениях—существительных, и что каждый из предлогов стоит всегда с определенною падежною формою сушествительного: *с любовью* вспоминаю (твор. п.); *со мною* ляжет (твор. п.); только слушай *со вниманьем* (твор. п.); *с* длинною *бородою* (твор. п.);

над полями (твор. п.); вьются пчелы *над цветами* (твор. п.); светит солнышко высоко *над* моею *головою* (твор. п.);

от жары хочу я скрыться *в рожь* густую, *в* дремучий *лес* сосновый (винит. п.); сосны, ели-исполины *в небо* синее глядятся (вин. п.);

и отсюда через поле убегаю *в деревушку* (винит. п.); вот *в окошко* змей влетает (винит. п.);

на ковер я лег дерновый (вин. п.); выхожу я *на опушку* (вин. п.); дома бабушка слепая *на постель* со мною ляжет (винит. п.) и т. д.

Некоторые предлоги, однако, могут стоять не с одною всегда какою-либо определенною падежною формою, а с двумя; так, напр., предлог *с* может стоять не только с формою творит. п., но и с формою родительного п.: от жары хочу я скрыться *с поля* к речке; предлог *на* может стоять не только с формой винит. п., но и с формой предложного п.: храм *на горке* за рекою. Эта зависимость падежной формы существительного от предлога называется в грамматике *управлением:* предлоги требуют, чтобы слова, стоящие после них, всегда стояли в той или иной определенной падежной форме.

Все приведенные выше предлоги *от, с, к, в,*—по своей форме *простые.* В сравнении с ними предлоги: *из-под, из-за* называются *слитными.*

§ 81.

Предлоги, требующие после себя *родительного* падежа:

без: — „У нас дорога большая была:
рабочего звания люди сновали
по ней *без числа*...“

Некрасов.

— „На то-ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
колеблемы вихрем и зноем палимы,
ничей благосклонный не радуя взор...“

Лермонтов.

для: Я читал свои книжки с восторгом и, несмотря на разумную бережливость матери, прочел все с небольшим в месяц. *Для меня* открылся новый мир...

С. Аксаков.

Птичка над моим окошком
гнездышко *для деток* вьет...

Ф. Туманский.

Для чего, певунья птичка,
птичка резвая моя,
ты так рано прилетела
в наши дальние края?..
— Не *для солнца,* не *для неба*
прилетела я сюда;
в камышах сухих и желтых
не совью себе гнезда...

Плещеев.

до: „Не радуйся, мой свет",
ей крыса говорит в ответ:
„и не надейся по-пустому!
коль *до когтей* у них дойдет,
то, верно, льву не быть живому..."

Крылов.

из: Волк *из лесу* в деревню забежал,
не в гости, но живот спасая...

Крылов.

Только что на проталинах весенних
показались ранние цветочки,
как из царства воскового,
из душистой келейки медовой
вылетает первая пчелка ..

Пушкин.

около: *Около клеток* толпилось особенно много народу. Большинство глазело и слушало птичий писк и верещанье, но некоторые покупали маленьких пленниц и тут же выпускали их на волю..

Баранцевич.

от: *От цветов,* на полях,
льется запах кругом,
и сияет роса
на траве серебром...

Суриков.

По зеркальной воде, по кудрям лозняка
от зари алый свет разливается...

Никит.

с: *С радости—веселья*
хмелем кудри вьются;
ни *с какой заботы*
они не секутся...

Кольцов.

С тех пор он бросил воевать, пошел в Мекку — Богу молиться. От этого у него чалма.

Л. Толстой.

Я возвращался *с охоты* и шел по аллее сада.

Тург.

у: Голодная кума лиса залезла в сад;
в нем винограда кисти рделись.
У кумушки глаза и зубы разгорелись.

Крылов.

Как-то раз, перед толпою
соплеменных гор,
у Казбека с Шат-горою
был великий спор...

Лермонтов.

Предлоги, требующие после себя *дательного* падежа:

к: ...гусей крикливых караван
тянулся *к югу*.

Пушкин.

к крестьянину на двор
залез осенней ночью вор.

Крылов.

по: Дело под вечер, зимой,
и морозец знатный.
По дороге столбовой
едет парень молодой,
ямщичок обратный...

Некрасов.

Прожил так Жилин месяц. Днем ходит *по аулу* или рукодельничает, а как ночь придет, затихнет в ауле, так он у себя в сарае копает.

Л. Толстой.

звезды меркнут и гаснут. В огне облака.
Белый пар *по лугам* расстилается.
По зеркальной воде, по кудрям лозняка
от зари алый свет разливается...

Никитин.

Предлоги, требующие после себя *винительного* падежа:

в: Раз, *в крещенский вечерок*,
девушки гадали:
за ворота башмачок,
сняв с ноги бросали;
снег пололи, под окном
слушали, кормили
счетным курицу зерном,
ярый воск топили;
в чашку с чистою водой
клали перстень золотой,
серьги изумрудны...

Жуковский.

Лиса, курятинки накушалась досыта
и добрый ворошок припрятавши *в запас*,
под стогом прилегла вздремнуть *в вечерний час*...

Крылов.

Мы сели в карету и отправились *в дальний путь*.

С. Аксаков.

Мы опять потащились на своих лошадях, сначала в Симбирскую губернию, где взяли сестру и брата, и потом пустились за Волгу, в Новое Аксаково, где оставалась новорожденная сестра Аннушка.

С. Аксаков.

на: В чужбине свято наблюдаю
родной обычай старины:
на волю птичку выпускаю
при светлом празднике весны

Пушкин.

Ополчилася—
и расширилась;
и ударила.
и пролилася
слезой крупною—
проливным дождем
на земную грудь,
на широкую...

Кольцов.

о, об: Мартышка тут с досады и с печали
о камень так хватила их,
что только брызги засверкали.

Крылов.

под: ...тогда подложили огонь *под готовый костер*
двов со стружками и лучиной—и пламя запылало.

С. Аксаков.

Старик-крестьянин с батраком
шел *под вечер*, леском,
домой, в деревню, с сенокосу...

Крылов.

Какой осёл! Добро бы было в гору
или в ночную пору,
а то и *под гору*, и днем!...

Крылов.

про: *Про жизнь* пустынную как сладко ни пиши,
а в одиночестве способен жить не всякий...

Крылов.

с: Вот в Риме, например, я видел огурец...
Ах, мой Творец!
И по сию не вспомнюсь пору!
Поверишь ли? Ну, право, был он *с гору!*

Крылов.

чрез, Что ты спишь, мужичок?
через: Ведь уж лето прошло,
ведь уж осень на двор
через прясло глядит...

Кольцов.

Предлоги, требующие после себя *творительного* падежа:

над: И друзья мальчишки,
стоя *надо мной*,
весело хохочут
над моей бедой.

Суриков.

над тобою с песней
жаворонок вьется;
над тобой и туча
грозно пронесется...

Жадовская.

Увидя, что мужик, трудяся *над дугами*,
их прибыльно сбывает с рук,
медведь задумал жить такими же трудами.

Крылов.

под: Ты *под окном* своей светлицы
горюешь, будто на часах,
и медлят поминутно спицы
в твоих наморщенных руках...

Пушкин.

И *под лавкой* сундук
опрокинут лежит,
и, погнувшись, изба,
как старушка, стоит...

Кольцов.

У кухни, *под окном*,
на солнышке Полкан с Барбосом лежа грелись...

Крылов.

Вставайте... Вставайте, страдальцы веков!
Нам душно и тяжко *под* гнетом оков...

Я. Бердников.

перед, пред: *Перед кончиной* она изъявила желание, чтобы одно из этих платьев—розовое—было отдано Володе на халат или бешмет...

Л. Толстой.

с: Старик-крестьянин *с батраком*
шел под вечер, леском,
домой, в деревню, с сенокосу...

Крылов.

Лягушка, на лугу увидевши вола,
затеяла в дородстве *с ним* сравняться...

Крылов.

Пронеслись утки *с шумом* и скрылися.

Никитин.

Стрижи и белогрудые ласточки, как-будто *с намерением* остановить нас, реют вокруг брички и пролетают под самой грудью лошадей; галки *с растрёпанными крыльями* как-то боком летают по ветру...

Л. Толстой.

Предлоги, требующие после себя *предложного* падежа:

в. Домик над рекою,
в окнах огонек;
светлой полосою
на воду он лег.

Плещеев.

Вышел внук на пашню к деду
в рубашенке, босиком,
улыбнулся и промолвил:
—„Здравствуй, дедушка Пахом“!..

Дрожжин.

В садах между листьев желтеют плоды,
и пахаря зреют на нивах труды.
В лугу уж звенит и сверкает коса,
а *в рощице* птичьи твердят голоса...

Ушинский.

Ночевать мы должны были *в татарской деревне*; но вечер был так хорош, что матери моей захотелось остановиться *в поле*...

С. Аксаков.

на: В сенях уже кипит самовар, который, раскрасневшись, как рак, раздувает форейтор Дмитрий; *на дворе* сыро и туманно...

Л. Толстой.

Ночь темна, *на небе* тучи,
белый снег кругом,
и разлит мороз трескучий
в воздухе ночном...

Огарев.

о, об: Ах, умолчу-ль *о мамушке моей*,
о прелести таинственных ночей,
когда, в чепце, в старинном одеяньи,
она, духов молитвой уклоня,

с усердием перекрестит меня
и шопотом рассказывать мне станет
о мертвецах, о подвигах Бовы...

Пушкин.

при: В чужбине свято наблюдаю
родной обычай старины:
на волю птичку выпускаю
при светлом празднике весны.

Пушкин.

Слитные предлоги:

из за: Вот и солнце встаёт, *из-за* пашен блестит,
за морями ночлег свой покинуло...

Никитин.

из-под: Как весенней тёплой порою
из под утренней белой зорюшки,
что из лесу, лесу дремучего—
выходила медведиха...

Пушкин.

Примечание. Очень часто предлоги в качестве представок, входят, как часть слова, в состав глаголов, имен прилагательных и существительных: отскочить, отучить; наука; безумие, безумный; приступ, преступление; заступать, наступать и т. д.

§ 82.

К правописанию предлогов.

1. Звук *и*, следующий за предлогами — представками, оканчивающимися на твердый согласный звук, произносится и пишется *-ы: сыграть, подыскать, предыдущий.*

2. Предлоги — представки: *из, низ, воз, вз, раз, чрез, через* и *без* перед следующими: — *к, п, т, х, ц, ч, ш, щ, ф*, *с* — меняют *з* на *с: искоренить, ниспускать, восток, растаять, расцеловать, расчесать, беспредельный* и т. п. (см. § 24, отд. 6).

§ 83.

С о ю з.

Пустынник и медведь.

Хотя услуга нам при нужде дорога,
но за неё не всяк умеет взяться;

не дай Бог с дураком связаться!
Услужливый дурак опаснее врага.

Жил некто, человек безродный, одинокий,
вдали от города, в глуши.
Про жизнь пустынную как сладко ни пиши,
а в одиночестве способен жить не всякий:
утешно нам и грусть и радость разделить.
Мне скажут: „а лужок, а тёмная дубрава,
пригорки, ручейки и мурава шелкова“?
—„Прекрасны, что и говорить!
А всё прискучится, как не с кем молвить слова“.
Так и пустыннику тому
соскучилось быть вечно одному.
Идет он в лес толкнуться у соседей,
чтоб с кем-нибудь знакомство свесть.
В лесу кого набресть.
кроме волков или медведей?
И точно, встретился с большим медведем он;
но делать нечего: снимает шляпу,
и милому соседушке поклон.
Сосед ему протягивает лапу,
и, слово-за-слово, знакомятся они, потом дружатся,
потом не могут уж расстаться
и целые проводят вместе дни.
О чем у них и что бывало разговору,
иль присказок, иль шуточек каких,
и как беседа шла у них,
я по сию не знаю пору.
Пустынник был не говорлив,
Мишук с природы молчалив;
так из избы не вынесено сору.
Но как бы ни было, пустынник очень рад,
что дал ему Бог в друге клад.
Везде за Мишей он, без Мишеньки тошнится,
и Мишенькой не может нахвалиться.
Однажды вздумалось друзьям
в день жаркий побродить по рощам, по лугам,
и по долам и по горам;
а так как человек медведя послабее,
то и пустунник наш скорее,
чем Мишенька, устал
и отставать от друга стал.
То видя, говорит, как путный, Мишка другу:
„приляг-ка, брат, и отдохни,
да коли хочешь, так сосни;
а я постерегу тебя здесь у досугу“.
Пустынник был сговорчив: лег, зевнул

да тотчас и заснул.
А мишка на часах: да он же и не без дела:
у друга на нос муха села—
он друга обмахнул;
взглянул,
а муха на щеке; согнал, а муха снова
у друга на носу,
и неотвязчивей час-отчасу.
Вот Мишенька, не говоря ни слова,
увесистый булыжник в лапы сгреб,
присел на корточки, не переводит духу,
сам думает: „молчи-ж, уж я тебя, вооруху!"
И, у друга подкарауля муху,
что силы есть—хвать друга камнем в лоб!
Удар так ловок был, что череп в рознь раздался,
и Мишин друг лежать на долго там остался!

Крылов.

Если мы обратим внимание на следующую, напр., фразу в этой басне Крылова:

О чем у них и что бывало разговору,
иль присказок, иль шуточек каких,
и как беседа шла у них,
я по сию не знаю пору...

и рассмотрим отдельные слова, из которых эта фраза составлена, то найдем, что в нее входит целый ряд знаменательных частей речи: имен существительных, имен прилагательных, глаголов и наречий; несколько предлогов *(о, у)* да кроме того есть целый ряд слов, которые нельзя отнести ни к одной из знаменательных частей речи: ни к именам существительным, ни к именам прилалательным, ни к глаголам, ни к наречиям; нельзя их отнести также и к предлогам, потому что они не управляют падежами, не сливаются, как это бывает иногда с предлогами, в одно слово с теми сущест., прилагательными и глаголами, к которым они относятся, не обозначают различных отношений между предметами речи. Таких в приведенном отрывке встречается два слова: *и* и *иль*. Что эти слова означают в нашей речи? для чего мы ими пользуемся?

Если мы обратим внимание на их значение в приведенном отрывке, мы увидим, что они служат только для *связи* друг с другом как отдельных слов, так и целых фраз. Крылов говорит, что он и по сию пору не знает, о чем *и* что бывало разговору между пустынником и медведем—с одной стороны, *и* как беседа шла у них — с другой. В первом случае слово *и* связывает собою два слова: о чем и что, а

во втором случае-две фразы. Слово *иль* также точно связывает два слова: присказок и шуточек, хотя и связывает их несколько особенным образом, как бы сопоставляя предметы друг с другом так, что при допущении одного предмета исключается возможность другого (*или* я *или* ты; *или* пан *или* пропал).

К числу таких же служебных слов следует отнести также и слова: *хотя, но, а, чтоб* или *чтобы, дабы, и точно, итак, так, что, так что, до того, так как, то, чем, да, коли, если, еслибы, потому, потому что, оттого, затем, ибо, поэтому; ли, или, иль, али, либо; пусть, пускай; когда—тогда; однако, следовательно, действительно и др.*

В этом списке союзов можно различать: 1) союзы, состоящие только из одного з ука или одного слога: *на, а, и, то, да*; 2) союзы, происшедшие от других частей речи; например, от местоимений: *что, чем*, а также и *тем* (в выражении: чем — тем), *то*; от глаголов: *хотя*; от наречий: *точно, так как, однако, когда* и др.; 3) союзы, составленные из двух союзов или других частей речи: *или, ибо, либо; если* (из есть-ли), *еслибы, чтобы, оттого, затем, поэтому итак, также, тоже* и др.

Первая группа союзов называется — *первообразными* вторая—*производными* и третья—*сложными*.

Итак, *союзом называется неизменяемая служебная часть речи, которая служит для связи друг с другом как отдельных слов речи, так и целых фраз.*

А это ничего, что свой ты долгий нос
и с глупой головой из горла цел унес?
поди-ж, приятель, убирайся
да берегись: вперед ты мне не попадайся!

Крылов.

Вороне где-то Бог послал кусочек сыру.
На ель ворона взгромоздясь,
позавтракать было совсем уж собралась,
да призадумалась, а сыр во рту держала.

Крылов.

Взялся крестьянин за топор
и деревцу, как другу,
он оказал услугу:
вкруг деревца большой очистился простор.
Но торжество его не долго было:
то солнцем дерево печет,
то градом, то дождем сечет,
и ветром наконец то деревцо сломило.

Крылов.

По тебе от ветру,
словно в синем море,
волны так и ходят,
ходят на просторе...

Жадовская.

Туча черная
понахмурилась,
понахмурилась,
что задумалась,
словно вспомнила
свою родину...

Кольцов.

Из клетей домовой
сор метлою посмел
и лошадок за долг
по соседям развел.
И под лавкой сундук
опрокинут лежит,
и, погнувшись изба,
как старушка, стоит.
Вспомни время свое,
кат катилось оно
по полям и лугам
золотою рекой...

Кольцов.

Щука и кот.

Беда, коль пироги начнёт печи сапожник,
а сапоги точать пирожник,
и дело не пойдет на лад;
да и примечено стократ,
что кто за ремесло чужое браться любит,
тот завсегда других упрямей и вздорней;
он лучше дело все погубит,
и рад скорей
посмешищем стать света,
чем у честных и знающих людей
спросить иль выслушать совета.
Зубастой щуке в мысль пришло
за кошачье приняться ремесло.
Не знаю, завистью-ль её лукавый мучил,
иль, может быть, ей рыбный стол наскучил,
но только вздумала кота она просить,
чтоб взял её с собою на охоту—
мышей в амбаре половить.
„Да, полно, знаешь ли ты эту, свет, работу?“
Стал щуке Васька говорить;
„смотри, кума, чтоб не осрамиться:
не даром говорится,
что дело мастера боится“.
„И, полно, куменёк! Вот невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей.“
—„Так в добрый час, пойдем!“

Пошли, засели.
Натешился, наелся кот,
и кумушку проведать он идет.
А щука, чуть жива, лежит, разинув рот—
и крысы хвост у ней отъели.
Тут, видя, что куме совсем не в силу труд,
кум замертво стащил её обратно в пруд.
И дельно! Это, щука,
тебе наука:
вперёд умнее быть
и за мышами не ходить.

Крылов.

§ 84.

Правописание союзов.

В деревне, в праздник, под окном помещичьих хором народ толпился: на белку в колесе зевал он и дивился. Вблизи с березы ей дивился *тоже* дрозд: так бегала она, что лапки лишь мелькали, и раздувался пышный хвост.

Крылов.

Один из гребцов соскочил в воду, подвел лодку за носовую веревку к пристани и крепко привязал к причалу; другой гребец сделал *то же* с кормою...

С. Аксаков.

...Костер пылал и ярко освещал наших людей, которые сидели около котла с горячей кашицей, хлебали ее и весело разговаривали между собою. Лошади, припущенные к овсу, *также* были освещены с одной стороны полосою света...

С. Аксаков.

Задумает ли он выскочить зимой в сени или отворить форточку—опять крики. И Илюша с печалью оставался дома, лелеянный, как цветок в теплице, и *так же* как последний под стеклом, рос медленно и вяло...

Гончаров.

В два месяца я выучил эти четыре правила; в остальное время до отъезда в Казань отец только повторял со мною зады; в списывании прописей я достиг *также* возможного совершенства.

С. Аксаков.

Ночевать мы должны были в татарской деревне; но вечер был так хорош, что матери моей захотелось остановиться в поле. *Итак*, у самой околицы своротили мы немного вспорону и расположились на крутом берегу маленькой речки.

С. Аксаков.

С Максимом Дмитриевичем Княжевичем мы переписывались из деревни; заранее знали, что есть казенная вакансия в гимназии, и заранее приготовили все бумаги, нужные для моего определения. *Итак*, недели через две, помолясь усердно Богу, отец мой подал просьбу директору.

С. Аксаков.

Птичка.

Вчера я растворил темницу
воздушной пленницы моей:
я рощам возвратил певицу,
я возвратил свободу ей.

Она исчезла, утопая
в сияньи голубого дня,
и так запела, улетая,
как бы молилась за меня.

Туманский.

Молитва.

В минуту жизни трудную,
теснится-ль в сердце грусть,
одну молитву чудную
твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
в созвучьи слов живых,
и дышит непонятная,
святая прелесть в них.

С души, как бремя, скатится
сомнение далеко—
и верится, и плачется,
и так легко, легко...

Лермонтов.

. . . Река на это отвечает,
что свежесть лишь вода движеньем сохраняет.
— „И если стала я великою рекой,
так это *оттого*, что, кинувши покой,
последую сему уставу“.

Крыл.

„Друзья!“ смиренно им ответствует старик:
„издетства я к трудам привык;
а если *от того*, что делать начинаю,
не мне лишь одному я пользы ожидаю,
то, признаюсь, за труд такой еще охотнее берусь...

Крыл.

Отвечает конь печальный:
оттого я присмирел,
что я слышу топот дальний,
трубный звук и пенье стрел.
Оттого я ржу, что в поле
уж не долго мне гулять,
проживать в красе и в холе,
светлой сбруей щеголять,
что уж скоро враг суровый
сбрую всю мою возьмет
и серебряны подковы
с легких ног моих сдерет;
оттого мой дух и ноет,
что на место чапрака
кожей он твоей покроет
мне вспотевшие бока.

Пушкин.

Ночь еще только что обняла небо; но Бульба всегда ложился рано. Он развалился на ковре, накрылся бараньим тулупом, *потому что* ночной воздух был довольно свеж, и *потому что* Бульба любил укрыться потеплее, когда был дома.

Гоголь.

Крестьянин на заре с сохой над полосой своей трудился: трудился так крестьянин мой, что градом пот с него катился; мужик работник был прямой. *Зато*, кто мимо ни проходит, от всех ему спасибо, исполать!..

Крылов.

Что волки жадны, всякий знает:
волк, евши, никогда
костей не разбирает.
Зато на одного из них пришла беда:
он костью чуть не подавился...

Крылов.

Пройдёт недели две такой работы, и на ниве, где еще недавно волновалась высокая рожь, будет повсюду торчать срезанная солома. *Зато* на сжатой полосе рядами станут высокие, золотистые копны хлеба...

К. Ушинский.

...Взгляни-ка, Савося,какое колечко"!
Мы оба нагнулись, да разом и хвать
змею! Я подпрыгнул: ужалила больно.
Совося хохочет: „попался спроста"!
Зато мы потом их губили довольно
и клали рядком на перила моста...

Некрасов.

...А козел говорит: „А кто тебе велел за моим хвостом бегать? Я пошел сам в свою голову, так сам за себя и отвечаю; коли мужик мне бока отомнет, не стану плакаться ни на кого: ни на хозяина, *зачем* дома не кормит, ни на пастуха, что за мною не присмотрел; буду терпеть да молчать, коли попадусь, и только. А тебя *зачем* нелегкая за мною понесла? Я тебя не звал".

В. Даль.

За шапку он оставить рад
коня, червонцы и булат;
но выдаст шапку только с бою
и то лишь с буйной головою.
Зачем он шапкой дорожит?
Затем, что в ней донос зашит,
донос на гетмана—злодея
Царю Петру от Кочубея.

Пушкин.

Охотно мы дарим,
что нам ненадобно самим.
Мы этой басней поясним,
затем, чти истина сноснее вполоткрыта.

Крыл.

Пословица: Кто *за чем* пойдет, то и найдет.

Играйте же, дети! Растите на воле!
На то вам и красное детство дано,
чтоб вечно любить это скудное поле,
чтоб вечно вам милым казалось оно...

Некрасов.

Она с жаром, с страстью, со слезами, как степная чайка, вилась над детьми своими. Её сыновей, её милых сыновей берут от нее, берут для того, *чтобы* не увидать их никогда.

Гоголь.

Не знаю, завистью ль ее лукавый мучил,
иль, может быть, ей рыбный стол наскучил,
но только вздумала кота она просить,
чтоб взял ее с собою на охоту—
мышей в амбаре половить...

Крылов.

Затруднение в правописании союзов представляют только так называемые *сложные* союзы, т. е. союзы, составленные из других частей речи. Образующие эти союзы составные части пишутся слитно: *потому, почему, оттого, отчего, поэтому, затем, зачем, зато, тоже, также, чтобы, чтоб, еслибы, дабы, итак* и др. Союзы: *потому, почему, оттого, отчего, поэтому* и др.—составлены из предлога и местоименной формы. Следует обращать внимание на то, в какой роли в речи выступают местоимение (или наречие) с сопровождающим его предлогом, в роли ли местоимения или союза. В первом случае предлог и местоимение не сливаются; во втором случае те же два слова сливаются в одно слово, как это мы видим из приведенных выше примеров.

Союзы: *чтобы, чтоб, еслибы, дабы*—представляют собою слитное написание составляющих их частей: местоимения *что* и союзов: *если* и *да* с частицею *бы;* но та же частица — *бы* не сливается с местоимением *что* в том случае, если это *что* сохраняет свое значение местоимения: *что бы* ты ни сказал, *что бы* ни сделал, он никогда не будет доволен.

§ 85.

Служебные частицы речи.

Рядом с служебными частями речи, *предлогами* и *союзами*, следует поставить также и служебные *частицы речи*. Различаются следующие частицы речи:

1) **усилительные**: *даже, же, ведь, вот, уж, то, и, ни, таки:*

А *ведь*, признайся, есть из кумушек моих
таких кривляк пять-шесть:
я *даже* их могу по пальцам перечесть...

Крылов.

Потешь *же*, миленький дружочек!
Вот лещик, потроха, *вот* стерляди кусочек!

Крылов.

Ерш пошел оттуда вон,
с полминуты порезвился,
в черный омут опустился
и, разрыв на дне песок,
вынул красный сундучок—
пуд, по крайней мере, во сто.
„Здесь, брат, дело-*то* не просто".

Ершов.

А птички? Все давно *уж* тут:
играют, свищут и поют...
Зачем *же*, звездочка-краса,
всегда так рано в небеса?
Звезда-подружка там горит!
Пока родное солнце спит,
спешат увидеться они
в уединенной вышине...
Но что *ж*? Увидятся ли?.. Нет,
спешит за ними солнце вслед,
Уж вот оно: восток зажгло,
свой алый завес подняло,
надело знойный свой убор
и ярко смотрит из-за гор.
А звездочка!.. *Уж* не блистит;
печально, бледная, бежит;
подружке шепчет: „Бог с тобой!..
И скрылась в бездне голубой...
И солнце на небе одно,
великолепно и красно,
идет по светлой высоте
в своей спокойной красоте...

Жуковский.

Тогда подложили огонь под готовый костер дров с стружками и лучиной—*и* пламя запылало.

Аксаков.

Что ты спишь мужичок?
Ведь весна на дворе,
ведь соседи твои
работают давно...

Кольцов.

Природная речь его была русская... Немецкий *же* язык он наследовал от отца да из книг.

Гончаров.

Пробившись попусту час целый,
пошла и говорит с досадой: „ну что-*ж!*
На взгляд-*то* он хорош,
да зелен — ягодки нет зрелой...

Крылов.

— „А что, у отца-*то* большая, семья?"
— „Семья-*то* большая, да два человека
всего мужиков-*то*: отец мой да я"...

Некрасов.

„Ты бы внука-*то* маленько
за вихор подрал:
он взял волю-*то* раненько!"
свату сват сказал

Никитин.

Я не отходил от матери *ни* на шаг.

Аксаков.

„И, полно, куманек! *Вот* невидаль: мышей!
мы лавливали и ершей".

Крылов.

2) **вопросительные**: *ли (али, аль), разве, ужели, неужели.*

Листы на дереве с зефирами шептали,
хвалились густой, зеленостью своей,
и вот как о себе зефирам толковали:
„Не правда ли, что мы краса долины всей?..

Крылов.

Что ты ржешь мой конь ретивый?
Что ты шею опустил?
Не потряхиваешь гривой,
не грызешь своих удил?
Али я тебя не холю?
али ешь овса не вволю?
Али сбруя не красна?

Аль поводья не шелковы.
не серебряны подковы,
не злачены стремена?..

Пушкин.

„Что это"? говорил реке соседний пруд:
как на тебя ни взглянешь,
а воды все твои текут.
Неужели—таки ты, сестрица, не устанешь?

Крылов.

„Да, полно, знаешь *ли* ты эту, свет, работу?"
стал щуке Васька говорить...

Крылов.

„Что, кумушка, беды!" он говорит:
„ни косточкой не мог нигде я поживиться:
меня так голод и морит;
собаки злы, пастух не спит;
пришло хоть удавиться!"
— „*Неужели?*"—„Право так"...

Крылов.

3) **повелительные**: *ка, ну, ну-ка, нутка, пусть, пускай, давай, давайте.*

...„Проси скорей Степана:
мужик предобрый он", кот Васька говорит.
— „То так, да у него я ободрал барана".
„ *Ну,* попытайся у Демьяна"...

Крылов.

„*Ну,* мертвая!" крикнул малюточка басом,
рванул под уздцы и быстрей зашагал...

Некрасов.

„Не правда ли, что мы краса долины всей?
Что нами дерево так пышно и кудряво,
раскидисто и величаво?
Что-б было в нем без нас? *Ну,* право,
хвалить себя мы можем без греха!..

Крылов.

Ну, кажись, я готов:
вот мой кафтанишко,
рукавицы на мне,
новый кнут под мышкой...

Некрасов.

И новые друзья *ну* обниматься,
ну целоваться;
не знают с радости, к кому и прировняться.

Крылов.

Лягушка, на лугу увидевши вола,
затеяла сама в дородстве с ним сравняться—
она завистлива была—
и *ну* топорщиться, пыхтеть и надуваться.
Смотри-*ка*, квакушка: что? буду-ль я с него"?
Подруге говорит.—„Нет, кумушка, далёко"!
— „Гляди же, как теперь раздуюсь я широко.
Ну, каково? Пополнилась ли я?"
„Почти что ничего".—*Ну*, как теперь"?..

Крылов.

„Взгляни-*ка*, Савося, какое колечко"!
Мы оба нагнулись, да разом и хвать
змею! Я подпрыгнул, ужалила больно.

Некрасов.

„Не то беда, что клеть далёко,
да надо на дворе лихих держать собак:
возьми-*ка* у меня щенка любого
от Жучки: я бы рад соседа дорогого
от сердца наделить...

Крылов.

Сижу за решеткой в темнице сырой
вскормлённый на воле орёл молодой;
мой грустный товарищ, махая крылом,
кровавую пищу клюет за окном.
Клюёт и бросает, и смотрит в окно;
как будто со мною задумал одно;
зовет меня взглядом и криком своим
и вымолвить хочет: „*Давай* улетим!
Мы вольные птицы; пора, брат, пора"!..

Пушкин.

Гляди-*тко* нас, как мы махнем!
Не бойсь, минуты не потратим,
и возик свой мы не свезем, а скатим"!..

Крылов.

Вот то-то мне и духу придает,
что я, совсем без драки,

могу попасть в большие забияки.
Пускай же говорят собаки:
„ай, моська! знать, она сильна,
что лает на слона"!..

Крылов.

4) **отрицательные**: *не, ни.*

Я *не* отходил от матери ни на шаг. Напрасно посылала она меня погулять или посмотреть на голубей или ястребов. Я никогда *не* ходил и всегда отвечал одно: „Мне *не* хочется, маменька".

С. Аксаков.

Птичка божия *не* знает
ни заботы *ни* труда;
хлопотливо *не* свивает
долговечного гнезда.

Пушкин.

Счастливый народ! *Ни* науки, *ни* неги
не ведают в детстве они...

Некрасов.

Увидя, что топор крестьянин нес,
„голубчик", деревцо сказало молодое:
„пожалуй, выруби вокруг меня ты лес.
Я *не* могу расти в покое:
ни солнца мне *не* виден свет,
ни для корней моих простору нет,
ни ветеркам вокруг меня свободы...

Крылов.

§ 86.

Междометие.

Подчас нежная заботливость родителей и надоедала ему.

Побежит ли он с лестницы или по двору, вслед ему раздается в десять отчаянных голосов: *Ах, ах,* поддержите, остановите! упадет, расшибется... стой, стой!..

Гончаров.

„Ты шутишь?" Зверь вскричал коварный:
„тебе за труд? *Ах* ты, неблагодарный!..

Крылов.

Ах, братцы! как я был доволен,
когда церквей и колоколен,
садов, чертогов полукруг
открылся предо мною вдруг!..

Пушкин.

Псари кричат: „*Ахти,* ребята, вор!"
И вмиг ворота на запор...

Крылов.

А лошадь сверху молодая
ругает бедного коня за каждый шаг:
„*Ай,* конь хваленый! то-то диво!
смотрите: лепится, как рак!..

Крылов.

Степан принес блюдечко с молоком, поставил перед Муму, но Муму даже и не понюхала молока и все дрожала и озиралась попрежнему.

— *Ах,* какая же ты! — промолвила барыня, подходя к ней, нагнулась и хотела погладить ее, но Муму судорожно повернула голову и оскалила зубы. Барыня проворно отдернула руку...

— *Ах,*—закричали разом все приживалки: не укусила ли она вас, сохрани Бог! (Муму в жизнь свою никого никогда не укусила). *Ах—ах!..*

Тургенев.

Разве только иногда слуга или девушка, которым достанется за барчонка, проворчат: *у,* баловень! Скоро ли провалишься к своему немцу!"

Пришел Ермила (в городе
тот день базарный был),
стал на воз, видим: крестится,
на все четыре стороны
поклон и громким голосом
кричит: „*Эй,* люди добрые!
притихнете, послушайте,
я слово вам скажу!"

Некрасов.

Савельич ворчал; я глядел во все стороны, надеясь увидеть хоть признак жилья или дороги, но ничего не мог различить, кроме мутного кручения мятели... Вдруг увидел я что-то черное.

— *Эй,* ямщик!—закричал я.—Смотри: что там такое чернеется?..

Пушкин.

Сидор вожжи возьмет,
чорта не боится!
пролетит,—на него
облачко дивится!
только крикнешь: „Ну, ну!
Эх ты, беззаботный!“
Отстает позади
ветер перелетный!..“

Никитин.

Но кстати ль? Мельник мой не думает тужить;
а течь день ото дня сильнее становится:
вода так бьет, как из ведра.
„*Эй*, мельник, не зевай! Пора,
пора тебе за ум хватиться!..“

Крылов.

— „Соседка, перестань срамиться“,
ей шавка говорит: „тебе ль с слоном возиться?
смотри, уж ты хрипишь, а он себе идет вперед
и лая твоего совсем не примечает“.
— „*Эх*,—*эх*“! ей моська отвечает:
„вот то-то мне и духу придает,
что я, совсем без драки,
могу попасть в большие забияки...

Крылов.

Вот раздалося „*ау*“! вдалеке;
вот над колосьями в синем венке
черная быстро мелькнула головка...
Вишь ты, куда забежала, плутовка!
Э! Да никак колосистую рожь
переросла наша дочка“!..

Некрасов.

Ой, каб Волга матушка да вспять побежала!
Кабы можно, братцы, начать жить с начала!
Ой, кабы зимою цветы расцветали!
Кабы мы любили да не разлюбляли!..

А. Толстой.

Гей, вы, цветики мои,
цветики степные,
что глядите на́ меня
темно-голубые?

И о чем грустите вы
в день веселый мая,
средь некошенной травы
головой качая?

А. Толстой.

Гой ты, родина моя:
гой ты, бор дремучий!
Свист полночный соловья!
Ветер, степь да тучи!

А. Толстой.

Подчеркнутые в приведенных выше отрывках слова:

ах; ахти; ай; ой; у; эй; эх-эх; э; гей, гой

называются *междометиями*. Эти слова не составляют части речи, так как они не обозначают ни предмета, ни признака предмета и так как вообще не выражают какой либо мысли; мы ими пользуемся в своей речи только для выражения различных чувств, а так как всякое слово, как часть речи, должно выражать какую-либо мысль, то междометия, служащие для выражения чувства, а не мысли, собственно говоря, и не составляют слов в том смысле, как их составляют имена существительные, имена прилагательные, глаголы, наречия, причастия, деепричастия, предлоги и союзы.

Выписанные нами междометия по своей форме составляют группу так называемых *первообразных* междометий. Кроме первообразных, есть еще междометия *производные*, образованные от различных частей речи: *вот* (от местоим.—тот), *вон* (от местоимен.—он), *спасибо* (из—„спаси бог!"), *бух*, *бац*, *стоп* (от глаголов), и др.; и междометия *звукоподражательные:*

мяю; ку-ку-ре-ку; му; динь-динь; цып-цып и др.

Междометия на письме обыкновенно сопровождаются восклицательным знаком, который ставится или непосредственно после междометия или после всей фразы с междометием, а междометие тогда отделяется от последующих слов запятою: ах, братцы! ахти, ребята, вор! ай, конь хваленый!.. ах-ах! ямщик! ау! ура! э!

КОНЕЦ.

Для заметок:

Для заметок:

Для заметок:

Для заметок:

ФИЗИКА И ХИМИЯ.

Баранов—Начальная физика, элементарный курс.
Бачинский—Сборник задач и упражнений по физике.
„ —Краткий курс физики для школ II ступени.
„ —Электричество и магнетизм.
Верховский—Химическая лаборатория трудовой школы.
Григорьев—Краткий курс химии.
Кашин—Физика I ступени.
„ — „ II „
Красиков—Самодельные физические приборы.
„ —Колодезь. Опыт комплексного преподавания.
Краевич—Сокращенный учебник физики.
Реформатский—Начальный курс органической химии.
Сазонов и Верховский—Учебник химии.
Цингер—Начальная физика I ступени.
„ — „ „ II
„ — „ „ Задачник по физике.
Шмидт—Введение в химию.

ГЕОГРАФИЯ И МИРОВЕДЕНИЕ.

Крубер, Григорьев, Барков и Гефранов—Ч. I. Начальный курс географии.
Тоже, ч. II. Внеевропейские страны.
„ ч. III. Западная Европа.
„ ч. IV. Россия и окраинные государства.
Каменьщиков—Мироздание.
„ —Начальная астрономия.
„ —Тетрадь. Наблюдай небо.
Меч—Первые уроки географии.
Нечаев, А.—Тетради по географии.
„ —По морю и суше. Географическая хрестоматия.
Полетаева—Занятия по географии.
Руднев, Усков, Маминский—Учебник всеобщей географии
Стратонов—Космография.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ.

Завьялов—Краткий курс физиологии человека.
Игнатьев—Учебник ботаники (для школ с сельско-хоз. уклоном).
„ —Весенняя флора.
Капелькин и Цингер—Природоведение ч. I. Неживая природа.
„ „ — „ ч. II. Ботаника.
„ „ — „ ч. III. Зоология.
Капелькина-Львова—Ботанический атлас с объяснит. текстом.
Панков—Материалы по естественной истории.
Пинкевич—Жизнь земной коры. Курс общ. землеведения.
Райков—Строение человеческого тела.
Ростовцев—Начальный курс практических занятий по анатомии растений.
Ульянинский—Неживая природа.
Фридлер и Големан—Анатомические таблицы.
Ягодовский—Тело человека.

Торговый Сектор Государственного Издательства:
Москва, Ильинка, Биржевая площадь, уг. Богоявленского пер., № 4.
Телефоны: 1-57-57, 2-25-55.
Петроград, Пр. 25 Октября, д. 28. Тел. 1-32-44.

У. П.
ц. р. к.
5,—

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00039903113